

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ НАРОДОВ АЗИИ

КАЗАНИЕ О СЕРИ РАМЕ

ПЕРЕВОД С ИНДОНЕЗИЙСКОГО
ПРЕДИСЛОВИЕ И ПРИМЕЧАНИЯ
Л. А. МЕРВАРТ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1961

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Сказание о Сери Раме» — национальный эпос индонезийцев. Это малайский вариант великого индийского эпоса «Рамаяна».

Западные эпосы — «Илиада», «Одиссея», «Песнь о Нибелунгах», «Сказания о рыцарях Круглого стола» — не становились национальными эпосами других народов, а оставались в среде того народа, где они возникли. Если же мотивы какого-нибудь из этих эпосов, как, например, история Энея в римской литературе, история Парсифаля или Лоэнгринга в германской литературе, и получали свое развитие, то это всегда было уже не в области народного творчества, а только в области письменной художественной литературы. Вергилиева «Энеида», как и «Парсифаль» Вольфрама фон Эшенбаха или его же «Лоэнгрин», никогда не становились народными эпосами, а остались эпическими поэмами письменной литературы Рима и Германии. Совершенно другая судьба постигла народные эпосы Индии. Куда бы ни проникало влияние индийской культуры, оно несло с собой могучие эпосы — Махабхарату и Рамаяну. Рамаяна — трогательная, печальная и мужественная история о безупречном царевиче Раме, в котором воплотился на земле великий бог, хранитель и защитник Вишну, о его прекрасной земной супруге царевне Сите, похищенной у него сирепым царем демонов Раваной, но оставшейся верной супругу, несмотря ни на какие унижения своего похитителя; о том, как боги, люди и звери служили царевичу, изгнанному из своего царства по прощам мачехи, и помогли ему найти и освободить свою верную подружку. Это сказание индусы несли с собой всюду, куда они проникали, и дарили его всем тем народам, с которыми встречались. Ведь индуизм, породивший «Сказание о Сери Раме», был частью индийской культуры, а так как древняя индийская культура по сравнению, скажем, с индонезийской стояла на более высокой ступени, то принявшие ее народы Индонезии восприняли в ее составе и индуизм как более высокую степень религии, чем господствовавший у них анимизм. И так же, как языческие народы, принимая христианство или мусульманство,

непрерывно как-то согласовывали эти религии со своей собственной уже для того, чтобы не разгневать прежних богов и не поступить теми благами, которыми их эти боги, по их убеждению, одаривали, так и индонезийцы вводили в мир новых индийских богов своих старых богов и своих духов.

Германцы превратили свои древние святилища бога грома Тора, или Донара, в церковки архангела Михаила — главнокомандующего ангельскими полчищами; славяне сделали Велеса — своего бога, покровителя скота, святым Власием, который остался патроном домашних животных.

Индонезийцы же либо включили своих богов, как, например, Семара и его сыновей, в свиту новых богов, наделив их, однако, большей силой, либо сделали новых богов родоначальниками своих родов и племен.

Общение со своими духами-родоначальниками индонезийцы осуществляли, главным образом вызывая их тени. Так возник теневой театр индонезийцев — вааянг. И вот Рамаяна, так же как и Махабхарата, стала основным источником, из которого черпали свое содержание пьесы теневого театра. Индийские боги и герои воспринимались индонезийцами в основном как тени вааянга. Без представления вааянга не обходилось ни одно — ни семейное, ни родовое, ни общественное событие — или вообще крупное собрание. Индийцы не рассказывали, а пели отдельные песни или главы своих эпосов. Поэтому составлены они все шлоками — рифмованными двустопиями. Рифма и стихотворный размер были нужны для точного запоминания содержания. Индонезийцы не пели, а рассказывали главы и эпизоды своего «Сказания о Серри Рама». Оно и понятно. Ведь они прежде всего служили материалом для сценария вааянга. Однако и индонезийцам было трудно запомнить большие куски эпоса. Как они выходили из этого затруднения? Рассказ велся, хотя и не в стихотворной форме, но все же мерной речью, пусть в прозе. Это давало возможность сказителю, пользуясь медлительностью подачи материала, думать и вспоминать. Иногда вкраплялись в прозаический текст отдельные стихотворные кусочки, например описание какого-нибудь волшебного кинжала или блестящего наряда героя; облегчало запоминание и обилие постоянных эпитетов и выражений. Царевна всегда «прекрасна лицом», царь всегда «могуч и силен, и ни один из царей вселенной не может сравниться с ним». Когда герой выступает в поход, то его «сопровождают все министры и вельможи, евнухи, гонцы и все войско».

Пока с языка сказителя медленно скатываются все эти привычные, постоянные выражения, у него есть время подумать о продолжении своего рассказа. И, наконец, чрезвычайно важная особенность стиля — это бесконечное повторение имен действующих лиц, по возможности с их титулами «махараджа», «махареси», произнося которые рассказчик может вспомнить текст и построить свою дальнейшую речь.

Индонезийский рассказчик рассказывал не всю индийскую Рамаяну, а лишь отдельные ее эпизоды, почему-либо созвучные ему, особенно такие, в которых отражалось его собственное мироощущение.

Поэтому предание о Сери Раме, дошедшее до нас в рукописях XVI—XVIII веков, собрано сравнительно в небольшую книгу, в то время как Рамаяна Вальмики, которая, вероятнее всего, легла в основу предания о Сери Раме, составляет восемь томов.

Рукописи «Сказания о Раме» не вполне совпадают, хотя и довольно близки между собой. Голландский ученый Роорда ван Эйсинга в 1843 г. издал одну из этих рукописей¹; английский миссионер малаист Шеллабер в 1917 г. издал другую². При этом каждая из рукописей охватывает не все рассказы, вошедшие в «Сказание о Сери Раме», но большая часть из них совпадает между собой, и лишь некоторые разнятся. Так, например, версия Шеллабера охватывает больше эпизодов, касающихся молодости демона Раваны, а рукопись Роорда значительно более подробно останавливается на самом Раме и его супруге Сите. Вообще говоря, рукопись, легшая в основу издания Роорда, значительно полнее и лучше, чем та, которой пользовался Шеллабер.

Самое старое издательство Индонезии «Balai Pustaka» выпустило в 1953 г. сводный текст «Сказания о Сери Раме»³, основанный на издании Роорда с дополнениями по изданию Шеллабера. Таким образом, можно сказать, что это — наиболее пол-

¹ P. P. Roorda van Eysinga, *Geschiedenis van Sri Rāma beroemd Indisch Heroisch Dichtstuk, oorspronkelijk in het Sanskrit, van Valmic en naar eene Maleische vertaling daarvan, in het Maleisch, mit Arabisch karakter, mitsgaders met eene voorrede en plaat nitgegeven*, Amsterdam, 1843.

² W. G. Shellabear, *Hikayat Sri Rama*, — «Journal of the Straits Branch of the Royal Asiatic Society», 1917.

³ «Hikajat Seri Rama», Djakarta, Balai Pustaka, 1953.

ное издание «Сказания». Это отнюдь не означает, что в настоящее время не существует устных рассказов, входящих в этот цикл и не вошедших ни в одну из рукописей, изданных Роордом и Шеллабером. Так, например, в 1886 г. английский ученый Максвелл опубликовал статью под названием «Утешитель печалей» («Пенглипур лара») ⁴, где приводит запись рассказа известного в Малайе сказителя Мир Хасана. Это еще один вариант нескольких эпизодов «Сказания», еще бытовавших в те годы в устной передаче.

Очень интересно, что в настоящее время в индонезийском театре и изобразительном искусстве чаще всего используют те эпизоды «Сказания о Сери Раме», в которых действующими лицами являются обезьяны — помощники Сери Рамы в его борьбе с Раваной за царевну Ситу. Показательно это потому, что с проникновением в малайскую среду ислама религиозное значение Сери Рамы естественно уменьшается, и на первый план выходит развлекательный элемент.

«Сказание о Сери Раме» восходит к Рамаяне Вальмики, но оно отнюдь не является ее переводом или даже пересказом.

Еще в 1846 г. Дозон ⁵ доказал, что это — самостоятельное произведение, правда, основанное на той же фабуле, но отражающее малайский дух и среду. Цизенис ⁶ и Стюттергейм ⁷, наоборот, склонны считать все индонезийское «Сказание о Сери Раме» полностью заимствованным из Индии. При этом они основываются на том, что, кроме Рамаяны Вальмики и Рамаяны Тулси Даса ⁸, существовало еще много народных сказаний на тот же сюжет, как в Индии (североиндийские, бенгальские, южноиндийские), так и у народов Юго-Восточной Азии.

И Цизенис, и Стюттергейм пытаются доказать, что многие эпизоды, встречающиеся в индонезийском «Сказании о Сери Раме» и не совпадающие с Рамаяной Вальмики, в той или иной

⁴ W. E. Maxwell, *Penglipur lara*, — «Journal of the Straits Branch of the Royal Asiatic Society», 1886. — *Пенглипур лара* («Утешители печали» или «Рассеиватели забот») — так назывались в Малайе бродячие сказители.

⁵ A. Dozon, *Etude sur le Roman Malay de Sri Rama*, — «Journal Asiatique», 4-^{ème} série, t. VII, 1846.

⁶ A. Ziesenis, *Die Rama Sage bei den Malaien*, Hamburg, 1928.

⁷ W. F. Stutterheim, *Rama-Legenden und Rama-Reliefs in Indonesien*, München, 1925.

⁸ См. Тулси Дас, *Рамаяна*. Перевод с хинди акад. Н. П. Баранникова, М., 1948.

форме встречаются в какой-нибудь бенгальской или дравидийской версии Рамааны и что, следовательно, индонезийцы заимствовали эти эпизоды оттуда, т. е. все-таки из Индии. Однако с этим невозможно согласиться, во-первых, потому, что в таком случае индонезийскому сказителю пришлось бы приписывать очень большую эрудицию, очень глубокое знакомство со всеми встречавшимися в Индии в разных местах и в разное время вариантами Рамааны; во-вторых, если даже эпизод встречается в индонезийском «Сказании» и в бенгальской или дравидийской версии истории Рамаы и является странствующим сюжетом, то он мог попасть в Индонезию из Бенгалии или Тамилнада с таким же успехом, как и в Бенгалию и Тамилнад из Малайи. И, наконец, в-третьих, «Сказание о Сери Рамае» настолько пронизано малайским, индонезийским мировоззрением и миропониманием, что его действительно приходится считать национальным индонезийским эпосом на мотивы индийской Рамааны и не только благодаря широчайшему распространению «Сказания» в странах малайских языков, но и по его индонезийскому содержанию и роли в индонезийском искусстве и культуре.

Голландский ученый Рассерс в своей книге «Роман о Панджи»⁹ даже пытается доказать, что «Сказание о Сери Рамае» вовсе не является индонезийской версией Рамааны, а представляет собой лишь версию малайско-индонезийского романа о национальном герое Сери Панджи. Он считает, что из Рамааны взяты только имена и некоторые мотивы, причем подобные же мотивы в чисто индонезийском воплощении повторяются в эпосе о Сери Панджи. Действительно, основная фабула романа — это история героя Сери Панджи, стремящегося соединиться со своей возлюбленной, а затем и супругой. На их пути встает много трудностей, которые и ему и ей удается в конце концов побороть, причем оба сохраняют верность друг другу. Но все же сюжет романа не совпадает с сюжетом Рамааны (хотя часто они очень близки друг другу), поэтому мнение Рассерса необоснованно. Тем не менее появление исследования Рассерса лишний раз подчеркивает, насколько «Сказание о Сери Рамае», несмотря на свою близость к индийской Рамаане, воспринимается как самостоятельный индонезийский национальный эпос.

⁹ W. H. Rassers, *De Pandji Roman*, Dissertation, Antwerpen, 1922.

Кроме тех рукописей, которые содержат индонезийское «Сказание о Сери Раме», до нас дошли рукописи Рамаяны на малайском языке, являющиеся переводами и переработками Рамаяны Вальмики. Имеются также переводы Рамаяны на яванский язык кави, язык древней классической поэзии Явы.

«Сказание о Сери Раме» отражает много важных этнографических подробностей жизни малайцев. Так, описание свадьбы начинается всегда с указания на многодневное бодрствование родителей невесты или лиц, заменяющих родителей. Этот праздник бодрствования есть не что иное, как продолжающийся несколько ночей подряд предсвадебный пир. Пируют ночью, так как днем очень жарко. Самая свадьба заключается в семикратном объезде молодых вокруг города в сопровождении соответствующей свиты. На пире мужа и жену сажают вместе за стол, и мать невесты кормит обоих из своих рук, как своих детей. Это — явный пережиток матриархата, при котором муж переходит в род жены. Затем место молодых завешивается пологом из семи занавесей, за которым они остаются на некоторое время и могут наедине поесть и поболтать.

Для индонезийской жизни характерна громадная роль музыки, без которой не обходится ни одно празднество и ни одно торжество, ни одно событие как семейное, так и общественное. Эта любовь индонезийцев к музыке отразилась и в «Сказании о Сери Раме».

Очень любопытно, что, хотя ислам начал проникать в Индонезию еще с XIII в., он очень мало отражается в «Сказании о Сери Раме». Только в двух-трех местах упоминается Аллах, хотя, может быть, именно, ислам (или, вернее, содержащаяся в нем идея единого бога) привел к тому, что как основной вершитель судеб в «Сказании» постоянно упоминается «Великий Преславный бог» — Девата Мулия Райя. Впрочем, эта идея отнюдь не была чужда индуизму, принесенному в Индонезию. Ведь и для индуса было очевидным, что во главе мира стоит великая триада: Брахма, Вишну и Шива, из которых Брахма, собственно, в жизнь мира не вмешивается. Активными божествами являются Шива и Вишну. Индусы распадаются в основном на шиваитов и вишнуитов, т. е. для одной части индусов верховным богом является Шива, а для другой — Вишну, называющийся в «Сказании» Маха Бисну, т. е. великий Вишну. Таким образом, все остальные боги и богини входят в индуистскую религию как члены рода верховного бога, как его функции или излучения,

как его силы. В индонезийской же Рамаяне Великий бог, особенно в своей воплощенной форме Сери Рамы, является родоначальником, т. е. предком царствующего рода, что совершенно отвечает индонезийскому взгляду на божественность предков. Так индийская глубоко разработанная философская религия обращивается на индонезийской почве древнейшим малайским поклонением предкам и столь же древним малайским анимизмом. Мать божественного родоначальника Сери Рамы сама оказывается духом дерева.

И поклонение предкам и анимизм свойственны, разумеется, многим первобытным народам. В данном случае важно наличие этих форм религии у малайцев. Анимистические представления вообще пронизывают «Сказание»: стрелы Сери Рамы одушевлены; и Сери Рама и другие вещи учителя и волшебники дают душу пучкам осоки или цветам и обращают их в людей.

Народный эпос может возникнуть только тогда, когда его мотивы еще не очень далеко отошли в прошлое, когда его герои еще представляют собой идеалы современника. Поэтому, например, певцы, записавшие песни «Илиады» или «Одиссеи» при Писистрате, еще могли объединить их в поэтические единства народных эпосов. Так и «Песнь о Нибелунгах» является сплавом многих песен в один эпос, созданный в те времена, когда Зигфрид и Этцель были еще близкими героями для своего народа.

В то же время русские былины не были сведены в обработанные своды по циклам. Даже самый крупный богатырь былин киевского круга Илья Муромец, дошел до нас героем отдельных былин об Илье. В начале XX в. была сделана попытка объединить эти былины в эпос под названием «Ильяда». Попытка была совершенно неудачной. Не могло возникнуть народного эпоса об Илье Муромце в XX в., когда и он и богатыри — его соратники — давно уже не отражали современного русского мировоззрения и самый круг приближенных киевского князя Владимира Красное Солнышко перестал быть образцом и идеалом для народа и выпал из его памяти. Кроме того, греческая форма Илиада возникла совершенно правильно из формы косвенных падежей греческого имени Илиас, Илиаду; русское же название возможного сказания о богатыре Илье никак не может иметь греческой формы.

Так же как наши былины, индийские эпосы распевались или рассказывались отдельными эпизодами различными певцами и

рассказчиками. И только значительно позже эти песни или рассказы были сведены в обработанные эпосы. Несомненно, что в том виде, как оно отразилось в рукописях XVI—XVIII вв., «Сказание» явилось результатом творчества какого-то «Пенглипура лары», объединившего рассказы сказителей, рассказывавших отдельные эпизоды в то время, когда Сери Рама еще был носителем идеалов малайского мира, современного этому «Утешителю печалей». «Сказание о Сери Рама», записанное в этих рукописях, было национальным эпосом.

Однако оно не было, по-видимому, так отработано, чтобы не включать повторений. Составители свода не сумели отбросить те или другие песни и из всех песен об одних и тех же эпизодах четко отобрать только один вариант и таким образом строить логически последовательно и цельно один художественный рассказ эпоса. Поэтому в «Сказании о Сери Рама» имеется множество повторений. Если какой-нибудь герой в «Сказании» совершает благородный поступок, то в дальнейшем Сери Рама непременно совершает такой же, но более высокий и удачный. Эти повторения часто несут некоторый этический смысл. Например, царь демонов Равана обманом заставляет отца Рамы отдать ему свою супругу Манду Дари. Впоследствии один из царей обезьян — Баляя — отнимает у Раваны его супругу.

Вообще взаимоотношения между многими персонажами «Сказания» очень запутаны. Например, у Ханумана оказываются две матери: одна — зачавшая его царица Сита, а другая — родившая его на свет Деви Анджани. Еще более сложны отношения между царевичем Сери Рамой и царицей Ситой. Отец Сери Рамы — Дасарата Махараджа — вступил в близкие отношения с царицей Манду Даки — супругой Раваны — раньше ее мужа, так что вопрос о том, кто является отцом Ситы — дочери Манду Даки — остается открытым. Если она дочь Дасарата Махараджи, то приходится Сери Рама сестрой. Если же она дочь Раваны, то по отцу она раксаси, поскольку Равана — царь раксас (демонов). Однако в этом случае стремление Раваны сделать Ситу своей женой напоминает преступление царя Эдипа, женившегося на своей матери. Правда, в обоих случаях преступление это не преднамеренное. Равана так же не знал того, что Сита его дочь, как Эдип — что Иокаста его мать.

Ничего подобного этой сложной ситуации в индийской Рамаяне нет. Там Сита просто дочь государя — соседа отца Сери Рамы.

Брачные отношения в Малайе и Индонезии вообще значительно сложнее, чем в Индии. При очень распространенном у малайцев матриликальном браке, при котором дети остаются в роде матери, браки единокровных, но не единоутробных братьев и сестер возможны и не вызывают представлений о кровосмешительстве. Поэтому брак Рамы с Ситой не вызывает возмущения у индонезийцев. Попытка же Раваны жениться на Сите вызывает возмущение и отвращение, так как это нарушает закон многих первобытных народов, по которому муж и жена должны принадлежать к одному поколению, а не к различным, как Равана и Сита. Вообще кровосмешение по прямой восходящей или нисходящей линии воспринимается как нарушение морали у большинства народов. Индийцы же допускают браки между людьми разных поколений. Брак с дочерью сестры индийцы считают даже самым естественным браком.

«Сказание о Сери Раме» сохранило и другие чисто малайские черты. Пример этого — тесная связь между людьми и животными, случаи, когда животное порождает человека. Этот мотив вообще чрезвычайно распространен в индонезийском фольклоре.

И в индийской Рамаэне и в «Сказании о Сери Раме» Равана обращается к своим родным, братьям, сыновьям за помощью в своей борьбе с Сери Рамой. И тут мы встречаем фигуры, совершенно чуждые индийской культуре, — например, Бута Биса, которого нет в Рамаэне. Это сгущенная ярость, его боится сам Равана; поэтому он спустил его в закрытом сосуде в глубины земли и укрепил на его глазах золотые колпачки, так как взгляд его сжигает все, на что падает.

Из всего сказанного совершенно очевидно, что «Сказание о Сери Раме» представляет большую познавательную ценность, что использованные в нем мотивы индийского эпоса Рамаэны фонизаны индонезийским духом и мировоззрением.

«Сказание» никогда не было переведено ни на какой язык. Предлагаемый перевод сделан по изданию «Balai Pustaka» 1953 г. Для иллюстраций было использовано издание Стюттергейма (W. Stutterheim, *Rāma-Legenden und Rāma-Reliefs in Indonesien*, München, 1925), в котором воспроизведены рельефы находящихся на Яве индуистских храмов Лара Джонггранг и Панатаран на сюжеты Рамаэны. Оформление книги, сделанное художником Л. С. Эрманом, также основано на рельефах этих храмов.

Л. Мерварт

КАЗАНИЕ
О СЕРИ
РАМЕ

О ТОМ, КАК ЦАРЕВНУ МАНДУ ДАРИ * НАШЛИ В СТВОЛЕ БАМБУКА

ТО ИСТОРИЯ, которую рассказывают с древних времен. Называется она «Сказание о махарадже * Сери * Ра-ме, сыне Дасараты Махараджи». Дасарата Махараджа был сыном Дасараты Чакравати, а Дасарата Чакравати был сыном Дасараты Рамана. Дасарата Раман был сыном Дасараты, Дасарата же был сыном самого пророка Адама *.

Дасарата Махараджа владел великой волшебной силой. Прекрасный лицом, он был смелым и отважным воином, и не было ему равных в те времена. Однажды этот государь пожелал разыскать подходящее место, чтобы основать город, который он мог бы оставить в наследство своим внукам и правнукам. Государь повелел своему первому министру * по имени Пуспа Джая Керама найти место, чтобы построить там желанный его сердцу город. Пуспа Джая Керама поклонился государю до земли, а потом отправился в путь со всеми министрами и военачальниками и в сопровождении народа — всего сорока тысяч человек. Через некоторое время он действительно нашел местность, которая совершенно отвечала желаниям государя Дасараты Махараджи. Пуспа Джая Керама приказал сорока тысячам человек расчистить это место, вырубить все большие деревья и убрать все громадные валуны. После этого он послал одного из министров сообщить обо всем государю. Когда министр прибыл, он вошел к государю, поклонился ему и сказал: «Ваше величество повелели найти подходящее место. Благодаря счастью, сопутствующему вам, уже нашлась местность, удобная для основания города. Это ровная низменность, а посреди

нее возвышается холм чрезвычайной красоты, пригодный под дворец вашего величества».

Государь обрадовался всем сердцем, услышав сообщение министра. Он повелел всем князьям, министрам, военачальникам, евнухам, гонцам и всем вельможам города Испаха Бога отправиться расчищать эту местность. И все они пошли к Пуспе Джая Кераме и его людям. Придя туда, все князья и министры занялись каждый своей работой. Через два-три дня вся площадь была расчищена и открыта солнцу. На середине холма стоял высокоствольный бамбук цвета чистого золота в двадцать четыре карата с листьями, как серебро. Деревья вокруг этого бамбука склонялись к нему, как к зонту, защищающему их своей тенью. Все военачальники пришли срубить его. Когда бамбук рубили слева, он разрастался направо, а когда его рубили справа, он разрастался налево. И так все время. Все раджи, министры и военачальники с изумлением смотрели на то, что делалось с этим бамбуком. Министр Пуспа Джая Кераме быстро вернулся к Дасарате Махарадже и, отдав ему поклон, доложил о странном поведении гигантского бамбука. Государь весьма удивился, выслушав сообщение министра, и сказал: «Если так, завтра я сам приду посмотреть, как вы рубите этот бамбук».

На следующий день государь сел на своего слона и отправился в сопровождении всех раджей, министров, всех военачальников, евнухов, вестников и всего народа и неисчислимого своего войска. Прибыв на место, государь изволил спросить: «Где же этот гигантский бамбук?» Пуспа Джая Кераме с поклоном ответил: «Вот этот, ваше величество, он защищает своей тенью все эти деревья».

Перед глазами государя возносился ствол бамбука необычайной красоты, благоухающий нардом* и мускусом. Государь сказал: «Слушай, Пуспа Джая Кераме, сруби этот бамбук своим ножом. Я посмотрю».

Пуспа Джая Кераме быстро выхватил из ножен свой меч величиной со ствол кокосовой пальмы и ударил им по бамбуковому стволу. От одного удара ножа ствол бамбука разом сломался, но в тот же миг вырос

снова, только слева. Когда же он был срублен слева, то опять вырос справа. Увидев, что делается с этим бамбуком, государь чрезвычайно разгневался, спустился со своего слона и, обнажив свой меч, ударил вдоль по гигантскому стволу. Одним этим ударом бамбук был расколот во всю свою длину. По воле Преславного бога * государь увидел внутри этого гигантского бамбука женщину в драгоценных уборах, сидящую на широком ложе. Лицо ее сияло, как полная луна в четырнадцатую ночь, а тело было цвета чистого золота. Дасарата Махараджа быстро расстегнул свой пояс, завернул царевну в свою одежду, посадил на бедро * и отнес на своего слона. Затем вернулся с ней во дворец, снял ее со слона и внес в свои покои. Дасарата Махараджа был очень доволен. Он приказал министру Пуспе Джае Кераме построить семнадцатиярусные носилки и сорок малых носилок, чтобы они сопровождали большие. Все раджи работали, каждый со всем усердием и со всем умением.

С этого дня государь начал праздник бодрствования *, который продолжался сорок дней и сорок ночей под аккомпанемент всевозможных музыкальных инструментов. Для угощения гостей были зарезаны сотни буйволов, быков, овец, коз, кур, уток и гусей. Гремела музыка гонгов, барабанов, серунаев *. Когда прошло сорок дней пиروвания, государь и царица по имени Манду Дари в добрый час разделались в нарядные одежды. Одевшись, государь взял царицу за руку, повел и вместе с ней сел в семнадцатиярусные носилки прекрасной работы. Супруги всех раджей и министров в своих драгоценных уборах сели в носилки напротив государя и государыни. Все начальники областей, военачальники и супруги вельмож, все царицены девушки и государевы благородные прислужницы разместились в малых носилках, чтобы вслед за государем сделать семь кругов вокруг города Испаха Бога.

Едва только процессия шесть раз обошла город, носилки сломались. Раджи и военачальники бросились всеми способами исправлять носилки, но это никак не удавалось. У государя была одна наложница по имени Балия Дари *. Когда она увидела, что носилки государя

сломались, то быстро выскочила из своих и поддерживала царские рукой. Носилки выправились. Однако рука Балии Дари при этом сломалась. Государь проследовал обратно во дворец и сел лицом ко всем раджам, министрам, военачальникам, евнухам, гонцам, вестникам и всему народу. Государь изрек: «Я чуть было не покрылся позором перед царицей, оттого что сломались эти носилки. Хорошо еще, что Балия Дари быстро удержала их своей рукой. При этом она сломала руку. Велика ее преданность мне. Поэтому, если у меня будет от нее ребенок, сын ли, дочь ли, я сделаю его раджей этого города».

Все раджи, министры, военачальники и народ приветствовали это: «Все, что ваше преславное величество изволили повелеть, мы исполним». После этого государь приказал Пуспе Джае Кераме, раджам, министрам, военачальникам всем вместе отправиться строить город. Когда город был построен, государь пожаловал ему имя Мандура Пура Негара. Государь переселился в новый город со всеми раджами, министрами, военачальниками и всем народом.

Прожив в городе Мандура Пура некоторое время, государь все еще не имел детей. Тогда он отправился к одному мудрецу-отшельнику. «Чего ты хочешь, сын мой? Зачем ты пришел сюда?» — спросил мудрец. Дасарата Махараджа ответил: «Отец мой, я, твой раб, пришел сюда, чтобы попросить у тебя какого-нибудь средства, потому что больше всего я жажду ребенка. Ведь у меня еще нет детей». Мудрец улыбнулся и обратился к звездам *. Вот что сказал отшельник Пуроста *: «Слушай, сын мой, через три дня мы принесем жертву на этой поляне. Да соизволит сын мой приказать всем своим раджам и министрам приготовить нам место для жертвоприношения».

Дасарата Махараджа испросил разрешения вернуться к себе во дворец и отдал приказ Пуспе Джае Кераме и всем министрам и военачальникам отправиться готовить место для жертвоприношения. Когда оно было готово, государь вместе с царицей Манду Дари и с Балией Дари воссел на белого слона, выехал из города и направился к месту жертвоприношения в сопровож-

дении всех министров и военачальников в драгоценных уборах, а также музыкантов, игравших прекрасные мелодии. Пуспе Джая Кераме государь приказал пойти приветствовать мудреца-отшельника. Придя к отшельнику Пуросте, Пуспа Джая Кераме склонился перед ним и сказал: «Ваш царственный сын просит вас, моего господина, пожаловать на место жертвоприношения».

Пуроста приготовил все для совершения жертвоприношения. Вся тысяча его учеников пошла следом за ним. Он поднялся на свою волшебную колесницу, которая сама полетела за Дасаратой Махараджей в город Мандура Пура Негара, а министр Пуспа Джая Кераме пошел пешком со всеми отшельниками, которых было тысяча.

И вот отшельник Пуроста прибыл в город Мандура Пура Негара. Он сошел со своей колесницы. Дасарата Махараджа сам вышел встретить его, взял за руку, повел и посадил вместе с собой на золотой трон, усыпанный жемчугом и всевозможными драгоценными камнями. В это время Пуспа Джая Кераме пришел со всею тысячью отшельников. Пуроста сел на золоченое кресло, чтобы вознести молитвы рису и пшенице *. Вся тысяча отшельников села вокруг Пуросты-отшельника, совершающего это жертвоприношение. Тут громко заиграли все инструменты: ребаб, кечапи, данди, бангси, сердам, копок, черачап, сангка, мадели, кетрум, гентери, оргран, негара, серунай, гонг, гендеранг *. Пуроста сел поклониться жертве * со всеми отшельниками, тысячью человек.

В это самое время бабка махараджи Раваны * по имени Гагак Сура *, забавляясь, летела по небу. Она увидела, что внизу посреди площади в городе Мандура Пура Негара собралось великое множество народа. Увидела Гагак Сура всех отшельников, которые собрались молиться при этом жертвоприношении, чтобы вымолить у Преславного бога сына для Дасараты Махараджи. Гагак Сура подумала: «Если Дасарата Махараджа получит сына, дарованного ему Преславным богом, прекрасного лицом, смелого, отважного, сведущего в чарах, которому не будет равного, то он станет царем всего мира и всей земли; все раджи склонятся под

его властью и будут повиноваться всему, что он прикажет». Гагак Сура остановилась на небе и стала смотреть, что делают и как поступают Дасарата Махараджа и Пуроста, совершая это жертвоприношение. Прошло около двух часов. Рис с пшеницей сварился. Пуроста с молитвой склонился перед ними, потом смял рис в комки, и вышло шесть комков. Три комка он дал царице Манду Дари и три комка — Балин Дари. Царица съела два комка риса, а третий еще держала в руке. Тогда Гагак Сура спустилась с неба, выхватила комок риса из рук царицы и взмыла с ним в небо.

Увидели это Пуроста-отшельник и Дасарата Махараджа и все великое множество отшельников. Пуроста очень разгневался на Гагак Суру и проклял ее, говоря: «Слушай, Гагак, за то, что ты вырвала этот рис из рук моей дочери, царицы Манду Дари, ты сама умрешь, будешь убита сыном Дасараты Махараджи. Если же кто-нибудь съест этот рис, то пусть у него родится дочь, которая станет супругой сына Дасараты Махараджи».

Гагак Сура полетела в город Лангка Пури, явилась к махарадже Раване и с поклоном поднесла ему этот комок риса.

Махараджа Равана спросил: «Для чего этот рис?» Гагак Сура ответила: «О владыка мира, вот что случилось. Я, твоя слуга, играя, летела по небу. Прилетев к городу Дасараты Махараджи, я увидела посреди площади этого города множество отшельников и берахманов *, совершавших жертвоприношение и молившихся Преславному богу о даровании сына Дасарате Махарадже. И слуга твоя подумала: „Если Дасарата Махараджа получит сына, то он будет чрезвычайно смелым и храбрым, а к тому же великим чародеем. Он станет величайшим царем на всей земле, и все государи подчинятся ему“. Поэтому, слуга твоя, я похитила его, этот рис, над которым молились все эти отшельники и берахманы. Господин мой, быстро проглоти этот рис, чтобы Преславный бог даровал счастливого сына тебе, государю». Выслушав речь Гагак Суры, махараджа Равана быстро проглотил рис, а Гагак Сура вернулась к себе.

По окончании жертвоприношения Дасарата Махараджа даровал Пуросте в награду много золота и серебра и несколько подносов драгоценных камней. Все брахманы, которых была тысяча, получили от государя всякие дары. Когда все было закончено, отшельник Пуроста и все множество брахманов испросили у государя разрешение откланяться и вернуться к себе. Дасарата Махараджа, взяв с собой своих жен, возвратился во дворец. Государь пожаловал по серебряной монете каждому нищему и каждому бедняку столько, сколько было нужно и возможно, и даровал смену одежды * всем раджам, министрам, военачальникам, знатым воинам, кшатриям *, евнухам, вестникам, гонцам и всему народу, каждому по его надобности, то, что ему подобало.

После всего этого государь со всеми министрами и военачальниками и всем народом все время продолжал охотиться. Однажды, охотясь в глухом бору, государь встретил лань и выпустил в нее стрелу. Лань была ранена. Она упала ничком и, падая, воскликнула: «О Дасарата Махараджа, никогда не губи ни единого из живущих в этом лесу, потому что суждено некоему юноше, что именно он будет убивать животных этого леса». И с этими словами лань скрылась с глаз государя. Государь был поражен ее поведением.

В этот день государь больше не охотился и поехал домой. На половине пути он увидел под деревом белого нагасари * какого-то мудреца-отшельника, углубленного в созерцание. Государь поспешно сошел со своего слона и приблизился к мудрецу, говоря: «О великий подвижник, как тебя зовут, господин мой, и давно ли ты предаешься своему подвижничеству?» Когда отшельник услышал голос вопрошающего, он открыл глаза, увидел Дасарату Махараджу и произнес: «О Дасарата Махараджа, я жил так пятьсот лет, имя мое махареси * Берма Дева. Отца же моего зовут махареси Берма Дасарата Чакравати».

Услышав слова махареси Бермы Девы, Дасарата Махараджа сказал: «О отец мой, если есть на то твоя милость, посмотри, что говорят тебе звезды. Будет ли Преславленным богом дарован мне, слуге твоему, сын или

дочь или не будет?» Махареси Берма Дева улыбнулся, говоря: «О сын мой, Дасарата Махараджа, если ты желаешь иметь ребенка, как того жаждет твое сердце, то направься, государь мой, в глубь леса и убей тысячу слонов. Если ты добудешь их полную тысячу, то Преславный бог дарует тебе четырех сыновей и одну дочь».

После этого государь испросил у него разрешения удалиться и возвратился в свой дворец. С тех пор государь постоянно охотился в глухом лесу в поисках слонов. Это было его работой изо дня в день. Убил государь тысячу слонов без одного и больше не встретил ни единого. Так прошло много дней, и наконец он вышел из леса и вернулся домой.

Начинается рассказ о другом мудреце, отшельнике по имени бегаван * Бакрама Дева. Этот отшельник был слеп на оба глаза. У него был сын. Он-то и заботился об отце и добывал ему пропитание. Как-то во время новолуния сын отшельника в темноте упал в облицованный камнем пруд. Дасарате Махарадже послышался крик слона, и государь поспешно бросился к берегам этого пруда. Ему показалось, что голос слона раздается из пруда, и государь поразил слона своим дротиком. Но это был не слон, а сын отшельника, и он скончался. А Дасарата Махараджа воскликнул: «Слушайте, все мои министры. Наконец-то я убил полную тысячу слонов!» — и после этого государь радостно вернулся домой.

Бегаван Бакрама Дева ждал своего сына. Прошло уже много времени, а мальчик все еще не возвращался. Тогда отшельник сам отправился искать сына. Придя к месту, где был пруд, он увидел, что сын его мертв. Заплакал бегаван Бакрама Дева и сказал: «Никто не мог убить моего сына, кроме Дасараты Махараджи, потому что он все время охотился в этом лесу. Так пусть же, если он и получит в будущем сына, то не сможет увидеть добрых дел его, и да скончается он сам, как этот мой сын». И, сказав так, отшельник вернулся предаваться подвижничеству три тысячи лет.

Прошло немного времени, и царица супруга Дасараты Махараджи понесла. Когда исполнился ее срок,

в благоприятный час царица Манду Дари разрешилась сыном. Был он прекрасен, и тело его было цвета зеленого изумруда *. Лицо его сияло, как полная луна, и не было ему подобного. Дасарата Махараджа был бесконечно счастлив, глядя на своего сына. Отец дал царевичу имя Сери Рама. Государь растил его согласно всем обычаям, по которым воспитываются сыновья самых великих царей.

Через некоторое время царица опять забеременела. И снова у нее родился сын, прекрасный лицом. Его тело было цвета чистейшего золота. Этого сына царь назвал Лаксманана *.

От наложницы своей по имени Балия Дари государь имел двух сыновей. Одного из них государь назвал Бердана *, а другого — Читрадана *. Вскоре Балия Дари опять забеременела. Когда закончились ее месяцы, она родила девочку необыкновенной красоты. Государь назвал свою дочь Кикиви Деви *.

Через некоторое время после того, как у государя уже родились эти пятеро детей, он заболел: его мучил нарыв на поясице. Он болел очень тяжело, не мог ни есть, ни спать и чувствовал, что умирает от боли. Царь потерял сознание и уже лежал, не приходя в себя.

Когда Балия Дари увидела, что государь страдает так, что от боли не может уже двинуться, она бросилась к нему, прижалась губами к нарыву и высосала его. Царь вздрогнул. Весь гной и кровь этой болезни вылились в рот Балии Дари. Она выплюнула их и наполнила целую плевательницу вровень с краями.

Скоро царь пришел в себя и спросил у царицы: «Почему это я только что чувствовал себя так скверно, словно бы я уже умирал от боли, а сейчас мне совсем легко?» — «О государь, — с поклоном ответила царица, — когда ты потерял сознание, Балия Дари бросилась к тебе и ртом отсосала всю твою болезнь. Она сплевывала в плевательницу, так что наполнила ее гноем и кровью из твоего нарыва вровень с краями. Вот как твое величество освободился от своей болезни».

Выслушав слова царицы, государь соизволил сказать: «О государыня! Еще во время нашей свадьбы мы бы опозорились, если бы не было Балии Дари, и

сейчас, если бы она не высосала мою болезнь, твой супруг непременно умер бы, потому что я был очень болен и уже не мог больше бороться. Вот почему я прошу тебя, царица, возведем на трон нашего царства сына Балии Дари». И царица склонилась, говоря: «Я, твоя слуга, сделаю все, что твое величество изволит повелеть, потому что я раба твоя и полностью в твоей воле».

Государь очень любил всех своих детей, больше же всех остальных он был расположен к сыну своему, царевичу Сери Рама. Из всех пятерых детей махараджа Сери Рама был самым красивым, был прекрасным витезем, смелым и отважным, выдающихся способностей и превосходного характера. Министры, военачальники и весь народ любили его больше всех.

Сери Рама становился старше. Кроме упражнения в стрельбе из лука, он не знал никакого дела. У его матери, царицы Манду Дари, была для забавы горбатая рабыня*. Эта горбунья вышла как-то из дворца для собственного удовольствия, а в это время Сери Рама играл перед воротами дворца. Увидев выходящую горбунью, он выстрелил в нее сзади, и тут же ее горб переместился наперед. Горбунья закричала, а Сери Рама выстрелил в горб спереди, и тогда горб перекатился назад. Он опять выстрелил сзади, но горб снова появился спереди. Сери Рама выстрелил в него сбоку, и горб переместился налево. Тогда он выстрелил слева, и горб перешел направо. Горбунья металась туда и сюда, крича и заливаясь слезами. Наконец она вбежала обратно во дворец, разыскала царицу Манду Дари, бросилась к ее ногам и рассказала ей, как в нее стрелял Сери Рама. Царица и ее прислужницы, бывшие во дворце, хохотали, глядя на ужимки, с которыми горбунья рассказывала все это. Царица сказала: «Успокойся, горбунья, не плачь и не выходи больше за ворота, потому что мой сын ужасно буйный и жестокий».

Затем она подарила горбунье смену одежды. Однако на следующий день горбунья снова вышла из дворца, чтобы пожаловаться министрам. Сери Рама увидел ее и опять выстрелил в горб. Горб скатился ей на ноги.

Он выстрелил в ее ноги, и горб снова поднялся на спину. Она заорала и опять побежала к царице. Государыня приказала ей предстать перед министрами. Горбунья с ревом побежала разыскивать министров, чтобы пожаловаться им. И решили все раджи и все министры: «Действительно, этот царевич хорош лицом, но чрезвычайно жесток. От его характера будет вред всему народу. Для живущих в этом царстве лучше, если Бердана и Читрадана станут княжить здесь».

Вечером горбунья предстала перед царицей и почтительно доложила ей все сказанное раджами, министрами и военачальниками.

Некоторое время спустя государь пришел с балае * к царице. И царица почтительно сообщила ему все, что сказали раджи и министры относительно его сына Сери Рама. Однако государь ответил: «Ведь сын мой Сери Рама еще ребенок. Как знать, каким он окажется в будущем!»

ЦАРЕВНА МАНДУ ДАКИ

ЕСТЬ о том, что Дасарата Махараджа нашел внутри ствола гигантского бамбука царевну изумительной, несравненной красоты с лицом цвета полной луны, проникла во все страны мира, ко всем государям. Когда этот слух дошел до раджи Равана, он тотчас приказал своему министру подать его царскую колесницу по имени Джаладара Мендунг, которая могла летать сама собой. Как только колесница прибыла, он взял свою лютню, переделся берахманом — с усами, в сандалиях и с прекраснейшими четками в руках, — взошел на колесницу и полетел по небу. Через некоторое время он достиг города Мандура Пура Негара. Тут махараджа Равана сошел со своей колесницы и сказал: «Слушай, колесница, подожди-ка меня за этим холмом. А я, переодевшись, пойду в город один».

Затем раджа Равана вошел в город и прошел во дворец Дасараты Махараджи. Это было еще до рассвета, и махараджа Равана увидел, что входы во дворец, все семеро ворот, еще заперты. Махараджа Равана произнес свое заклинание, и ворота открылись сами собой. Тогда он вошел во дворец. Тут он сел посреди двора и стал наигрывать на лютне различные мелодии. В это время Дасарата Махараджа еще почивал с царицей Манду Дари. Государь был между сном и бодрствованием, когда услышал лютню. Звуки ее складывались в изумительно прекрасный напев. Государь поднялся и подошел к задней дверке. Тут он увидел, что посреди парадного двора сидит какой-то берахман и играет на лютне. Когда он пригляделся к берахману, то признал в нем переодетого махараджу Равану.

Государь спросил: «О махараджа Равана, почему ты здесь и в таком виде?» Махараджа Равана ответил:

«О Дасарата Махараджа, господин, у меня к тебе одна просьба».

Дасарата Махараджа проговорил: «Послушай, махараджа Равана, если есть что-нибудь, чего твоя милость желает, то подымись сперва на балейронг*». Но махараджа Равана отвечал: «Я взойду на балейронг, только если ты, мой господин, дашь мне то, чего я желаю».

Дасарата Махараджа обещал: «Обязательно дам тебе это, если только оно у меня есть».

Выслушав такие слова Дасараты Махараджи, махараджа Равана сейчас же взошел на балейронг и сел рядом с Дасаратой Махараджей. «Слышал я, — сказал махараджа Равана, — что ты, господин мой, нашел царевну изумительной красоты в стволе гигантского бамбука. Ее-то я и желаю». Дасарата Махараджа промолвил в ответ: «Это действительно так, я нашел царевну в стволе гигантского бамбука, но я уже взял ее себе в супруги, и она уже имеет детей от меня. Но если, несмотря на это, твоя милость все-таки желает ее, я не буду дольше противиться». Махараджа Равана проговорил: «Если ты, господин, уже взял ее в жены и имел от нее детей, то, хотя это и будет милостью с твоей стороны, я все же прошу ее у тебя». И Дасарата Махараджа ответил: «Пусть будет так!»

Дасарата Махараджа поднялся и вошел во внутренние покои дворца. Он позвал свою супругу царицу Манду Дари и сказал ей: «О царица, случилось такое, что махараджа Равана требует тебя у твоего супруга. Пойди быстро выкупайся, вымой голову, умастись благовониями и нарядись, чтобы быть готовой».

Выслушав слова государя, царица поднялась и вошла в одну из комнат. Там она обтерлась пудрой и, потеряв рукой кожу, собрала щепотку грязи и пудры величиной с клопа. Она взяла эту щепотку, положила на золотое блюдо и с мольбой склонилась перед ней. Щепотка грязи превратилась в зеленую лягушку. Тогда Манду Дари склонилась перед этой лягушкой, и вдруг лягушка обратилась женщиной, которая по виду ничем не отличалась от самой царицы Манду Дари. Потом Манду Дари украсила и нарядила эту женщину в

роскошные одежды. Когда все было готово, царица укрылась в комнате, а женщине приказала выйти и явиться Дасарате Махарадже. Никто не узнал этой тайны. Все во дворце приняли женщину за царицу Манду Дари. Государь взял женщину за руку, вывел из дворца и сказал: «О махараджа Равана, возьми мою супругу. Вот та, которую ты пожелал».

Увидев эту женщину, махараджа Равана был чрезвычайно поражен и принял ее из рук Дасараты Махараджи со словами: «Воистину, господин мой, ты государь благородный, щедрый и мудрый, ты герой и к тому же подвижник». Восхвалив таким образом Дасарату Махараджу, махараджа Равана простился с ним, взял за руку эту женщину и унес ее на бедре туда, где была его колесница.

После их отъезда царица Манду Дари вышла из своей комнаты и пришла к государю Дасарате Махарадже. Увидев царицу, царь вздрогнул и спросил: «Почему ты убежала от махараджи Раваны обратно сюда? Ведь ты же меня позоришь!». Выслушав слова царя, царица почтительно ответила: «О великий царь, повели какому-нибудь вестнику отправиться поглядеть на махараджу Равану и, если он не везет с собой женщину, которая выглядит так же, как я, прикажи казнить меня, твою служанку».

Царь поспешно вышел из дворца и догнал махараджу Равану. Он увидел, что махараджа Равана обнимает женщину совершенно на одно лицо с царицей Манду Дари и по виду неотличимую от нее. Государь был изумлен. Он вернулся во дворец и обратился к царице со словами: «О царица, кто же та женщина, которую унес махараджа Равана?»

Царица рассказала о том, как она заклинала щепотку кожной грязи. Выслушав рассказ царицы, царь обрадовался всем сердцем, потому что супруга его была с ним.

А в это время махараджа Равана нес на бедое царицу Манду Даки *. По дороге он достиг места, где жил некий отшельник Ки Субрису *. Это был звероподобный бог, который спустился с неба, сопровождая Маха Бисну *, чтобы воплотиться на земле. Он собиравал

ся двести лет вести жизнь аскета, желая вымолить себе трех сыновей в виде птиц *, чтобы Маха Бисну было на ком летать во время пребывания на земле и сражения с си-Ранджаком *. Случилось, что этот отшельник Ки Субрису как раз сидел, свесив ноги, на пороге своего дома *. Махараджа Равана же вошел к нему во двор, неся на бедре эту женщину. Увидав отшельника Ки Субрису, махараджа Равана сказал: «Эй, ты, Ки Субрису, разве ты не знаешь, что я иду и несу свою супругу? Разве ты меня не узнаешь? Почему же ты все еще сидишь и болтаешь ногами на пороге дома и не спускаешься как можно скорее приветствовать меня? Ты что, человек или обезьяна? Разве ты не знаешь приличий? *»

Услышав такие слова, отшельник Ки Субрису повернулся и увидел махараджу Равану, который нес на бедре чрезвычайно красивую женщину. Он разгневался, поднялся с места и показал свое лицо махарадже Раване со словами: «Слушай, Равана, я старик, и притом бедный и беспомощный. Разве же тебе подобает издеваться надо мной, спрашивать, человек я или обезьяна? Но у бога суждено, что твоя смерть действительно произойдет от рук обезьян и человека. И если я сам знаю, что невежлив с тобой, то это так и нужно, так и следует. А вот я спрашиваю: что же ты за великий царь, раз пошел просить жену у человека, который от нее имеет детей?! Что, нет на земле других женщин? И разве ты сам не сознаешь, что будешь проклят Преславным богом и что изменяешь своему обещанию Преславному богу?» Тогда махараджа Равана вышел от Ки Субрису туда, где стояла его колесница, сел в нее и полетел в Лангга Пури.

У отшельника же Ки Субрису родилось трое сыновей, один был назван Гаруда Маха Биру, другой — Дасампани, а третий — Джентаю. Гаруда Маха Биру — это тот, который улетел с луной *, а остальные двое сыновей никогда не разлучались с отцом. Куда он шел, туда и они вместе с ним.

Теперь о махарадже Раване. После своего возвращения в Лангга Пури он вошел во дворец и приказал позвать всех раджей, всех министров, военачальников,

евнухов и всех вестников. Когда они пришли, махараджа Равана распорядился сделать сорок носилок из слоновой кости на мраморной основе и тысячу маленьких носилок для сопровождения тех сорока носилок. Все раджи и все министры откланялись и пошли к себе, и каждый стал готовить носилки.

Продолжается рассказ о Дасарате Махарадже. Побеседовавши с царицей Манду Дари, царь приказал одной старухе пойти в сад нарвать цветов. Когда цветы принесли, царь попросил царицу свить их в гирлянду и положить в корзину. Потом он распорядился: «Слушай, старушка, доставь эти цветы во двор дворца махараджи Раваны. Веди себя как торговка цветами, и, если супруга Раваны купит их и захочет заплатить, ты не бери и скажи ей так: „Мой дом далеко, и я хочу здесь переночевать. Завтра я пойду обратно, пусть тогда и заплатят мне за эти цветы“». Сказав так, царь превратился в младенца, который только недавно научился сидеть, и полетел со старухой в Лангка Пури.

С корзинкой цветов подмышкой и ребенком на бедре старуха вошла в ограду дворца махараджи Раваны и стала громко предлагать свои цветы. Ее услышали все придворные дамы царицы Манду Даки и все наложницы махараджи Раваны и приказали позвать ее. «Скажи, бабушка цветочница, кто этот младенец?» — спрашивали они. Старушка отвечала: «Это мой внук, а его мать осталась смотреть за домом». И все дамы говорили: «Какой прелестный внук у этой старушки!»

Царевна Манду Даки услышала разговоры своих приближенных и приказала позвать к ней старушку. Та немедленно вошла со своими цветами и младенцем. Как только царевна увидела ребеночка, она воскликнула: «Дай сюда твоего внука, бабушка, я вижу, что он такой прелестный и хорошенький!» Старуха быстро подошла и подала ей ребенка. Царевна схватила его и посадила к себе на колени. Малыш сказал ей тихо-тихо: «О царевна, я пришел сюда, чтобы встретиться с тобой. Я ведь Дасарата Махараджа».

Когда царевна услышала слова мальчика, то уже не спускала его со своего бедра. Придворные дамы и

наложницы махараджи Раваны раскупили все цветы. Когда же они захотели заплатить за них, старуха остановила их: «Завтра я получу с вас деньги за цветы. Сегодня уже поздно, дом мой далеко, и я хочу заночевать здесь».

Тогда царица унесла ребенка в свои покои. В это время к ней во дворец прибыл махараджа Равана и приказал созвать раджей, министров, военачальников, евнухов и всех вестников. Государь приказал украсить место, где пройдет свадебная процессия Манду Даки. Когда же наступил вечер, махараджа Равана возвратился во дворец своей старой супруги, царицы Секанды Майи.

Как только махараджа Равана удалился, царица Манду Даки принесла этого ребенка на свою постель и опустила занавески полога. Когда же все придворные дамы крепко заснули, Дасарата Махараджа принял свой царский облик и возлег с царицей Манду Даки, чтобы получить все наслаждения за семью занавесками полога. Дасарата Махараджа овладел царицей Манду Даки и лишил ее девственности.

Перед рассветом пришла старуха: Дасарата Махараджа вновь превратился в младенца, и Манду Даки вернула его старухе. Все придворные дамы сказали цветочнице: «Слушай, бабушка, завтра непременно приходи, принеси цветов и этого младенчика тоже захвати с собой». Старуха отвечала: «Хорошо, завтра приду опять». Она простилась с царицей, посадила младенца себе на бедро и вышла из города. А там Дасарата Махараджа полетел со старухой и с ее цветочной корзиной по воздуху.

Царь тотчас прибыл в свой город, вошел во дворец и с удовольствием пришел к своей супруге. Он сказал ей: «Послушай, царица, дело обстоит так, что если у махараджи Раваны будет от его новой супруги сын ли, дочь ли, это будет мой ребенок. Ты, царица, непременно его полюби, но только ни единому человеку не открывай этой тайны». После этого повеления ни один человек не узнал тайны, конечно, кроме тебя, читатель*.

Махараджа Равана приказал устроить свадебную процессию. Когда были закончены все приготовления,

он повелел трем гонцам позвать его троих сыновей. После того как все трое явились, махараджа сказал: «Слушайте, мои друзья и мои сыновья! Приготовьте все музыкальные инструменты. Завтра на сорок дней и сорок ночей я начинаю праздник бодрствования».

Все раджи выслушали приказ махараджи Раваны. После этого Индера Джата * приказал двум вестникам подняться в царство небожителей, чтобы приготовить все небесные инструменты. Патала Махирани * послал двух вестников в глубь земли достать все инструменты подземного мира, а Ганга Маха Сура велел двум вестникам отправиться в море и принести все тамошние инструменты. После того как были доставлены все инструменты этих трех миров в город Ланга Пури, раджи всей земли со своими семьями предстали перед махараджей Раваной, чтобы приветствовать его. И махараджа Равана начал праздник бодрствования на сорок дней и сорок ночей.

Пили и ели, и пир сопровождался громкой и звонкой музыкой. Для этого пира было зарезано несколько сот тысяч буйволов и быков, баранов и коз, сотни тысяч кур, уток и гусей, дичь, десятки лесных животных, оленей, ланей, пятнистых оленей и оленьков и приготовлены тысячи тысяч кувшинов питья различного вида и вкуса и названия. Когда же исполнилось сорок дней и сорок ночей бодрствования и развлечений, махараджа Равана переоделся в нарядные одежды, которых еще никогда не надевал и которых еще никто не видел. На свои десять голов он надел десять корон и десять венцов из драгоценных камней, которые сверкали ярко-ярко, как сияют лучи солнца и месяца. Все свои двадцать рук он украсил двадцатью драгоценностями и все свои пальцы унизал кольцами. Сверкание их было подобно сиянию звезд в небе. Во все свои двадцать ушей он вдел сверкающие алмазами длинные серьги, свисающие на плечи, и воткнул в волосы за ушами усаженные жемчугом цветочные украшения.

Царевну Манду Даки царица Секанда Майя нарядила в прелестные одежды. После этого махараджа Равана и царевна Манду Даки сели на носилки вместе с сыновьями раджей и демонов, а в тысячу паланкинов,

которые должны были сопровождать эти сорок носилок, сели все младшие сыновья раджей и все дети министров. Были раскрыты украшенные самоцветными камнями драгоценные зонты, семьсот справа и семьсот слева, и установлены государственные копьѣ * со свешивающимися султанами, украшенными бриллиантами и драгоценными камнями — четыреста справа и четыреста слева. Загремели гонги, барабаны, заиграли флейты и все музыкальные инструменты. Громко играла музыка в знак того, что раджа Равана выступает в свадебную процессию с царевной Манду Даки.

Махараджа Равана вместе с царевной Манду Даки на своих носилках сделал семь кругов по городу Лангка Пури. В это время он разбросал несколько сот тысяч золотых и серебряных монет и десятки гантангов * драгоценных камней, жемчуга, драгоценностей и разноцветного мрамора и роздал ткани из десятков складов. В это время все бедняки стали богаты от множества полученных золотых и серебряных монет. Когда были закончены семь кругов процессии, махараджа Равана торжественно возвратился обратно и вошел в свой дворец.

РОШЛО немного времени. Махараджа Равана был совершенно счастлив, так как супруга его отвечала всем желаниям его сердца.

Несколько времени спустя после свадьбы махараджи Раваны с Манду Даки царица забеременела.

Когда пришел ее срок, она родила девочку, чрезвычайно красивую лицом. Тело ее было цвета чистого золота. Все видевшие это дитя изумлялись.

После того как царица Манду Даки родила, махараджа Равана немедленно приказал позвать своего брата по имени махараджа Бибисанам *, а также повелел привести звездочетов, которые умели читать по звездам. Когда махараджа Бибисанам со всеми своими учениками предстал перед махараджей Раваной, махараджа Равана обратился к ним: «О брат мой и вы все звездочеты! Посмотрите в ваши вещие книги, какое счастье и несчастье ожидает мою дочь, а потом доложите точно, и смотрите, ничего не скройте от меня».

Выслушав слова махараджи Раваны, махараджа Бибисанам и все его подчиненные углубились в свои вещие книги и стали гадать, а когда все они увидели то, что стояло в их гаданиях, махараджа Бибисанам покачал головой, и все его подчиненные тоже покачали головами.

Махараджа Равана спросил: «Эй, звездочеты, почему же вы все качаете головами?»

Махараджа Бибисанам и все слуги его пали ниц и сказали: «О государь, царь мира! Помилуй, великий царь, прости и помилуй. Все мы твои рабы, не осмеливаемся подойти и пасть к твоим ногам, потому что мы боимся, как бы ты, великий царь, не прогневался на нас».

Услышав такую речь махараджи Бибисанама и всех его подчиненных, махараджа Равана обратился к ним: «Почему вы боитесь? Ведь вы же не по своей воле говорите ваши слова. Ведь это же приговор волшебства и ученых. А теперь быстро скажите все и ничего от меня не скрывайте».

Махараджа Бибисанам и все его люди с поклоном сказали: «О государь, великий махараджа, мы просим прощения и милосердия и кладем головы наши к твоим ногам. Что до царевны, твоей дочери, то Преславный бог пожаловал ей счастье, славу, величие и богатство. Но супруг царевны, твоей дочери, убьет твое величество. Супруг ее получит царство твое. И все четыре стороны света будут повиноваться его словам и подчиняться его воле».

Услышав эти почтительные слова махараджи Бибисанама, махараджа Равана пришел в великий гнев. Он взвился, как змей, и вскричал: «Если так, то какая польза от этого несчастного ребенка! Расшибем его о камень, чтобы он умер!»

Когда царица Манду Даки услышала такой приказ махараджи Раваны, она подошла и сказала ему покорно: «О государь, царь вселенной, разве твое сердце в состоянии видеть, как мозг этого ребенка брызнет на камень? Если этот ребенок должен умереть, то лучше посоветуемся, как его убить». Махараджа Равана спросил: «Ну, Манду Даки, как же ты посоветуешь его убить?» — «О государь, давай прикажем сделать железный ящик, положим в него младенца и прикажем бросить ящик в море», — отвечала царица Манду Даки. На эти покорные слова царицы Манду Даки махараджа Равана ответил: «Хорошо, пусть будет, как ты сказала».

И сейчас же махараджа Равана приказал махарадже Бибисанаму сделать железный ящик. Как только ящик был готов, его отправили махарадже Раване. Царица Манду Даки приказала выложить его изнутри тонкой золоченой тканью, вышитой цветочками. После этого царица Манду Даки взяла младенца, покормила его грудью, обливаясь слезами, а потом отнесла кормилице. Кормилица взяла его и положила в железный ящик.

потом отдала ящик махарадже Раване, а тот в свою очередь передал его махарадже Бибисанаму. Затем ящик отнесли на берег моря и бросили в воду. Волны и течение подхватили и унесли ящичек.

После этого государь продолжал спокойно жить в своей земле.

В это время старая супруга махараджи Раваны по имени Секанда Майя собралась отправиться на остров, называвшийся Индера Пуспа Ванам. Она знала о грядущей гибели махараджи Раваны. После наступления ночи и тишины, когда все уснули, царица и триста ее придворных дам поднялись на трон и улетели на остров Индера Пуспа Ванам. Немедленно дворец царицы опустился на этом острове. Царица со всеми своими придворными дамами вышла позабавиться в садах богов и небожителей, которые предавались там подвижнической жизни. На этом острове были различные плоды и всякая другая пища. Когда все боги увидели царицу Секанду Майю, они пришли встретить ее и оказать ей почет тысячью приветствий, а затем привели ее туда, где они предавались своим подвигам. Все эти боги и небожители были женщинами. Они угощали царицу всеми фруктами, что росли на этом острове, и все эти богини спрашивали: «Скажи, царица, почему ты прибыла сюда? Ведь на этом острове богини и небожители предаются подвижничеству. Иногда и все остальные богини и бедадари * хотят поиграть и насладиться и приходят на этот остров. Если же мужчина появится на этом острове, то его обязательно проглотят семеро морских змеев, которым Маха Бисну повелел охранять всех богинь и небожительниц, подвижниц на этом острове. Вот и махараджа Равана несколько раз пытался пройти на этот остров и не смог, потому что боялся, что его схватят эти семеро змеев».

Царица спросила: «А какое желание привело сюда махараджу Равану?» И богини и небожительницы ответили: «Он хотел забрать всех нас в наложницы и сделать из нас своих придворных дам. Мы же не желаем его, так как наше подвижничество позволяет нам видеть, что уже почти пришло время гибели и позора махараджи Раваны». Царица сказала: «И я тоже желаю

спасаться здесь вместе со всеми вами». После этого она начала свою подвижническую жизнь.

Когда наступил день, махарадже Раване почтительнейше сообщили, что ее величество супруга его царица Секанда Майя и все ее придворные дамы, дворец и все, что в нем было, исчезли без следа и никто не знает, куда они делись. Выслушав сообщение своих придворных, махараджа Равана промолчал и ничего не сказал. Он сам уже давно не приходил к этой царице, потому что с тех пор, как побывал в царстве грез, он больше и смотреть не хотел на лицо Секанды Майи. Он много времени проводил с царицей Манду Даки, и они горячо любили друг друга.

Дальше следует рассказ о младенце махараджи Раваны от царицы Манду Даки, который был брошен в море.

По изволению Преславного бога железный ящик с девочкой был унесен волнами в море Дарвати Пурва. В стране Дарвати Пурва был в это время царь по имени махареси Кали*. Махареси Кали не занимался ничем другим, кроме того, что предавался подвигу. Когда наступало раннее утро, он спускался к морю, входил по пояс в воду и затем, поклонившись солнцу, возвращался домой. Уже некоторое время махареси Кали служил так богу. Однажды он опять молился в море. В то время как он там стоял, к его ногам подкатился железный ящик. Государь в этот момент еще не окончил своего жертвоприношения. Он наступил ногой на ящик. Окончив молитву и жертвоприношение, он кликнул своих слуг, говоря: «Эй, идите все сюда! Что это такое прикатилось мне под ноги?» Все рабы и слуги быстро подошли к махареси Кали. Царь увидел, что это железный ящик, и приказал слугам отнести его к нему домой.

Вернувшись во дворец, царь позвал свою супругу и сказал: «Послушай, царица Манурам Деви, посмотри-ка, я нашел этот железный ящик. Что там может быть?» Царица быстро вошла, и махареси Кали открыл ящик. После того как ящик был открыт, весь дом махареси Кали вдруг озарился светом. Махареси увидел маленькую девочку с изумительно красивым лицом, все тельце ее было цвета чистого золота, и не было в то

время никого равного ей. В эту минуту у царицы Манурам. Деви вдруг брызнуло молоко. Махареси Кали вышел из дому, взял сорок саженцев веерной пальмы и посадил их, все сорок, в ряд, говоря: «Если найдется кто-нибудь, кто сумеет прострелить эти пальмы одной стрелой все сорок зараз, тому я отдам мою дочь в жены». Посадив эти пальмы, государь вернулся во дворец. Ребенка он назвал Сита Деви и приказал лелеять и воспитывать царевну-дочь.

По всему миру стало известно, что у махареси Кали есть дочь изумительной красоты и что она цвета чистого полированного золота. И на всем свете не было никого, кто мог бы сравниться с ней.

Шло время, и царевне исполнилось двенадцать лет. Много раджей из чужих стран желало жениться на царевне Сите Деви и приходило сватать ее. Однако махареси Кали сказал: «Не то чтобы я не хотел выдавать мою дочь замуж за любого из вас, но я дал обет у меня есть лук, и тому, кто сможет натянуть его и выстрелить в эти веерные пальмы, пронзив одной стрелой их все сорок, я отдам в жены мою дочь».

Когда все сыновья раджей услышали речи махареси Кали, они собрались и пришли в город Дарвати Пурва. Махареси Кали проверил, кто уже прибыл и кого еще нет. Когда махареси Кали увидел, что все царевичи уже в сборе, только сын Дасараты Махараджи еще не приехал, он подумал: «Ведь Дасарата Махараджа великий царь. Не подобает, чтобы он пришел один».

Прослышал и махараджа Равана о том, что Сита Деви пригожее всех и что во всей земле нет ей равных. Тогда он приказал приготовить его волшебную колесницу, которая могла летать. Когда все было готово, государь сел в колесницу и полетел прямо в город Дарвати Пурва со всем своим неисчислимым войском, под оглушительную музыку, гремевшую так, словно небо хотело упасть на землю. Колесница летела некоторое время, и вот махараджа Равана уже достиг города Дарвати Пурва. Государь остановился вне города и повелел одному вестнику: «Ступай сообщи махареси Кали, что я прибыл с намерением прострелить его сорок веерных пальм».

Вестник поклонился, пошел, явился пред махареси Кали и доложил царю все сказанное махараджей Раваной от слова до слова. Махареси Кали ответил: «Очень хорошо, я соберу также и всех других царевичей. Я их всех прикажу пригласить».

Выслушав слова царя, вестник откланялся, вернулся к махарадже Раване и почтительно передал ему все.

Позже махареси Кали сам отправился к махарадже Раване. Махараджа Равана обратился к нему со словами: «О махареси Кали, вот я прибыл, намереваясь прострелить эти сорок верных пальм». Махареси Кали отвечал: «Да будет так, государь, но подожди, потому что я хочу собрать всех царевичей всей вселенной».

«Кто же еще не прибыл? Прикажи быстро позвать их», — сказал махараджа Равана. Махареси Кали отвечал: «Уже все царевичи этого мира здесь, не прибыл лишь сын Дасараты Махараджи со своими братьями. Он еще не знает, как как я не сообщил ему. Дасарата Махараджа — царь великий и древний. Не подобает нам его обходить».

Услышав такие речи махареси Кали, махараджа Равана захохотал всеми своими десятью руками, затряслись все его двадцать плеч. И так ответил махараджа Равана: «Что ж, поторопись, господин мой, позвать сыновей Дасараты Махараджи. Однако, если Сери Рама и этот Лаксамана придут, то где же они будут жить? Правда, конечно, что Сери Рама — раджа, а также называется сыном раджи, но ведь он не может сидеть рядом со всем этим множеством царевичей, потому что беден».

Выслушав этот ответ махараджи Раваны, махареси Кали простился и вернулся к себе во дворец. Там он пересказал царице все сказанное махараджей Раваной. Поклонившись, царица промолвила: «О государь, сердце мое советует: конечно, следует твоему величеству пригласить сына Дасараты Махараджи, потому что Дасарата Махараджа тоже царь, да еще и потому, что этот царевич обладает вещей силой, смелостью и отвагой, красотой лица и большой славой. Тело его — как зеленый изумруд цвета морской волны, и, слышала я, когда он разгневался, появляется у него тысяча голов».

две тысячи рук и две тысячи ног. И все его поведение во гневе — такое же, как у Маха Бисну».

Выслушал махареси Кали речь царицы Манурам Деви и говорит: «Я уже знаю высокий род Сери Рамы, сына Дасараты Махараджи, а раз так, то лучше я сам отправлюсь приглашать его». Царица Манурам Деви почтительно ответила: «Конечно, твоему величеству следует самому пригласить Сери Раму, раз у тебя такое мнение о Дасарате Махарадже. Ведь пришедшие сюда царевичи, все без исключения, склоняются перед властью махараджи Раваны, сделают все, что он прикажет, и покорятся ему». Махареси Кали ответил: «Справедливы твои слова, царица».

Махареси собрался и, взяв с собой сорок человек, отправился приглашать сына Дасараты Махараджи по имени Сери Рама.

СЕРИ РАМА ОБРЕТАЕТ ВЕЩУЮ СИЛУ

ЛЕДУЕТ рассказ о том, как Сери Рама и Лаксамана пошли искать бегавана Нилу Пурбу, желая иметь его своим наставником и вместе с ним вести подвижническую жизнь.

Сери Рама и Лаксамана договорились между собой и пришли к своему отцу и матери Манду Дари. Сколько ни уговаривали родители Сери Раму, он все же не пожелал остаться и вместе со своим братом отправился искать бегавана Нилу Пурбу. Царская чета уже больше не настаивала. Государь же приказал всем раджам сопровождать обоих его сыновей. В присутствии всех Сери Рама и Лаксамана простились со своими царственными отцом и матерью. Царская чета, отец и мать, обняли их обоих. После этого оба юноши откланялись и отправились в путь в сопровождении сыновей всех раджей, министров, военачальников и многих тысяч народа.

Через некоторое время Сери Рама и Лаксамана прибыли к одной горе. В этом месте вели подвижническую жизнь отшельники и берахманы. Все эти мудрецы и берахманы, предававшие своим подвигам, увидели лица Сери Рамы и Лаксаманы. Они были изумлены, смущены и говорили про себя: «С тех пор как мы живем на этой горе, мы еще никогда не видели людей такого вида. По нашему мнению, это вовсе и не люди, но, конечно, это боги, которым Преславный бог приказал спуститься и принять человеческий облик». Заметив это, Сери Рама обратился ко всем спасавшимся отшельникам: «Не можете ли вы мне указать нечто?»

Все отшельники заговорили: «О юноша, кто ты таков и почему тебе угодно спрашивать про обитель бегавана Нилы Пурбы?» Сери Рама сказал: «Я сын

Дасараты Махараджи, люди зовут меня Сери Рамой, а брат мой носит имя Лаксамана. Желая учиться мудрости отшельников, мы пришли сюда к бегавану Ниле Пурбе».

Все отшельники и берахманы ответили: «Действительно, ты из числа внуков бегавана Нилы Пурбы. Твое поведение показывает это. А раз так, то пойдем, мы покажем тебе место, где спасается бегаван Нила Пурба». Сери Рама и Лаксамана пошли, сопровождаемые всеми отшельниками и берахманами. Все же раджи, министры и народ остановились под горой.

Бегаван Нила Пурба сам узнал, что Сери Рама и Лаксамана придут, желая учиться у него. Он быстро поднялся со своего места на горе и пошел встречать Сери Раму и Лаксаману. Увидев приближающегося бегавана Нилу Пурбу, Сери Рама хотел припасть к его ногам, но бегаван быстро обнял его и удержал, говоря: «О внук мой, не припадай к моим ногам. Я же знаю, что ты пришел на эту гору, чтобы встретиться со мной».

Он привел Сери Раму и Лаксаману и всех раджей и всех военачальников наверх на гору, где была его обитель, и, взяв Сери Раму и Лаксаману за руки, усадил их на балей вместе с собой. Тут балей сам собой расширился и стал величиной в семьдесят руангов*. Бегаван Нила Пурба предложил всем мудрецам и берахманам и всем раджам и министрам подняться и сесть на этом балее. Затем он обратился к Сери Раме и Лаксамане: «Слушайте, внуки мои! Я предаюсь подвижничеству на этой горе потому, что желал встретиться с вами». Сери Рама спросил: «О государь, а по какой же причине ты, господин, хотел встретиться со мной?»

Бегаван Нила Пурба ответил: «О внук мой, слушай, что я расскажу. В то время, когда Дасарата Махараджа еще не воплотился, махараджа Равана приказал двум гонцам, двум раксасам*, пойти к твоему деду, Дасарате Чакравати. Твой почтенный дед обратился к этим двум военачальникам, говоря: „Возвращайтесь к вашему господину, этому Раване, и скажите ему, чтобы он никогда не воевал против меня, так как я раджа древний и ему никак не пристало бороться

со мной. Ведь этот Равана ребенок. По моему мнению, даже и в сражении с сыном моим Дасаратой Махараджей он не сможет одержать победы. Если этот малопочтенный Равана желает драться, то придет день, когда явится мой внук Сери Рама: вот он-то и убьет Равану. И внуков его и всю его семью он уничтожит, мой внук Сери Рама". И после того как господин, твой дед, сказал так военачальникам раксас, он взял из своей трапезы больше двух гантангов молотого поджаренного риса и подал их этим двум военачальникам, говоря: „Эй, вы, скажите-ка своему господину, этому Раване, что я приказываю ему съесть два гантанга алмазного поджаренного риса *. Если этот молодчик Равана сможет съесть рис, пусть приходит в мою страну забавляться". После того как твой дед изволил так повелеть этим раксасам, они откланялись и вернулись в Лангга Пури к махарадже Раване. И все, что они видели, и все, что они слышали, — все это они почтительно доложили ему. Выслушав доклад обоих военачальников, махараджа Равана чрезвычайно разгневался и сделал все приготовления, чтобы идти войной на государя — твоего деда».

Все это бегаван Нила Пурба рассказал Сери Раме и Лаксамане и прибавил: «Ну, внуки, а теперь, как вы полагаете, какая мне выгода от того, что Преславный бог дал мне встретиться с милыми внуками? Все волшебные силы, которыми я обладаю, я даю вам, обоим братьям».

Сери Рама и Лаксамана, услышав эти слова бегавана Нилы Пурбы, обрадовались от всего сердца. Бегаван угощал Сери Раму и Лаксаману, всех отшельников и берахманов, всех раджей, министров и военачальников едой и питьем и всякими плодами, которые только были в этих местах. После того как все поели, Сери Рама сказал первому министру Пуспе Джае Кераме: «Знаешь, уважаемый дядя, возвращайся теперь обратно, так как страна государя-отца совершенно покинута. Когда же истекут три месяца моего пребывания в этой пустыне, тогда приезжай встретить меня».

Выслушав эти слова Сери Рамы, Пуспа Джая Кераме, князя и министры и все военачальники про-

стились с Сери Рамой, Лаксаманой и бегаваном Нилой Пурбрй и спустились с этой горы. Тут Пуспа Джая Керама присоединился ко всему сопровождавшему Сери Раму множеству народа и отправился в город Мандура Пура Негара. Что же до княжичей и сыновей вельмож — а их было семьдесят человек, — то все они остались вместе с Сери Рамой и Лаксаманой. Сери Рама и Лаксамана стали жить со своим наставником-бегаваном в качестве его послушников. Ведя подвижническую жизнь близ обители отшельника, Сери Рама и Лаксамана ежедневно упражнялись в умении пользоваться своим оружием.

Дальше следует рассказ о Наге Пертале Секанде Деве, который вел подвижническую жизнь у подножия горы Бимачалам, в то время как Маха Бисну и Мерак Эмас* предавались подвигу на той же горе.

Когда Маха Бисну, Бетара Дева и Мерак Эмас спустились к Дасарате Махарадже, чтобы воплотиться, Нага Пертала Секанда Дева этого не знал. Некоторое время спустя он отправился к обители Маха Бисну и почтительно обратился к нему: «Господин мой, по расчёту твоего слуги, твоему величеству как раз время воплотиться. Тебе надо стать царем людей на земле». Однако Нага Пертала Секанда Дева не услышал ответного голоса Маха Бисну. Он понял, что Маха Бисну, спустившись, уже воплотился. Тогда он сошел с горы и вошел в чащу леса искать Сери Раму. Бегаван Нила Пурба знал, что Нага Пертала Секанда Дева будет искать Сери Раму. Дойдя до горы Гангса Индера, Нага Пертала Секанда Дева поднялся на нее. Тут он увидел: на цветке лотоса* сидел погруженный в созерцание божества юноша удивительной красоты, и тело его было цвета изумруда. Присмотревшись внимательно к этому человеку, Нага Пертала Секанда Дева узнал Маха Бисну. Тогда он простерся у ног Сери Рамы*. Сери Рама был очень счастлив, увидя, что Нага Пертала Секанда Дева разыскивал его. Он сказал: «Знаешь, Нага Пертала Секанда Дева, ведь я совершаю свой подвиг на этой горе именно для того, чтобы встретиться с тобой». Тогда Нага Пертала Секанда Дева превратился в три стрелы. Одну стрелу Сери Рама

назвал Гандевати, другую — Палевати и третью — Чиндевати.

После того как Нага Пертала превратился в стрелы, Сери Рама пошел разыскивать бегавана Нила Пурбу. Сери Рама сказал ему: «О владыка, если будет на то твоя милость, я хочу попросить у тебя лук, потому что у меня уже есть три стрелы, дарованные мне Преславным богом. Лука же к ним я еще не имею». Услышав слова Сери Рама, бегаван Нила Пурба произнес: «Я же знаю происхождение этих стрел, и действительно видел некий лук перед домом одного мудреца по имени махареси Кали. Именно этому луку суждено стать твоим оружием, и именно он убьет махараджу Равану и всех сынов его, и внуков его, и весь его род в силу подвижничества высочайших богов и мудрецов, ведающих ход планет и созвездий, которых было тридцать три раза по двадцати».

Бегаван Нила Пурба взял трость и подал ее Сери Рама со словами: «Пока ты еще не получил от махареси Кали этого лука, возьми, господин мой, эту трость и сделай из нее себе лук. Ведь это — трость Маха Бисну, которую он мне пожаловал».

Сери Рама чрезвычайно обрадовался и пошел обратно в свою обитель. Проведя некоторое время в подвигах на горе Гангса Индера, Сери Рама и Лаксамана получили от Нилы Пурбы множество волшебных свойств. Многим магическим военным уловкам научил Нила Пурба Сери Раму вместе с братом. Когда же прошли три месяца, Сери Рама решил вернуться назад в свое царство.

В это время министр Пуспа Джая Керама готовил все, чтобы встретить Сери Раму и Лаксаману. С ним шли все сыновья раджей, министры и военачальники и весь народ, три тысячи человек. Когда все собрались, министр Пуспа Джая Керама отправился к Дасарате Махарадже. Войдя во дворец, он почтительно подошел к нему со словами: «Ваше величество, государь! Ваш раб пришел просить разрешения отправиться за их высочествами, вашими сыновьями Сери Рамой и Лаксаманой, потому что уже приблизилось время». Государь ответил: «Хорошо, иди поскорей за моими»

сыновьями, потому что мы очень стосковались по ним». Пуспа Джая Керама и все сыновья раджей, министры, военачальники и народ откланялись и пошли к горе Гангса Индера. Через некоторое время они поднялись на эту гору.

В это время Сери Рама и Лаксамана попросили у бегавана Нилы Пурбы разрешения идти. Нила Пурба обнял их и поцеловал. Затем Сери Рама и Лаксамана спустились с горы Гангса Индера вместе со всеми раджами, министрами, военачальниками и со всем народом. Через некоторое время они дошли до своего царства, вошли во дворец к отцу и матери и пали к их ногам. Отец и мать, царственная чета, обняли их и поцеловали. После этого Сери Рама и Лаксамана жили во дворце, а государи, отец и мать, заботились о них.

БОРЬБА ЗА СИТУ ДЕВИ

ЕПЕРЬ продолжается рассказ о махареси Кали, отправившемся в это время в царство Мандура Пура Негара приглашать Сери Раму и просить его у Дасараты Махараджи.

Когда махареси Кали выслушал слова царицы Манурам Деви, которые мы уже знаем, он сказал: «Действительно, ты права, госпожа, а раз так, то надо мне самому отправиться пригласить обоих этих царевичей». И он быстро пошел в царство Мандура Пура Негара.

Дасарате Махарадже донесли о прибытии махареси Кали.

Государь сам вышел ему навстречу. Встретивши, Дасарата Махараджа привел его с собой и ввел в город, а затем во дворец, усадил его на высокий трон и приветствовал тысячью выражений почета. После этого Дасарата Махараджа спросил: «По какому делу, господин мой, ты пришел сам и так далеко? Если тебе что-нибудь угодно, соизволь приказать, ведь ты же мне как отец».

Махареси Кали ответил: «Ты, государь, — великий и благородный царь, вот почему я пришел к тебе сам». И тут он рассказал Дасарате Махарадже историю о том, как нашли царевну Ситу Деви. Государь выслушал весь рассказ махареси Кали, и так сказал Дасарата Махараджа: «Хорошо, возьми с собой двоих моих сыновей по имени Бердана и Читрадана». И царь приказал позвать этих двух царевичей. Бердана и Читрадана пришли и сели у ног государя, своего отца. Государь повелел: «Слушайте, оба моих сына. Вас вызвал махареси Кали. Что он вам прикажет сделать, то вы, дети мои, и сделайте».

Махареси Кали простился с Дасаратой Махараджей и ушел вместе с Берданой и Читраданой. Выйдя за ворота города, махареси Кали остановился и сказал: «Послушайте, дети мои. В царство мое можно пройти четырьмя дорогами; одной дорогой до моего царства семнадцать дней пути, другой дорогой — двадцать дней, третьей — двадцать пять дней, а последней дорогой — сорок дней. Но на семнадцатидневном пути залегла огромная раксаси по имени Джагини; подушкой ей служит гора. Уже в стародавние времена Берма Раджа * несколько раз приказывал всем военачальникам и десяткам сотен тысяч простых людей уничтожить эту великаншу. Джагини, но она и до сих пор не убита. Когда-то махараджа Равана прибыл с несколькими тысячами военачальников и многими сотнями тысяч людей, чтобы ее убить, но она все-таки не умерла. А на пути, который займет двадцать дней, нам грозит громаднейший носорог величиной с гору, по имени Агай Гандай; шкура у него — как кора дерева нангка *. На дороге же, по которой надо идти двадцать пять дней, живет змея Суранггини *. Она громадная, длиной в две тысячи деп *. От пламени ее дыхания погибает вся трава и все деревья, которых оно коснется, даже в четыре и пять обхватов. И только по дороге в сорок дней пути не грозит никакой опасности для жизни».

Бердана и Читрадана ответили: «Давайте пойдем по этой безопасной дороге».

Когда махареси Кали услышал эти слова Берданы и Читраданы, он подумал: «Раз так, не смогут эти два царевича совершить мое дело. Уж лучше я отведу их обратно к Дасарате Махарадже». И махареси Кали вернулся вместе с ними. Увидев, что он идет, Дасарата Махараджа спросил: «Почему ты возвратился, господин?» Махареси Кали ответил: «Видишь ли, государь, по-моему, эти два князя, твои царственные сыновья, не смогут выполнить это дело. Если будет на то твоя царская милость, я бы просил тебя отпустить со мной сына твоего, царевича по имени Сери Рама».

Дасарата Махараджа возразил: «Не могу я разлучиться с этим моим сыном, ведь я уже стар. Если мне придется бороться с врагами, я надеюсь только на Сери

Раму». Махареси Кали отвечал: «Если твое величество даст мне другого царевича-сына, я, без сомнения, совершенно напросно увезу его с собой, и не возвеличит он имени великого махараджи. Если же со мной отправится царевич Сери Рама, то он сумеет выполнить это дело по желанию моего сердца и, кроме того, прославит твое имя, государь, во всем мире. К тому же я быстро отпущу его обратно, великий царь».

Выслушал Дасарата Махараджа слова махареси Кали и приказал позвать Сери Раму. Сери Рама немедленно пришел. Дасарата Махараджа обратился к нему: «Слушай, сын мой Сери Рама. Отправляйся, сын мой, с махареси Кали и сделай то, что он тебе прикажет, насколько хватит твоих сил». Сери Рама склонился к его ногам со словами: «Если дарует это Преславный бог и повелевает так пыль сандалий царя мира, все будет, конечно, сделано, и я, твой раб, немедленно вернусь к тебе, государь». После этого Сери Рама припал к ногам царственного отца. Тотчас же Лаксамана выразил желание, чтобы махареси Кали взял с собой и его. Но Дасарата Махараджа не пожелал отпустить его, возразив: «Не уходи, ты же должен заменить своего старшего брата Сери Раму. Твоя матушка будет очень тосковать без тебя». Тогда царица Манду Дари сказала: «Пусть он идет вместе со своим братом. Если он останется в нашем царстве, ему невозможно будет сделаться раджей».

После этого Лаксамана последовал за своим братом. Подойдя к воротам города, махареси Кали сказал: «Пройти наш путь мы можем четырьмя дорогами. Каким путем мы пойдем? Три из них очень трудны, потому что там нам грозят бедствия, и только одна дорога действительно хорошая».

Однако Сери Рама отвечал: «По этим-то трем дорогам нам и следует пройти. Ведь если мы не освободим землю от грозных бедствий в этих трех местах, значит, мы не сыновья Дасараты Махараджи и не внуки Дасараты Чакравати. И хорошим путем мы не пойдем».

И Сери Рама, и Лаксамана пошли вместе с махареси Кали по трудной дороге. Махареси Кали шел впереди. Приблизившись к логовищу великанши Джагини,

махареси Кали остановился. Сери Рама подошел с Лаксаманой и догнал махареси Кали. Сери Рама пошел впереди, а они за ним. Когда Сери Рама дошел до логовища раксаси Джагини, он увидел, что она еще спит, а сама ростом с гору. Вся трава полегла, и все деревья вокруг повалены, словно прошел ураган. Произошло же это все от дыханья раксаси Джагини. Сери Рама подумал: «Чудовище-то это — женщина. Если я ее убью спящую, что станут говорить обо мне люди по всему свету?» Тут Сери Рама наступил на ногу раксаси Джагини. Раксаси вздрогнула и проснулась.

Увидела раксаси Джагини, что, опершись на ее ногу, стоит молодой человек красоты необыкновенной с луком в руке. «О юноша, куда ты собираешься? — спросила Джагини. — Как же ты осмелился прийти в мое логовище? Если ты хочешь пройти мимо, то уходи отсюда поскорее». Сери Рама ответил: «Эй, Джагини, я пришел, чтобы убить тебя. Ты еще спала, и если бы я убил тебя спящей, то стали бы позорить меня по всему свету, тем более что ты женщина».

Услышав слова Сери Рамы, раксаси Джагини расхохоталась и спросила: «Ой, юноша, как тебя зовут?» Сери Рама ответил: «Я тот, который носит имя Сери Рама, сын Дасараты Махараджи, внук Дасараты Чакравати». Раксаси Джагини сказала: «О Сери Рама, ты мне очень нравишься. И облик твой и имя твое прекрасны. Да притом ты еще сын великого, богатого и милосердного раджи. Славны и твой отец и ты сам, поэтому иди туда, куда ты пожелаешь». Но Сери Рама возразил: «Я не уйду отсюда». Тогда раксаси Джагини спросила: «О сын Дасараты Махараджи, разве ты не слышал о моем имени и о моей славе? Ведь и Берма Раджа в стародавние времена и махараджа Равана посылали против меня сотни тысяч своих воинов, и я их всех поубивала и всех, кого могла, поедала. А тебя мне и на один зуб не хватит*». Тогда Сери Рама ответил: «Эй, Джагини, не болтай больше, а я приступаю к тому, что собираюсь сделать».

Услышав такие слова Сери Рамы, Джагини выпрямилась, сложив на груди руки, и глубоко вдохнула. Все деревья повалились перед ней, даже и те, что были

в три, четыре обхвата. Когда же она выдохнула, то они взлетели на воздух, вырванные с корнем. Затем она схватила скалу с гору величиной и метнула ее в Сери Раму. Сери Рама быстро оттолкнул скалу. Джагини страшно рассердилась. Она опять стала хватать громаднейшие утесы и швырять ими в Сери Раму, так что они сыпались на него ливнем. Но ни один из них даже не задел Сери Рама. Джагини завопила: «Как же ты ухитришься убить меня, ведь моя жизнь-душа скрыта в язычке, в моей гортани!»

Сери Рама изловчился, натянул свой лук и нацелился в язычок в гортани раксаси Джагини. В ту минуту, когда она разинула свою пасть, Сери Рама выпустил стрелу в язычок Джагини. Только коснулась его стрела, обмерла раксаси Джагини и грохнулась на землю с таким шумом, словно загремел гром. Тут ей и смерть пришла.

Махареси Кали вместе с Лаксаманой подошел к Сери Рама. Увидел он тушу Джагини с гору величиной и изумился смелости и отваге Сери Рама.

А Сери Рама сказал махареси Кали и Лаксамане: «Давайте пойдем по той дороге, где логово носорога, которого зовут Агай Гандай». Пошли они и слышали рев носорога. Махареси Кали и все сопровождавшие государя люди взобрались на громадные деревья. Увидав Сери Рама, носорог бросился на него с таким ревом, словно все горы кругом раскалывались. Только носорог успел приблизиться к нему, Сери Рама поразил его стрелой в бок, так что она вышла с другой стороны. Как упал носорог ничком, так и сдох, и добивать его не пришлось. Махареси Кали, Лаксамана и все сопровождавшие их подошли к Сери Рама. И опять махареси Кали подивился храбрости и мощи Сери Рама.

Сери Рама, махареси Кали и Лаксамана отправились к логовищу Суранггини. Тут махареси Кали и Лаксамана влезли на дерево. Суранггини в это время еще спала в своей пещере. Сери Рама крикнул. Услыхала Суранггини человеческий голос и выползла, а Сери Рама выстрелил ей в голову. Упала она на землю, взвыла громовым голосом. Тут и настал ее конец. Махареси

Кали и все, кто был с ним, слезли с дерева и подошли к Сери Рама. Все они поразились, глядя на громадную змею, и изумлялись храбрости и смелости Сери Рама.

Махареси Кали, Сери Рама, Лаксамана и все множество людей направились в город Дарвати Пурва. После нескольких дней пути они пришли туда.

С раннего утра собрались уже все царевичи, желавшие стрелять из лука и получить в жены Ситу Деви. Увидев подходившего махареси Кали, они обратились к нему: «О махареси Кали, который же сын Дасараты Махараджи по имени Сери Рама? Прибыл ли он к твоему зову, господин?»

Махареси Кали ответил: «О царевичи, почему бы ему не прийти? Ведь я сам ходил его приглашать. Вот вы все, которых я не ходил звать, пришли все-таки сами. А теперь поглядите на чудесную силу стрел Сери Рама. По-моему, именно он сумеет прострелить сорок веерных пальм, что стоят в один ряд, насквозь все сорок, одной стрелой, и именно ему пожалует Преславный бог дочь мою царевну Ситу Деви».

Побеседовав так с царевичами, махареси Кали отправился дальше вместе с Сери Рамою, Лаксаманой и всеми семьюдесятью сыновьями вельмож. Услышав слова махареси Кали, все царевичи весьма разгневались и говорили: «Если нам действительно не удастся прострелить эти сорок веерных пальм, то мы просто похитим его дочь».

Махареси Кали предложил Сери Рама и Лаксамане расположиться в его саду. До махараджи Раваны дошла весть о том, что махареси Кали уже прибыл вместе с Сери Рамою. Махараджа Равана послал своего гонца к махареси Кали и приказал: «Пойди-ка спроси махареси Кали: „Что за человек этот сын Дасараты Махараджи, которого зовут Сери Рама?“ Пусть махареси прикажет, чтобы завтра Сери Рама и все царевичи стреляли из лука сквозь сорок веерных пальм, чтобы я видел смелость, отвагу и волшебные силы всех их».

Гонец отправился и вошел в город. Придя к махареси Кали, он передал ему все, что сказал махараджа Равана. Так ответил махареси Кали: «Слушай, гонец,

возвратись и скажи махарадже Раване, что Сери Рама, которого я приглашал, уже прибыл, и что завтра я буду угощать всех царевичей. Когда же они откушают, то отправятся пускать свои стрелы сквозь сорок веерных пальм, стоящих в ряд перед дворцом моей дочери. Если кто-нибудь прострелит одной стрелой их все сорок, то я отдам ему в жены мою дочь Ситу Деви».

Выслушав махареси Кали, гонец откланялся и возвратился к махарадже Раване. Почтительно склоняясь перед ним, гонец от слова до слова передал ему сказанное махареси Кали.

Махареси Кали приготовил все для угощения царевичей. Он сам вышел к ним, а было их перед городом множество, и сказал: «Слушайте, царевичи! Завтра рано утром соблаговолите войти в город, поднять мой лук и прострелить эти сорок веерных пальм».

Выслушали царевичи махареси Кали, рассмеялись и говорят: «Посмотрите на этого Сери Раму. Не понимает он, как жалок! Не дело этого нищего то, что он задумал. Ему следует сидеть в горах отшельником, питаться травами и кореньями да набивать свое брюхо листьями с деревьев. Он, как тот карлик, который хотел достать луну*, совсем не понимает, что он ничтожный человечешко. Вот посмотрим завтра, кто согласится сидеть рядом с ним, когда махареси Кали предложит угощение».

Ночью махареси Кали приготовил угощение для царевичей и устроил место, откуда все они будут стрелять в веерные пальмы. Когда рассвело, с раннего утра все царевичи надели нарядные одежды, унизанные жемчугом и драгоценными камнями; каждый на своем верховом коне, слоне или колеснице въехал в город Дарвати Пурва — торжественно, словно выступая в процессии, под громкие звуки всевозможных музыкальных инструментов. Как только все царевичи собрались у веерных пальм, махараджа Равана поднялся на свою колесницу, летающего льва, и въехал в город в сопровождении всех своих раджей, министров, внухов, гонцов, военачальников и всего народа. Только четвертая часть всего этого множества людей смогла войти в город, двадцать же тысяч остались снаружи.

В это время сам Индера Джата спустился с неба со всеми царевичами-небожителями и прибыл в город Дарвати Пурва, потому что хотел поглядеть, как все царевичи будут стрелять в веерные пальмы. Обращаясь к своей супруге, царице Кемале Деви Индере, Индера Джата пошутил: «Да, сестрица *, жаль, что твой старший братец уже женат на тебе, госпожа. Если бы тебя не было, то сейчас твой старший брат тоже отправился бы стрелять из лука в сорок веерных пальм перед покоями царевны Ситы Деви; а уж если я пустил бы стрелу в веерные пальмы, то наверное прострелил бы их насквозь все сорок. И, конечно, твой супруг добыл бы себе эту дочь махареси Кали».

Выслушала царица слова своего супруга, подмигнула ему и, улыбаясь его досаде, сказала: «На всем свете нет равной этой дочке махареси Кали, и, разумеется, тебе, государю, следует пойти посмотреть, как царевичи состязаются из-за нее».

Индера Джата улыбнулся этим словам своей супруги и приказал гонцам украсить его летающую колесницу, чтобы отправиться на ней. Когда все было готово, он простился с супругой и сел на своего летающего льва. И все князья, подчиненные Индеры Джаты, вся его свита тоже прибыли, каждый в своей колеснице. Так Индера Джата выступил и спустился в город Дарвати Пурва под громкие звуки всевозможных музыкальных инструментов.

Сначала махареси Кали пригласил всех царевичей откусать.

Все они спрашивали: «Который сын Дасараты Махараджи, подвижник, спустившийся недавно с гор и питавшийся клубнями растений и травами? Пусть он выступит вперед, чтобы мы увидели, как он выглядит, как он одет, много ли народу сопровождает его, и чтобы могли сравнить себя с ним».

По окончании трапезы все царевичи выстроились и отправились к луку, лежавшему перед дворцом царевны Ситы Деви. В этот момент под звуки музыки прибыл Индера Джата со всеми небесными царевичами, духами, небожителями. Махараджа Равана заметил Индери Джату и чрезвычайно обрадовался. Ин-

дера Джата же, увидав своего отца в городе махареси Кали, быстро соскочил со своей колесницы и подошел к отцу. Махараджа Равана обратился к нему: «О Индера Джата, скорее подними лук махареси Кали. Выстрели, сын мой, в сорок веерных пальм, стоящих в ряд перед дворцом Ситы Девы. Одной стрелой пронзи все сорок, чтобы получить дочь махареси».

Выслушав слова государя-отца, Индера Джата приблизился к нему, поклонился и сказал: «О государь мой, царь вселенной, разреши сказать. Разве кто-нибудь из всех царевичей в мире может поднять этот лук? Все боги и небожители говорят, что лук этот сделан из позвоночного столба великого подвижника, который двести лет предавался подвигам, что Бетара Гуру * даровал его Бетаре Берахме * и затем он достался махареси Кали».

Услышав почтительные слова Индеры Джаты, махараджа Равана промолчал.

Все царевичи подошли к этому луку, но не смогли не только поднять его, но даже и с места сдвинуть. Увидев, что царевичи не подняли лука, махареси сказал: «Слушайте, царевичи! Если кто-нибудь из вас желает получить в жены мою дочь, царевну Ситу Девы, то пусть скорее поднимет этот лук и выстрелит в веерные пальмы, что стоят сорок в ряд, и пронзит их все сорок, чтобы я с радостным сердцем отдал ему дочь мою, царевну Ситу Девы».

Услышав слова махареси Кали, все царевичи зашумели: «Предлагают поднять лук величиной с большую гору! Вот если бы мы стреляли из своих луков, то, конечно, прострелили бы эти веерные пальмы».

Когда махареси Кали расслышал слова царевичей, он улыбнулся и сказал: «Хорошо, я сделаю так, как вы говорите. Но только подождите немного. Пусть все царевичи попробуют поднять этот лук, а уж когда ни один не сможет этого сделать, тогда стреляйте из своих собственных луков».

Тогда царевичи обратились к махареси Кали: «Мы ведь все хотим увидеть, как выглядит сын Дасараты Махараджи по имени Сери Рама, как он одет и как она его смелость».

Сери Рама и Лаксамана видели все попытки царевичей поднять лук. Когда каждый из них попробовал и не сумел даже и с места его сдвинуть, Сери Рама сказал Лаксамане: «Пойди, пожалуйста, братец, подыми этот лук».

Тут Лаксамана поклонился государю, своему старшему брату, и пошел перед строем всех царевичей, а они смотрели на него, все более и более изумляясь, и говорили друг другу: «Мы же только что видели этого юношу. Может быть, он не человек, может быть, это небожитель спустился с неба и принял вид человека?»

А Лаксамана, подойдя близко, наступил на лук ногой, и лук сдвинулся с места и поднялся. Лаксамана же подумал: «Если я сейчас выстрелю из этого лука, то, конечно, прострелю насквозь все эти сорок веерных пальм, но ведь в таком случае не прославится во всей вселенной имя брата моего, государя Сери Рамы». Тогда Лаксамана сказал: «О государь мой, царь вселенной, пусть твое величество быстро поднимет лук и выстрелит в эти сорок веерных пальм, чтобы все эти собравшиеся князья изумлялись, глядя на твою божественную отвагу и царственную мощь». — «Слушай, братец, — обратился к нему Сери Рама, — пойдика к махареси Кали подтвердить договор с ним. Действительно ли он отдаст свою дочь тому, кто сможет пронзить одной стрелой эти сорок веерных пальм?»

Услышав этот приказ государя — своего старшего брата, Лаксамана пошел разыскивать махареси Кали. Так сказал ему Лаксамана: «О махареси Кали, мне приказано моим старшим братом Сери Рамой подтвердить договор с тобой». Махареси Кали ответил: «Я знаю, чего желает Сери Рама. Мое обещание касается не только вас, двоих братьев, или кого-нибудь из этих царевичей. Даже если какой-нибудь зверь сможет натянуть этот лук и пронзить эти сорок веерных пальм одной стрелой, то я отдам ему дочь мою в жены. Слушай, сын мой Лаксамана, передай с поклоном к ногам Сери Рамы это мое слово». Лаксамана вернулся к Сери Раме. Став перед ним, он доложил ему всю речь махареси Кали. Государь выпрямился и направился к

луку в сопровождении Лаксаманы и всех семидесяти своих вельмож.

Махараджа Равана и все множество царевичей смотрели на Сери Раму и Лаксаману. И все они изумлялись и поражались, видя поступь Сери Рамы и его прекрасное лицо. Сери Рама подошел к луку и наступил ногой на конец его, так что лук сам поднялся. Увидев это, махараджа Равана чрезвычайно изумился и, подозвав к себе махареси Кали, спросил его: «Послушай, махареси, кто этот юноша, который натягивает лук?» Махареси Кали отвечал: «Это и есть сын Дасараты Махараджи по имени Сери Рама. А этот другой — его брат по имени Лаксамана».

Махараджа Равана, слушая ответ махареси Кали, подумал: «Если такова сила этого Сери Рамы, то он, несомненно, пронзит своей стрелой все эти сорок пальм. И тогда он получит дочь махареси Кали». И махараджа Равана обратился к махареси Кали: «Скорее останови Сери Раму, чтобы он не стрелял, потому что я еще не натягивал лука. А если и я не натяну этот лук, тогда прикажи, чтобы все царевичи стреляли в эти веерные пальмы из своих собственных луков. Если кто-нибудь сможет пронзить все сорок пальм одной стрелой, то пусть он и станет супругом твоей дочери».

Выслушав слова махараджи Раваны, махареси Кали сам подошел к Сери Раме и передал ему все, что сказал махараджа Равана. Сери Рама отвечал: «Хорошо, отец мой, я и сам желаю того же. Пусть эти царевичи удовлетворят свою душу».

Тогда махареси Кали воскликнул своим звонким голосом: «Слушайте, все царевичи, прибывшие в мою страну! Если кто-нибудь желает получить мою дочь, царевну Ситу Деви, то пусть пронзит одной стрелой из своего лука эти сорок пальм, стоящих в ряд».

Услышав эти слова махареси Кали, все царевичи изловчились и тотчас же выстрелили в веерные пальмы, каждый из своего собственного лука. И один пронзил два дерева, а другой — три; иной прострелил четыре, а другой — пять, были такие, стрелы которых прошли через шесть пальм, а стрелы других — через семь; кто-то пронзил восемь, а кто-то — девять, а еще

кто-то — десять. И все стреляли со своим боевым кличем, так что поднялся страшный шум и все смешалось с громкими звуками музыки.

Каждый царевич кричал: «Хоть я и пронзил на одно или два дерева меньше, пусть я все же получу твою дочь, царевну Ситу Девил!» — «Хорошо, я сделаю так, как вы все говорите, — ответил махареси Кали. — Но если найдется человек, который сумеет прострелить все сорок веерных пальм одной стрелой, то что вы скажете тогда?»

И все царевичи согласились: «Если найдется таковой, как вы изволите говорить, ваше величество, то пусть он получит вашу дочь».

Махараджа Равана услышал все, что говорили эти царевичи, и очень разгневался. Он сошел со своей колесницы и увидел этот огромный лук, величиной с гору. Он был поражен его размерами и подумал: «Если я не смогу натянуть эту тетиву, то несомненно опозорюсь на весь мир. Раз так, то я лучше буду стрелять своей стрелой. Ведь у меня вещая стрела, доставшаяся мне за отшельнический подвиг. Ею-то я и выстрелю. Она может расколоть гору и конечно пронзит все сорок веерных пальм. И как бы они ни были крепки, все-таки несомненно будут раздроблены и превратятся в пыль от одной моей стрелы».

С такой мыслью махараджа Равана выпустил свою стрелу по имени Суранама. Он пронзил веерные пальмы, но все же два дерева остались непростреленными.

Все царевичи и бывший там народ закричали. Словоно гром прокатился! Они думали, что прострелены все сорок пальм.

Но тут все царевичи заговорили: «А где же сын Дасараты Махараджи по имени Сери Рама, который недавно спустился с гор, где он питался травами и клубнями растений? Пусть и он выстрелит в эти веерные пальмы».

Махараджа Равана приказал одному из своих гонцов пойти вместе с махареси Кали к пальмам. Они увидели, что две веерные пальмы остались непростреленными. Гонец вернулся, встал перед махараджей Раваной, поклонился ему и сказал: «О господин мой, ве-

ликий царь, из тех веерных пальм, в которые стрелял ты, царь вселенной, осталось еще два непростреленных дерева».

Выслушав слова своего гонца, махараджа Равана со стыдом и гневом воскликнул: «О махареси Кали, если найдется кто-нибудь, кто сможет прострелить эти веерные пальмы насквозь все сорок, то пусть он получает твою дочь. Но если он не пронзит все сорок, то ее получу я!»

«Так и будет, как ты сказал, государь мой», — ответил махареси. Он отыскал Сери Раму и обратился к нему: «О глава всех высших богов, всех духов и мудрецов! Теперь ты выстрели в эти веерные пальмы, потому что лук этот происходит именно от твоего прадеда».

И вот сам Сери Рама поднял лук, вложил стрелу и натянул тетиву. Когда Сери Рама коснулся тетивы, раздался страшный гром, словно все горы раскололись. Все царевичи потеряли сознание, не выдержав этого грохота, один только махараджа Равана остался стоять да Индера Джата на своей колеснице. Они и видели, как Сери Рама выстрелил в эти веерные пальмы. Сери Рама подошел к месту, где стояли веерные пальмы, и увидел одни пни, а деревья были будто съедены его стрелой. Выстрелил он стрелой по имени Гандевати Нага Пертала Секанда Дева и прострелил все сорок веерных пальм так, что ни одной не осталось.

Все царевичи очнулись от обморока, услышав звон стрелы Сери Рамы. Махараджа Равана, Индера Джата и все царевичи увидели, что веерные пальмы, все до единой, были пронзены и срезаны стрелой Сери Рамы.

Тогда царевичи и полководцы огласили воздух своими военными кличами, и звук их был словно раскаты грома; казалось, что он доносится до самого неба.

СЕРИ РАМА ПОЛУЧАЕТ СИТУ ДЕВИ

АК ТОЛЬКО махареси Кали увидел, что все сорок веерных пальм прострелены, он быстро поднялся во дворец своей дочери, царевны Ситы Деви. Так сказал ей махареси Кали: «Слушай, дочь моя Сита Деви. Сейчас же выйди из своего дворца и припади к ногам твоего супруга по имени Сери Рама».

Сита Деви спустилась из дворца со всеми своими девушками, кормилицами и нянюшками и подошла к Сери Рама. Сери Рама взял Ситу Деви за руку и повел ее во дворец. Махараджа Равана, Индера Джата и все царевичи глядели на красоту Ситы Деви и на ее прекрасное, лицо цвета чистого золота, сиявшее, как полная луна в четырнадцатую ночь. Блеск этот нельзя было отличить от блеска небесных дев, живущих в небе богов, в раю Индеры*.

Все были поражены. И махараджа Равана обратился к Индере Джате: «Слушай, сын мой Индера Джата. Возьми Ситу Деви из рук Сери Рама и поднимись с ней на небо, пусть она будет твоей младшей женой. А что до желаний Сери Рама, то я сам со всеми этими царевичами помешаю ему».

Индера Джата в ответ на приказ своего отца поклонился и сказал: «О господин мой, царь вселенной. Очень трудно выполнить твой приказ. Ведь если я сделаю так, как ты хочешь, то какой же позорной и дурной станет моя слава! И твое имя, государь, будет опозорено во всем мире и в устах всех людей. Ведь Сери Рама человек честный, и нет ему равного храбростью, отвагой, мощью и волшебной силой. Все цари на свете ему подчиняются, и никто не осмеливается сопротивляться его очам; ведь он уничтожил великаншу по имени Джа-

гини. Кто же из всех других царей вселенной мог ее убить? С древних времен все цари стремились уничтожить трех чудовищ. Но десятки тысяч воинов и многие сотни тысяч простых людей не могли их убить, а они пожирала весь народ. Кроме того, я слышал еще от всех богов-подвижников, что этот Сери Рама сам великий Бисну, спустившийся с неба и воплотившийся как сын Дасараты Махараджи. И за его сверхъестественную силу всемогущий Преславный бог даровал ему то, что Сита Деви стала его супругой. А сейчас лучше всего тебе, государь, выступить обратно в страну Лангка Пури; куда я буду тебя сопровождать».

Услышав почтительную речь Индеры Джаты, махараджа Равана промолчал. Затем махараджа Равана и все царевичи отклонялись махареси Кали, и каждый с позором отправился в свое государство.

Среди всего этого множества царевичей оказались четыре человека, очень рассердившиеся на Сери Раму и Лаксаману и затаившие в сердце злобу. Эти четверо договорились со своими военачальниками: «Когда Сери Рама выйдет из этого государства, мы устроим засаду, и, пока он будет медленно возвращаться в свое царство, мы нападём на него».

И вот каждый из четырех царевичей приказал своему военачальнику остановить Сери Раму: «Пойди и сторожи Сери Раму, а когда он будет возвращаться к себе в царство, дай мне сразу знать».

Сери Рама уже узнал о замыслах этих царевичей*. Он остался вместе с Лаксаманой в городе Дарвати Пурва в ожидании обручения с царевной Ситой Деви.

Когда махараджа Равана и все царевичи разъехались по своим царствам, махареси Кали подумал: «Сейчас мне следует проверить разумность и осторожность Сери Рамы». Затем он разыскал свою царственную дочь Ситу Деви и сказал ей: «Слушай, дочь моя. Я отведу тебя в храм, где стоят изображения богов, потому что я хочу проверить разумность и осторожность твоего нареченного, так как он сын великого, храброго и милосердного царя. Он происходит от великого Бисну, сошедшего на землю, чтобы воплотиться в сына Дасараты Махараджи». Потом он отвел царев-

ну Ситу Деву в святилище, где стояли статуи богов. А была их целая тысяча, и все они из чистого золота.

«Вот, дочь моя Сита Деви, — сказал махареси Кали, — ты постой здесь среди этих статуй, а когда придет Сери Рама, то не шевелись на своем месте».

Договорившись так с Ситой Деви, махареси Кали вышел из святилища и запер дверь. Придя к Сери Рама и Лаксамане, он сказал: «Слушайте, сыны мои! Не видали ли вы, куда пошла Сита Деви? Сколько я ни ищу ее, никак не могу найти». Сери Рама и Лаксамана очень встревожились. «Не видели мы, куда она пошла», — ответили они. Тогда махареси Кали поспешил домой, словно он очень торопился. Сери Рама и Лаксамана тоже пошли искать Ситу Деви. Они искали везде и нигде не находили. Наконец, пришли в святилище, где стояли статуи богов, и стали искать там везде, но нигде не видели Ситу Деви.

Лаксамана сказал: «Кто знает, государь, вероятно, Сита Деви скрылась среди этого множества изображений». — «Наверное, это так, как ты говоришь, братец», — согласился Сери Рама.

После этого они стали разглядывать все статуи, одну за другой, не моргнет ли она глазами. Подойдя к тому месту, где стояла царица Сита Деви, Сери Рама пощекотал ее глаза. Сита Деви заплакала, и Сери Рама узнал ее. Он быстро подхватил ее, посадил к себе на бедро и с радостью отнес обратно домой, ласково и тихонько уговаривая нежными словами. Сита Деви молчала.

Сери Рама вышел из дома и сел на балее вместе с Лаксаманой, сказав ему: «Знаешь, братец, это, наверное, сам махареси Кали устроил». Лаксамана засмеялся: «Правильно, это, наверное, так и есть».

Через некоторое время махареси Кали пришел к дому Сери Рама и спросил: «Не встретился ли ты со своей супругой, Ситой Деви?» — «Я нашел сестричку * в храме богов. Она сидела и пряталась среди тысячи статуй», — ответил Сери Рама.

Услышав это, махареси Кали смутился, потому что Сери Рама разгадал его намерения. Сери Рама же улыбнулся, глядя на выражение лица махареси Кали. После

этого махареси Кали приказал своему слуге пойти сообщить царице Манурам Деви, чтобы она пришла за Ситой Деви. Царица пришла в сопровождении всех своих слуг, всех девушек, мамушек и нянюшек Ситы Деви. Едва она приблизилась к дому Сери Рамы и Лаксаманы, те быстро спустились с балая и поклонились царице со словами: «Пожалуйста, войдите, ваше величество, там ваша царственная дочь, которую мы встретили в храме тысячи статуй».

Когда Сита Деви увидела царицу, она быстро встала со своего места и склонилась перед матерью. Царица обняла ее и, радостно поцеловав, вывела из дома. Махареси Кали и сама царица пошли проводить царевну назад в ее дворец. Сери Рама и Лаксамана шли вслед за ними, сопровождая их. Придя во дворец, царица вошла вместе с Ситой Деви, а махареси Кали пригласил Сери Раму и Лаксаману покушать, попить и насладиться всевозможными лакомствами. Затем Сери Рама и Лаксамана простились с махареси Кали и царицей и вернулись к себе.

Царица же спросила Ситу Деви: «Скажи мне, доченька, как себя держал с тобой Сери Рама, потому что ты, моя дочка, личиком так же хороша, как и он, и наверное нет сердца, которое бы не было влюблено в тебя».

Сита Деви ответила: «Когда он взял меня из храма, то посадил на бедро и понес в дом. Я, конечно, плакала и хотела соскочить с его бедра, но не могла. Он принес меня в дом, уговаривая ласковыми словами, а я молчала. Потом он вышел и сел с Лаксаманой, я же осталась одна. Ни в своем поведении, ни в своих речах он ничем не провинился передо мной».

Слушая царевну Ситу Деви, махареси Кали и царица, государь и его супруга, остались очень довольны. Махареси Кали сказал царице: «Ну, сестричка, что ты теперь скажешь о нашей дочке?» Царица ответила: «Я только соглашусь со всем, что скажет старший брат». — «Если так, — промолвил махареси Кали, — приготовь все, сестрица. Когда взойдет месяц, я хочу начать свадебный пир в честь нашей дочери Ситы Деви и Сери Рамы».

Когда наступил добрый час, махареси Кали начал праздник бодрствования. Пятнадцать дней и пятнадцать ночей звенели музыкальные инструменты, весело пировали все махареси и все жители города Дарвати Пурва, и все наслаждались. Когда же прошло пятнадцать дней и пятнадцать ночей, царица Манурам Деви сама нарядила царевну Ситу Деви в прекрасные золотые одежды. Сита Деви была замечательно красива. Ее лицо сияло и сверкало так, что нельзя было смотреть ей в глаза. Казалось, она вот-вот исчезнет со своего места. Когда она уже была разодета, ее посадили на золотой трон в присутствии всех девушек, мамушек и нянюшек. Махареси Кали в сопровождении всех своих учеников-царевичей и всех слуг сам отправился приглашать Сери Рама. Сам государь в это время был наряжен в превосходные одежды цвета золота. Когда Сери Рама увидел махареси Кали, идущего к нему со всем множеством учеников, он вместе с Лаксаманой быстро сбежал вниз и склонился к ногам махареси Кали.

Махареси Кали обратился к ним: «Вот ваш отец прибыл со всеми махареси и царевичами за царственными сыновьями».

Сери Рама поднялся на слона, над которым был раскрыт государственный зонт* с желтой бахромой, и двинулся в путь под музыку полного оркестра, окруженный множеством людей.

Когда он прибыл к дворцу, махареси Кали сам подошел к нему и, взяв его за руку, усадил по правую руку царевны Ситы Деви. И обоих царственных отпрысков, одинаково прекрасных лицом, можно было сравнить с солнцем и луною в окружении звезд. Сияние их лучей нельзя было разделить. Сам дворец озарился светом от царственной супружеской четы. Подали рис царской трапезы и рис церемониального обряда. Сама царица подошла положить в рот обоим своим царственным детям по горсточке риса. После трапезы пожевали сири*. Затем опустили занавес полога из золотой парчи. Государь Сери Рама и царевна Сита Деви сидели за семью покрывалами полога и с удовольствием шутили между собой.

А махареси Кали на большом балее угощал Лаксаману, всех махареси и вельмож и всех жителей города Дарвати Пурва. Пирсвали радостно и весело. А когда все кончилось, каждый откланялся и возвратился домой.

Что касается Сери Рамы и Ситы Деви, то они оба — и муж и жена — очень горячо любили друг друга. Они ни на час не могли разлучиться. Махареси Кали и царица Манурам Деви их очень любили и ласкали и наслаждались, глядя на обоих своих царственных детей, ставших супружеской четой. И любовь их еще увеличивалась оттого, что они видели прекрасный характер Сери Рамы.

НАПАДЕНИЕ ВО ВРЕМЯ ВОЗВРАЩЕНИЯ ДОМОЙ

ЕКОТОРОЕ время Сери Рама жил в городе Дарвати Пурва. Но, помня о своих отце и матери, он распрощался с махареси Кали и царицей Манурам Деви, чтобы вернуться в свою страну вместе с супругой Ситой Деви. Махареси Кали и царица Манурам Деви одарили Ситу Деви бесчисленными пре-

красными одеждами, множеством золота, серебра, драгоценных камней и бесценным жемчугом; дали ей девушек, мамушек и нянюшек, а также рабов и рабынь, и всего их было около семидесяти человек.

Сери Рама распрощался с махареси Кали, и царица со слезами обняла и расцеловала своих царственных детей. Вот что сказала царица: «Слушай, дочь моя Сита Деви! Доверься полностью твоему супругу, никогда не сердись и исполняй все, что он скажет, и все, что он захочет».

Сита Деви склонилась к ногам отца и матери. После этого Сери Рама и Лаксамана распрощались с царем и царицей и отправились вместе с Ситой Деви в сопровождении вельмож и семидесяти воинов, а также всех слуг, следуя по пути в город Мандура Пура Негара.

Когда они дошли до перекрестка дороги, ведущей в царство Лурах, четверо военачальников, которым четыре царевича приказали стеречь эту дорогу, немедленно известили четырех царевичей. Каждый из четырех царевичей вышел из своего горда со всем своим войском. Это были царевич царства Лурах по имени Териллок, царевич царства Махрат по имени Раджа Дираджа, царевич царства Лупаданг по имени Ярах Раджа и царевич царства Джакми по имени Ин-

дери Вади. Все эти четыре царевича пошли навстречу Сери Рама. Один из них вел с собой десять тысяч всадников, другой — сто тысяч, третий — двести тысяч и четвертый — пятьсот тысяч. Посреди дороги все четверо встретились и стали совещаться.

Индера Вади спросил: «Что будет с женой Сери Рама, Ситой Деви, когда мы убьем его?» Ярах Раджа ответил: «Кто убьет Сери Рама, тот и получит Ситу Деви. Однако будет очень плохо, если Сери Рама станет сопротивляться нам и вступит в бой, потому что он храбрый человек. Поэтому нам следует напасть на него всем сразу, со всем нашим оружием и воинами всех четырех наших государств». И три царевича согласились с ним: «То, что ты говоришь, правильно».

А Сери Рама уже знал, что четыре царевича ждут его. Поэтому он сказал Лаксамане: «Слушай, братец, возьми свою старшую сестрицу Ситу Деви и девушек и служанок и уведи их в пещеру в горах». Лаксамана отвел их в убежище, в горную пещеру. Сери Рама же стал у входа в эту пещеру со своим луком в руках.

Через некоторое время с четырех сторон подошли воины царевичей, оглашая воздух своими кличами, подобными раскатам грома. Они напали на Сери Рама со всем своим оружием. Стрелы замелькали в воздухе, как частый дождь. Сери Рама воскликнул: «Послушайте, братья мои, великие царевичи, зачем вы так делаете, зачем нападаете на путника? Я же ни в чем не виноват. Ведь гораздо лучше, если мы, великие царевичи, будем дружить между собой».

Все четверо царевичей ответили: «Мы и вправду хотели бы жить в дружбе, но только возврати Ситу Деви, твою супругу, махареси Кали, чтобы она не досталась в жены никому из нас. Тогда все мы будем счастливы и все будем дружить с тобой».

Услышав такие слова царевичей, Сери Рама рассмеялся и сказал: «Ну, друзья, это уж чересчур. Ваши речи очень неразумны. Ведь я получил ее, потому что мне ее дал Преславный бог. Мне вас всех очень жаль. Вы молоды и красивы, а отцы ваши сейчас уже стары. Если вы погибнете, кто же сменит ваших отцов на царстве?»

«Не будем больше тратить слов. Кто из нас победит, тому и достанется Сита Деви», — ответили царевичи и пустили стрелы своих луков в Сери Раму. Стрелы летели густой тучей, а военные кличи всего войска гремели с четырех сторон подобно грому, и казалось, что земля сдвинулась с места, а небо падает на землю.

Тогда выстрелил и Сери Рама. Не было защиты от его стрел, и если тысяча человек стояла в ряд, то стрела пронзала всю тысячу, а если десять тысяч, то стрела пронзала все десять тысяч, и если тридцать тысяч стояли в ряд, то все они тоже были повержены одной стрелой. Так стрелял Сери Рама, и не снесли этого четыре царевича. Царевич царства Лурах по имени Терилук верхом на коне обратился в бегство. Сери Рама выстрелил и пронзил ему шею. Царевич упал на землю. Сери Рама же воскликнул: «Слушайте, трое царевичей, если вы обратитесь в бегство, то не избежите такой же участи. Если хотите остаться в живых, падите к моим ногам и просите у меня прощения».

Царевичи государства Лупаданг и государства Джакми, подойдя, пали ниц к ногам Сери Рама. Сери Рама сказал: «Хорошо. Теперь возвращайтесь каждый в свою страну, но никогда не забывайте обо мне, потому что я ни в чем не виноват, а виноваты вы, все четверо». И двое царевичей отправились домой, каждый в свое царство, и никогда, за всю свою жизнь не нарушали верности Сери Рама.

А что же Раджа Дираджа? Раджа Дираджа подумал: «Лучше мне умереть, чем склониться перед Сери Рамой». Он пустил своего коня, говоря: «Эй, Сери Рама, если у тебя хватит храбрости, следуй за мной». Услышал Сери Рама слова царевича и последовал за ним. Раджа Дираджа в строю со всеми своими тремя сотнями военачальников ожидал Сери Рама. «Эй, Сери Рама, или ты хочешь бросить свою жизнь мне в руки?» — воскликнул он. Сери Рама промолвил: «Раджа Дираджа, мне очень жаль тебя, потому что твой отец очень стар. Если ты умрешь, кто же сменит его на царстве?» — «Я не хочу больше жить, — ответил

Раджа Дираджа. — Если я паду к твоим ногам, то мой позор удвоится. Лучше уж мне умереть». Сери Рама возразил: «Раджа Дираджа, неправильно ты говоришь. Лучше нам дружить, как двум великим царевичам. Прояви какой-нибудь знак доброй воли. Если ты не хочешь преклониться передо мной, так отдай мне свою корону». Раджа Дираджа воскликнул: «Если я отдам тебе мою корону, то это все равно, что отдать тебе свою голову. С каким же чувством я буду смотреть тебе в глаза, и как я смогу взглянуть в глаза моему отцу?» Сери Рама ответил: «Если ты так говоришь, то передай мне все свое оружие».

Тогда Раджа Дираджа крикнул: «Эй, Сери Рама, если ты настоящий воин, то защищайся от моей руки». И он спустил стрелу. Сери Рама же уронил быструю слезу со словами: «О Раджа Дираджа, ты действительно мужчина, но ты еще не достиг настоящего мужества, и слова твои беспредельны». И Сери Рама выстрелил. Он поразил царевича в шею, и тот упал на землю.

Военачальники Раджи Дираджи отнесли его тело к отцу. Все же он умер, сохраняя имя мужа. Отец его по имени Махрат вышел навстречу телу своего сына, заплакал и сказал: «Увы, сын мой, хорошо, что ты скончался с добрым именем, как мужчина». Он приказал сложить костер из благовонного дерева, мускуса, алоэ, камфары и шафрана. На нем было предано сожжению тело его царственного сына, а пепел сложили в золотой сосуд, осыпанный драгоценными камнями. Царь Махрат повелел: «Пока я живу на этом свете, ни дети мои, ни внуки мои не будут жить в добрых отношениях с внуками и погомками Сери Рама, сына Дасараты Махараджи».

Сери Рама же продолжал свой путь вместе с Лаксаманой, увозя свою супругу, царевну Ситу Деви, со всеми ее рабынями, мамушками и нянюшками.

Через некоторое время они прибыли к тому месту, где была убита Джагини. Сери Рама это место показало очень хорошим. На самой середине стоял небольшой холм, вершина которого была совершенно плоской. Сери Рама сказал Лаксамане: «Видишь, бра-

тец, это место очень хорошо для постройки города», — и они пошли дальше.

Через некоторое время они прибыли в государство Берантах Индера. Имя его царя было махараджа Пуспа Рама. Он происходил от царей-небожителей, сошедших на землю, чтобы воплотиться и стать людьми. Это был старый царь, великий чародей того времени, который держал в своих руках гром и молнию. И он непрерывно предавался подвижнической жизни.

В это время государь сидел на троне, и перед ним собрались все князья, министры, военачальники, евнухи, гонцы и все его воины. Государю сообщили, что Сери Рама, царственный сын Дасараты Махараджи, только что прибыл из города Дарвати Пурва вместе со своей супругой по имени Сита Деви, дочерью махареси Кали. Когда махараджа Пуспа Рама услышал почтительный доклад своих людей и узнал, что Сери Рама, как и он, тоже носит имя Рамы, он чрезвычайно разгневался, взвился, как змей, так что все замолчали. Все князья, вельможи, военачальники и весь народ пребывали в страхе, видя государя в таком гневе.

Государь воскликнул: «Почему же Дасарата Махараджа назвал сына своего Сери Рамой? С древних времен и до сих пор не было царей на земле, которые бы прозывались так! Ведь только я один ношу это имя*. Если Сери Рама не изменит своего имени и не исполнит моего приказа, то я сотру его с земли, чтобы он познал могущество моей руки».

Государь приказал своим министрам собрать всех князей и министров, военачальников и все множество народа и приготовить все оружие, слонов и коней. Когда все было готово, махараджа Пуспа Рама вышел из дворца и отправился навстречу Сери Раме, окруженный своим неисчислимым войском, под громкие и звонкие звуки музыки.

Сери Рама узнал, что махараджа Пуспа Рама весьма разгневан и идет, чтобы вступить с ним в бой. Сери Рама сказал Лаксамане: «Вот что, братец, отведи свою старшую сестру Ситу Деви и всех ее девушек куда-нибудь, а я один буду сражаться с махараджей Пуспой Рамой. Мы ни в чем не виноваты перед ним».

И Сери Рама стал посреди равнины, держа в руках три своих стрелы.

А махараджа Пуспа Рама приказал одному из своих начальников: «Ступай-ка скажи Сери Рама, что, если он желает жить со мной в дружбе, пусть немедленно изменит свое имя. Такое имя ношу только я один во всей вселенной. Если же он не желает повиноваться моему приказу, то я несомненно сотру его с лица земли и заставлю почувствовать силу моей руки».

Военачальник отправился к Сери Рама и точно передал ему все, что изволил приказать махараджа Пуспа Рама.

Сери Рама улыбнулся, говоря: «Слушай, военачальник, иди и сообщи махарадже Пуспе Рама, что имя мое даровано мне Великим Преславным богом и что я не изменю его. На мне нет никакой вины. И если махараджа Пуспа Рама желает меня преследовать, то я буду по мере своих сил бороться с ним, а если я умру, то как мужчина».

Военачальник вернулся к махарадже Пуспе Рама и доложил все, что сказал ему Сери Рама. Государь чрезвычайно разгневался, услышав слова Сери Рама. Он ударил коня хлыстом и поскакал к Сери Рама, воскликнув: «Эй, Сери Рама, или ты не узнаешь меня, что собираешься бороться со мной? Если хочешь жить, сейчас же припади к моим ногам, чтобы я освободил тебя и позволил вернуться в твой родной город к отцу Дасарате Махарадже, потому что мне тебя очень жаль. Ты ведь совсем еще ребенок. А если не подчинишься моему приказу, то я сейчас же заставлю тебя почувствовать силу моей руки и моей волшебной стрелы».

Выслушал Сери Рама слова махараджи Пуспы Рама и так ответил ему: «О махараджа Пуспа Рама, я знаю, что ты великий государь, и притом государь старый и мудрый, но ты неправ. Я не боюсь тебя и не исполню твоего приказания. Я хочу испробовать твою храбрость и твое волшебство. Я ведь ни в чем не виноват и не сделал тебе ничего дурного. Ты желаешь сражаться, чтобы проучить меня, человека молодого и еще непривычного к войне. Но я постараюсь сопротивляться твоему мужеству, насколько хватит сил».

Услышав слова Сери Рама, махараджа Пуспа Рама чрезвычайно разгневался и пустил в него стрелу. Но Сери Рама быстро отклонил эту стрелу, и она его не коснулась. В ответ Сери Рама тоже выпустил стрелу, но махараджа Пуспа Рама отстранил стрелу, и она пролетела мимо. Затем они снова стали стрелять друг в друга, но ни один не был задет, потому что они отклоняли стрелы. С полудня до ночи они так сражались, и ни тот, ни другой не был побежден. Оба они были равны в волшебстве и одинаково храбры.

Махараджа Пуспа Рама сказал: «О Сери Рама, давай пока подождем, потому что уже стемнело. Завтра опять сразимся, тогда-то ты увидишь, насколько чудесно у меня все оружие и какие волшебные стрелы». Затем он отправился к своему народу, а Сери Рама тоже вернулся туда, где был Лаксамана. Сита Деви чрезвычайно обрадовалась, увидев Сери Рама.

За это время Дасарате Махарадже доложили, что Сери Рама собирается биться с махараджей Пуспой Рамой. Услышав такие вести о своем царственном сыне, государь приказал своему первому министру приготовить все, чтобы отправиться навстречу Сери Рама и запретить ему сражаться с махараджей Пуспой Рамой, потому что он — царь древний, и притом великий волшебник и чрезвычайно храбр. Затем царь собрался и выступил из города Мандура Пура Негара. После некоторого времени пути он приблизился к тому месту, где остановился Сери Рама. Сери Рама и Лаксамана увидели, что подходит их царственный отец, и все втроем, с Ситой Деви, бросились припасть к ногам государя. Царь же обнял и расцеловал своих троих детей.

Государь повелел: «Слушайте, дети мои, не бейтесь с махараджей Пуспой Рамой, потому что он царь древний, и притом великий царственный подвижник и одарен могучей богоравной силой».

Сери Рама поклонился и проговорил: «О государь мой, царь вселенной, я не хочу сойти с этого места раньше, чем будет закончено мое сражение с махараджей Пуспой Рамой. Уж очень мне кажется позорным слушать его слова, что он единственный мужчина на

свете и что он не считается с твоей властью, царь вселенной. Именно поэтому я хочу испытать его храбрость и его колдовские чары. Если я не умру от его руки, то непременно он умрет от моей».

На это царь ничего не ответил.

До махараджи Пуспы Рама дошла весть о том, что Дасарата Махараджа пришел навстречу своему сыну Сери Рама, и он чрезвычайно разгневался. На следующее утро он вышел на середину поля битвы в сопровождении всех своих неисчислимых войск и закричал: «Эй, Сери Рама, выходи-ка, будем биться! Сегодня ты как следует узнаешь мою храбрость и отвагу. Ты заносишься сердцем, сам не знаешь, сколько у тебя силы, а хочешь мне противиться».

Услышал Сери Рама слова махараджи Пуспы Рама и склонился к ногам своего царственного отца. Затем Сери Рама и Лаксамана вышли на середину поля битвы и остановились со своими луками в руках. Подошел махараджа Пуспа Рама, поглядел на Сери Рама и страшно разгневался. Он издал свой военный клич и наложил стрелу на тетиву, говоря: «Эй, Сери Рама, лучше бы тебе подчиниться мне и припасть к моим ногам, чтобы оказаться в безопасности». Сери Рама ответил: «Подожди-ка немного. Скажи: чего ты хочешь от меня добиться?» Махараджа Пуспа Рама ответил: «Ах, если так, Сери Рама, так лучше уж постарайся отклонить мою стрелу. Ее еще никто не мог отстранить». И затем он спустил свою стрелу. А Сери Рама ее тут же отклонил, так что она его не задела.

Увидел махараджа Пуспа Рама, что его стрела никого не задела, и разгневался еще сильнее. И опять наложил волшебную свою стрелу на тетиву и снова выстрелил в Сери Рама. Вырвался столб пламени, словно гора двинулась на Сери Рама. Тут Сери Рама быстро спустил свою стрелу, и хлынул частый-частый ливень. Столб пламени потух, и еще пуще рассердился махараджа Пуспа Рама, потому что Сери Рама погубил его стрелу. Наложил он на тетиву новую волшебную стрелу и выпустил ее в Сери Рама. Эта стрела стала скалами и десятками тысяч гор, чтобы завалить Сери Рама. Но Сери Рама немедленно послал в ответ свою

стрелу, и поднялся бурный ветер, ураган со страшным громом, и все горы и все скалы разлетелись словно хлопок, когда из него выбивают семена. Понесло их бурей-ураганом и сбросило в море. Страшно разгневался махараджа Пуспа Рама, видя, как погибла его стрела от стрелы Сери Рама. И он вынул еще одну стрелу из тех, что получил в силу своего подвижничества, говоря: «Эй, Сери Рама, постарайся избавиться от этой моей стрелы. Ее не может отклонить ни один из царей этого мира». Он спустил стрелу. И стрела обратилась огнедышащими горами, такими громадными и неисчислимыми, что они заполняли все небо и, казалось, засыпают и Сери Раму, и Лаксаману, и Дасарату Махараджу. Половина гор превратилась в исполинов ростом с горы, покрытых длинными мохнатыми волосами, с клыками, как сверкающее пламя. И все их множество бросилось на Сери Раму, заполняя собой весь мир.

Дасарата Махараджа и Лаксамана испугались, задрожали и оцепенели при виде этих огнедышащих гор, собиравшихся поглотить их, и этого множества великанов, бегущих напасть на Сери Раму и изрыгающих воинственные кличи, словно кругом гремел гром, словно земля должна была погибнуть! Дасарата Махараджа воскликнул: «О сын мой, Сери Рама, куда нам деться, чтобы избавиться от этих страшных чудовищ? Лучше уж тебе покориться и исполнить волю махараджи Пуспы Рама, чтобы жить с ним в дружбе. Он ведь великий царь и притом владеет великой богоравной силой!». Лаксамана тоже сказал Сери Рама: «Да, старший брат, справедливы слова государя, лучше уж тебе послушаться приказа царя вселенной». Сери Рама поклонился и ответил: «О государь мой, великий махараджа, потерпи немного, царь вселенной, дай мне сравиться с махараджей Пуспой Рамай».

Царь промолчал, видя такое стремление Сери Рама, а Сери Рама пустил свою волшебную стрелу в махараджу Пуспу Раму. Бурный ливень обрушился на землю, загредел гром, и засверкала молния, исчерчивая все небо с огромной силой. И все огнедышащие горы разлетелись в разные стороны и потухли от дыхания

бури. И еще одну стрелу пустил Сери Рама, и она стала громадным клубком тысяч и десятков тысяч змей, казавшимся огромной горой. Эти змеи поглотили всех великанов, так что ни одного не осталось.

Увидев, что все его оружие совершенно уничтожено стрелами Сери Рама, махараджа Пуспа Рама был страшно поражен и очень испуган. Тогда Сери Рама сказал ему: «Эй, Пуспа Рама, где же теперь твое волшебное оружие? Нападай-ка на меня, и я тебе опять воздам за него, так что ты узнаешь мою храбрость и отвагу». И он вынул свою стрелу по имени Гандевати. Гандевати почтительно обратилась к нему: «О государь мой, какова твоя воля? Соизволишь ли ты, чтобы я убила махараджу Пуспу Раму или сбросила его в море или вогнала его внутрь земли?» Сери Рама ответил: «О Гандевати, не убивай его, потому что он старый царь. Ты только покажи ему свою волшебную силу», — и он послал стрелу в махараджу Пуспу Раму.

Стрела эта превратилась в Нагу Перталу Секанду Деву и бросилась на махараджу Пуспу Раму, чтобы его уничтожить. Когда махараджа Пуспа Рама увидел этого громадного змея, наступавшего на него с разинутой пастью, явно желая его поглотить, он преисполнился страха и ужаса и бросился скрыться в своем городе. Добежав до ворот крепости, он увидел, что этот змей уже там, перед воротами. Тогда махараджа Пуспа Рама поднялся на небо, но увидел, что змей уже в небе; он спустился в море, но змей поджидал его в глубине. Он бросился в глубь земли и увидел, что змей уже там. Махараджа Пуспа Рама снова поднялся на землю, и тут Нага Пертала Секанда Дева бросился на него, схватил, связал и так понес к Сери Рама.

Сери Рама немедленно развязал махараджу, потому что он с любовью относился к Пуспе Рама, такому старику. А махараджа Пуспа Рама припал к ногам Сери Рама, прося у него прощения. Он увидел, что тело Сери Рама цвета морской волны, сверкает и блестит, как ограненный изумруд. Тогда махараджа Пуспа Рама понял, что Сери Рама происходит от Маха Бисну,

и ему все стало понятно: «Ясно, что отсюда его божественная сила, значит, я его не мог победить».

Сери Рама обратился к нему: «О махараджа Пуспа Рама, чего же теперь тебе угодно?» Махараджа Пуспа Рама ответил: «Я виноват и, оказывается, глуп. Прости меня, потому что я не знал твоего происхождения. Разве ж это не безумие, что я сопротивлялся и бился с тобой?!» Тогда Сери Рама сказал: «Ну, государь мой, махараджа Пуспа Рама, сейчас уж ты ступай в свой город, но никогда не забывай обо мне».

Махараджа Пуспа Рама откланялся Сери Рама и Лаксамане, почтительно склонился перед Дасаратой Махараджей и отправился в свой город Берантах Индера в сопровождении всего войска. А Дасарата Махараджа тоже вернулся в свой город вместе со своими тремя царственными детьми, радостно любуясь храбростью, богатырской доблестью, божественной силой и великой отвагой своих царственных сынов. Пройдя некоторое время, они достигли города Мандура Пура Негара. Затем государь вошел во дворец вместе с царевичами. Сери Рама, Сита Деви и Лаксамана подошли и поклонились своей матери, царице Манду Дари, и припали к ее ногам. Царица же обняла и поцеловала всех трех царственных детей. Велика была ее радость увидеть свою невестку, красавицу царевну Ситу Деви. Царица Манду Дари сразу же горячо полюбила Ситу Деви и не расставалась с ней ни на минуту, кроме того времени, когда они почивали. Своих старших братьев и сестру приветствовали Бердана и Читра-дана.

АРЬ ДАСАРАТА Махараджа вместе со всеми раджами, военачальниками и весь народ в радости сели пировать под звуки всех музыкальных инструментов. Государь беседовал с раджами о том, что желает возвести на престол своего царственного сына Сери Рама, и приказал позвать махареси Пур-

ву Кесну Индеру. Когда махареси прибыл, государь встал, оказывая ему почет. Махареси спросил: «По какому делу великий махараджа позвал меня?» Государь ответил: «Я желаю поставить государем моего сына по имени Сери Рама. Ты же мне вместо брата, так соизволь прочесть в чертах его лица, чтобы дело это было совершено, и соизволь посмотреть в своих волшебных книгах». Махареси помолчал некоторое время и произнес: «В чертах его лица я вижу, что царевич Сери Рама будет прекрасным государем своей страны. Когда же он станет царем, то ты, государь, уже недолго останешься на этой земле».

После этого были принесены блюда с кушаньем и поставлены перед всеми князьями, министрами, евнухами и гонцами государя. Государь сам вкушал с одного блюда с махареси Кесной Индерой. После обеда жевали сири и освежали себя благовониями. Государь приказал первому министру приготовить все и собрать всех князей и министров, военачальников, евнухов, гонцов и весь народ, а затем надо было дожждаться доброго предзнаменования*.

Все это время Сери Рама и Лаксамана ежедневно отправлялись на охоту со всеми царевичами и военачальниками. Все, что они добывали, они приносили родителям, и половину всего этого царь и царица приказывали братьям уносить во дворец, а половину да-

лить между военачальниками и народом. Все видели, какой прекрасный характер у государей и как они доброжелательны ко всему народу. Все князья, министры, военачальники и весь народ искренне полюбили государей.

Отец и мать уже больше ничего не приказывали Сери Рама, радуясь его нраву и доброму расположению к слугам в своей стране.

И вот государь приказал своему гонцу по имени Махарама Сура* пригласить Пуросту махареси. Спустя некоторое время Махарама Сура пришел к Пуросте махареси, поклонился ему со словами: «Ваш государь сын* приглашает вас, потому что хочет возвести на царство государя, вашего внука Сери Рама».

Пуроста махареси был очень доволен тем, что Сери Рама возводится на царство своим отцом, поэтому он быстро собрался и в сопровождении Махарамы отправился в город Мандура Пура Негара. И вот Пуроста махареси прибыл в город Мандура Пура Негара и вошел прямо к Дасарате Махарадже.

Увидев Пуросту махареси, государь немедленно сошел с трона и направился ему навстречу, обнял и поцеловал. А затем усадил его на золоченом кресле, украшенном драгоценными камнями и усаженном жемчугом. Все махареси и берахманы сели на свои места, после чего были принесены блюда с угощениями. Государь же обедал с одного блюда с Пуростой махареси. Сери Рама и Лаксамана тоже кушали, сидя перед ними, и Бердана с Читраданой ели, оба брата вдвоем. Все князья ели вместе с князьями и все министры — вместе с министрами, все военачальники — вместе с военачальниками, и простой народ также пировал со всеми вместе. По окончании пира Пуроста махареси обратился ко всему множеству присутствовавших берахманов: «Когда этот царский сын станет царем, из этого ничего доброго не выйдет. А когда он выйдет из этого города, царствовать будут Бердана и Читрадана. Я сам слышал, — сказал Пуроста махареси Дасарате Махарадже, — как ваше величество обещали посадить на престол своих сыновей Бердану и Читрадану».

Дасарата Махараджа ответил: «Что до моего обещания, то я уже обратился с этой просьбой к Балии Дари*».

В это время горбунья, которая сидела внизу, услышала беседу государя с Пуростой махареси. Она быстро отправилась во внутренние покои дворца и склонилась перед Балией Дари с такими словами: «Почему же ты, царица, не потребовала от государя исполнения обещания, которое он тебе дал?» Балия Дари ответила: «Знаешь, горбунья, пусть Сери Рама будет царем, потому что он самый старший сын».

На следующий день горбунья опять обратилась к Балии Дари: «Зачем ты, царица, молчишь, ведь завтра Сери Раму посадят на царство. И, конечно, после этого твои царственные сыны Бердана и Читрадана не будут пользоваться уважением министров, и тебя самое, царица, больше не станут почитать ни народ, ни военачальники, и все будут преклоняться только перед матерью Сери Рамы, потому что он станет раджой». Балия Дари ответила: «Я так думаю, что если Сери Рама станет царем, так это все равно, как если бы мой собственный сын воссел на трон». Горбунья вскрикнула: «Я слышала, как его величество государь дал тебе слово, что возведет на царство твоих царственных сынов. Тебе надо только потребовать этого у его величества. Ведь он государь справедливый, великодушный и милосердный, да притом еще мудрый и верный своему слову. Государь не сможет изменить своему слову». Балия Дари выслушала такие речи горбуньи и подумала: «А ведь эта горбунья говорит совершенно правильно». И тогда она встала и отправилась к государю.

В это время царь сидел один. Балия Дари вошла, поклонилась и сказала: «О государь мой, великий махараджа, я пришла у ног твоего величества просить прощения и милости. Ведь ты, царь вселенной, обещал, что возведешь на трон этого государства моих сыновей Бердану и Читрадану. Почему же теперь твое величество желает сделать государем своего царственного сына Сери Раму?» Услышав мольбу Балии Дари, государь помолчал некоторое время, огорчившись

сердцем, и потом проговорил: «Я дал это обещание и исполню его». Государь взял свой каин*, от горя закрыл им лицо и больше ничего не говорил.

Балия Дари вышла и села у дверей в ожидании, боясь, что все князья и министры придут к государю просить его изменить своему обещанию. Тогда она позвала четырех своих придворных девушек и сказала: «Пойдите к Сери Раме и скажите, что его величество государь просит его прийти».

Четыре придворные девушки отправились к Сери Раме, поклонились ему и сказали: «Государь, ваш отец зовет вас».

Царевич сразу вскочил и пошел. Дойдя до дверей дворца, он встретился с Балией Дари, и она сказала ему: «Подожди здесь, потому что государь твой отец еще почивает. Он повелел мне сказать тебе: „Скажи моему сыну Сери Рама, что ему не быть царем в этой стране“». Услышав эти слова Балии Дари, Сери Рама радостно сказал: «О матушка, я очень счастлив, что мои братья станут царствовать в этой стране, потому что я сам хочу уйти в обитель и стать махареси. И я желаю, чтобы в стране царствовали мои братья Бердана и Читрадана». Затем Сери Рама вернулся к себе домой с желанием стать отшельником.

Это был пятнадцатый день месяца. Пуроста махареси, увидев, что Дасарата Махараджа не выходит, в то время как этот день был благоприятным для совершения церемонии возведения на престол, сам быстро встал и пошел во дворец. Там он встретился с Балией Дари. Балия Дари остановила его: «Не входи, государь еще почивает». Услышав такие слова Балии Дари, Пуроста махареси очень разгневался и воскликнул: «Мне не дает войти несчастная женщина, которая хочет убить своего мужа?!» И он вошел во дворец искать государя. Пуроста махареси увидел, что государь еще почивает, и немедленно разбудил его. Государь поднялся и сел. «Почему же ваше величество испортили все дело, ведь уже пришел благоприятный час?» — спросил его Пуроста махареси. Дасарата Махараджа ответил: «О брат мой, сейчас не Сери Рама станет царем. В то время, когда я тяжело болел, я дал

слово Балии Дари, что возведу на царство ее сыновей, Бердану и Читрадану».

Услышав слова Дасараты Махараджи, махареси поглядел на Балию Дари, сидевшую против государя, и сказал: «Балия Дари! Такая женщина, как ты, совсем не тверда в своей верности. Если твои сыновья станут царями в этой стране, то, несомненно, Сери Рама уйдет из нее, чтобы стать махареси. Вот что написано в звездах и в наших книгах предсказаний, у всех махареси и берахманов: „Если Сери Рама уйдет из этой страны, то, несомненно, в тот же час скончается Дасарата Махараджа, не оставив даже завещания...“ А Сери Рама действительно хочет стать махареси». И Пуроста махареси ушел из дворца.

А в это время все князья и все министры, все военачальники, евнухи и гонцы и весь простой народ от мала до велика — все собрались и выстроились рядами, каждый на своем месте. И все слоны и конница были покрыты украшениями, и все шествие было уже готово. Царский зонтик с алмазной бахромой, украшенный драгоценными камнями, был уже раскрыт. Царские эмблемы, украшенные жемчугами, были уже подняты.

Когда все князья увидели, что Пуроста махареси вышел один, все они и все министры стали его спрашивать: «О господин, почему же государь задерживает эту церемонию, ведь уже пришел надлежащий добрый час?» Пуроста махареси ответил: «Слушайте, все присутствующие вельможи, сейчас вас постигнет несчастье, потому что смерть приходит к вашему царю». Услышав такую речь, все министры и военачальники были поражены изумлением и горем, и все они воскликнули: «Что, господин, заставляет тебя говорить такие слова? Что ты читаешь в будущем, говоря нам все это?» Пуроста махареси ответил: «Ныне, в этот час, Сери Рама не станет царем в этой стране. Воцарятся Бердана и Читрадана. В звездах и во всех книгах предсказаний, у всех махареси и древних берахманов написано, что, когда Сери Рама уйдет из этого царства, Дасарата Махараджа скончается в тот же час. Вот почему я так говорю вам». Все князья, министры и военачальники, а также весь народ, все за-

говорили: «На это мы скажем одно. Если Сери Рама не станет государем этой страны, то мы не желаем царем ни Берданы, ни Читраданы. И куда бы ни пошел господин наш Сери Рама, туда все мы последуем за ним с нашими женами и детьми».

Сери Рама вошел во дворец к государю, своему отцу, и распростерся у его ног. Государь же обнял его и поцеловал, и слезы государевы облили его царственного сына, но ни одного слова царь не сказал ему. И вновь Сери Рама припал к его ногам. Затем он отправился в дом своей матери. Зарыдала царица-мать, говоря: «Не уходи, сын мой, не покидай свою мать. Что же с ней станет, одинокой?» Подошла Сита Деви в слезах, склонилась перед государыней-матерью и проговорила: «О государыня, я тоже не останусь. Я буду жить или умру вместе с государем, сыном твоим». Когда царица услышала слова Ситы Деви, то еще горше стало у нее на сердце, и от горя она не могла произнести ни одного слова.

Сери Рама и Сита Деви припали к ногам своей матери, а затем вышли и сели в колесницу. Когда Лаксамана увидел, что его старший брат собрался уезжать, он в слезах распростерся перед матерью и старшим братом со словами: «Я тоже не хочу разлучаться с моим старшим братом». И сколько ни умоляла его мать, он не согласился остаться, а хотел отправиться с братом на жизнь и на смерть. Тогда царица решила: «Пусть он уходит со своим братом. Если бы и остался он, не быть ему царем». И Сери Рама тоже согласился: «Хорошо, братец Лаксамана, иди со мной, своим старшим братом. Ведь если ты останешься здесь, ты все равно не станешь царем этой страны». Выслушал Лаксамана слова Сери Рама, сбросил с себя все царственные одежды, снял со своих запястий украшенные змеями браслеты, отдал матери свою корону и припал к ногам государыни. Царица-мать обняла и поцеловала своих трех царственных детей, обливаясь слезами. Сери Рама, Лаксамана и Сита Деви попрощались со своей царицей-матерью, сели в колесницу и выехали.

Когда Махарамы Сура увидел, что Сери Рама и Лаксамана едут, он сейчас же отправился следом за

ними. Все князья и все министры, все военачальники и евнухи и весь народ последовали за Сери Рамой и его женой, говоря: «О государь, не покидай нас всех здесь. Мы будем и жить и умирать, склонившись к твоим ногам».

Сери Рама не произнес ни слова и выступил из города. Все люди были взволнованы и обливались слезами, боясь, что не смогут следовать за Сери Рамой.

Царица Манду Дари и сама Балия Дари испугались и зарыдали, увидев, что государь вдруг скончался, без всякой причины и без всякой болезни. Царица Манду Дари приказала четырем своим придворным девушкам сообщить об этом Сери Раме и Лаксамане. Четыре девушки немедленно отправились. Выйдя за ворота города, они встретили Сери Раму и Лаксаману. Они склонились перед ними и сказали: «Государыня-мать просит твое величество вернуться посмотреть на твоего царственного отца, который вдруг скончался».

Услышав сообщение придворных девушек, Сери Рама сказал: «О девушки, возвращайтесь и передайте, что я припадаю к ногам царицы-матери, но не возвращусь, потому что хочу быстрее отправиться в горы для подвижнической жизни. Что же касается тела государя-отца, то все сделают мои младшие братья, а я отдамся Великому Преславному богу».

Девушки склонились перед ним и немедленно вернулись. Войдя во дворец, они передали царице-матери все распоряжения Сери Рамы. Царица же еще сильнее заплакала, потому что ни Сери Рама, ни Лаксамана не пожелали вернуться. Звуки рыданий во дворце гудели, как волны, накатывающиеся на железный берег.

Все князья, министры и военачальники вышли из города к Сери Раме. Все престарелые министры умоляли его: «О государь, царь вселенной, мы просим помилования у твоих ног. Твоему величеству следует сперва вернуться в город, чтобы проститься с телом государя — твоего отца и утвердить на царство обоих младших братьев». Сери Рама ответил: «Слушайте, все мои отцы и все мои братья. Я не вернусь сейчас, потому что хочу как можно скорее предаться подвигу».

Так прошел день и наступила ночь. Сери Рама до-

думал: «Если я пойду вместе с этой массой народа, то наверное не достигну желаний своего сердца». И царь остался на месте, ожидая, когда все крепко заснут. Когда же наступила глубокая ночь и все погрузились в крепкий сон, Сери Рама поднял Лаксаману и Ситу Деву, говоря: «Давайте уйдем сейчас ночью, чтобы весь этот народ не следовал за нами». Своей колеснице государь приказал вернуться в город, и колесница сама покатила обратно. А сам Сери Рама вошел в дремучий лес, который был никому не ведом.

Когда рассвело, люди увидели, что государя нет. Они также увидели следы колесницы государя, которые вели прямо в город. Все князья, министры и военачальники очень обрадовались, говоря: «Давайте войдем все в город, потому что господин наш Сери Рама уже вернулся туда». И все они пошли назад. Но, придя в город, они увидели, что государя там нет, а вернулась только его колесница. И все они очень огорчились, а потом пришли во дворец к царице Манду Дари выслушать ее приказание.

Царица же сказала: «О господа, я уже не могу ничего приказывать, идите все к Балии Дари, Бердане и Читрадане. В их руках власть в этой стране, потому что не мой сын стал царем». Все князья ответили ей почтительно: «О царица, если не ты будешь нами повелевать, мы ничего не будем делать». Когда царица Манду Дари услышала речь министров, князей и всех военачальников, она произнесла: «Потерпите, князья мои и министры. Если есть что-нибудь, чего вы желаете, то подождите немного, и это наверное будет исполнено».

Царица немедленно приказала позвать Пуросту махареси, чтобы он пришел во дворец убрать тело государя. Пуроста махареси пришел вместе с Махарамой Сурой и другими вельможами и берахманами. Он приказал Махараме Суре созвать всех князей и всех почтенных старых министров, чтобы они сделали золотой гроб, украшенный жемчугами и другими драгоценными камнями. Махараме Сура созвал всех князей и всех вельмож, чтобы сделать такой гроб. Когда он был готов, то они пришли во дворец и принесли

его. Пуроста махареси же вместе с четырьмя берахма-
нами поклонился телу Дасараты Махараджи.

Они обмыли его розовой водой и натерли санда-
лом, нардом, шафраном и амброй. Затем они поло-
жили его в этот золотой гроб и гроб поставили во
дворце. После этого Пуроста махареси сказал Бердане
и Читрадане: «Кто же сейчас станет царем в стране,
чтобы мы смогли быстро сделать все необходимое с те-
лом государя, вашего отца? Сжечь его на костре мо-
гут только князья древнего рода. Это не всякому мож-
но. Если найдутся такие, то пусть они понесут этот
гроб с останками государя. Ведь Дасарата Махараджа
государь великий, высокого рода, и притом престаре-
лый. Конечно, вы, Бердана и Читрадана, сыновья го-
сударевы. Но, во-первых, вы сыновья его от наложни-
цы, а во-вторых, вы его младшие дети. Вот Сери Ра-
ма — это сын его престарелой супруги; уже поэтому он
стал государем, и ему следует совершить весь обряд
с останками государя. Вы же, Бердана и Читрадана,
хотя и можете стать царями, но никак не можете со-
вершить обряд оказания последних почестей телу го-
сударя».

Бердана и Читрадана выслушали речь Пуросты ма-
хареси, и Бердана сказал: «О владыка, если вы счи-
таете возможным, то разрешите мне не властвовать в
этой стране. Пока я не услышу приказа царя Сери Ра-
мы, я ни за что не стану царствовать. Что же до этого
государства, то, конечно, оно принадлежит его вели-
честву Сери Рама. Где бы ни был Сери Рама, я най-
ду его и поклонюсь ему этим государством. И то, что
он мне прикажет, я буду делать там, где он соизволит
мне повелеть».

Услышал Пуроста махареси слова Берданы и Чит-
раданы, чрезвычайно возрадовался сердцем и сказал
так: «Сыны мои, Бердана и Читрадана, вы действи-
тельно цари великие, высокого рода, богатые и мудрые
и притом кроткие. Это показывают ваши слова. И вы,
сыны мои, стали государями в этой стране. Соизволь-
те только обдумывать все и советоваться с Махарамой
Сурой. Следуйте всем его советам и наставлениям о
том, что надо делать, потому что он человек старей».

Все князья, министры, военачальники и весь народ одобрили слова Пуросты махареси. А Бердана и Читрадана ответили ему: «Мы сделаем все, что вы посоветуете и пожелаете, потому что мы люди молодые и не знаем, что мудро и что должно».

Пуроста махареси приказал затем Махараме Сура отправить четырех вождей с тысячей человек искать Сери Раму в любой стране и в любом месте, где он, по слухам, находится. Пуроста махареси распрощался с царицей Манду Дари и с Балией Дари, а также с Берданой и Читраданой, сказав им: «Слушайте, сыны мои! Не забывайте Сери Раму и Лаксаману, потому что они ваши старшие братья и Сери Рама должен занять место вашего царственного отца». Бердана и Читрадана припали к ногам Пуросты махареси и приказали всем князьям проводить его. Пуроста махареси же вернулся в свою страну, сказав всем князьям, министрам и военачальникам: «Слушайте все вы, господа, мои братья! Бердану и Читрадану я оставляю на вас. И если они в чем-нибудь ошибутся, то вы поучайте и наставляйте их, и пусть никогда не будет сказано, что они еще молоды и не достигли мудрости в управлении».

Махараме Сура и все князья и военачальники распрощались с Пуростой махареси и вернулись в город Мандура Пура Негара. Бердана же и Читрадана держались твердо и кротко со всеми министрами и все время приказывали запрашивать известия о Сери Раме по всем странам. А в это время они готовили все для сжигания останков своего отца. Царица же Манду Дари постоянно раздавала милостыню берахманам и всем беднякам в стране и кормила их, непрерывно горюя о своих царственных детях.

СЕРИ РАМА И ЛАКСАМАНА СТРОЯТ СКИТ

АЧИНАЕТСЯ история о Сери Рама и Лаксамане, которые шли по густому девственному лесу, совершенно незнакомому им.

Так было решено всемогущим Аллахом*, что Сери Рама попал в какую-то заросль. Она называлась Далилам*, что значит «лес драгоценностей». В лесу не

было деревьев, но весь он зарос цветами. Туда спустились забавляться все небожители. Жил там один махареси по имени Астана. Князь этот жил отшельником в цветочном лесу Далилам. Сери Рама повстречал его. Махареси окликнул его: «О государь мой Сери Рама, куда ты идешь, и в чем твоя печаль?» Сери Рама ответил: «Я иду странствовать, потому что мой отец отдал государство Мандура Пура Негара моему брату». Махареси предложил ему: «Останься, господин мой, со мной, и я буду о тебе заботиться». — «Нет, я хочу посмотреть прекрасный мир Великого Преславного бога. Разрешите мне идти», — возразил Сери Рама. Махареси ответил ему: «Не отчаивайся, государь, Великий Преславный бог дарует тебе гораздо большее, чем царство Мандура Пура Негара, и ты обязательно получишь достойную обитель».

Сери Рама и Сита Деви отправились дальше через лесную чащу. Пока Сери Рама шел, Лаксамана задержался спросить у махареси совета. Вот что посоветовал махареси Астана Лаксамане: «Когда вы дойдете до леса Кала Сехари Бунтинг, то увидите два пруда. Один пруд с чистой водой, а другой — с мутной. Если вы захотите выкупаться или выпиться, то пользуйтесь не чистой водой, а только мутной, потому что эта мутная вода обладает великой целебной силой. Если

человек превратился в животное, то стоит ему только выкупаться в этой мутной воде, и он опять превращается в человека».

Лаксамана отправился в путь и шел три дня, пока, наконец, догнал Сери Рама и Ситу Деви. Сери Рама продолжал свой путь с Лаксаманой и Ситой Деви. Через некоторое время они дошли до леса по имени Кала Сехари Бунтинг, и все трое сели в тени деревьев. Сери Рама захотел пить и сказал: «Ах, братец Лаксамана, поищи-ка для меня воды, потому что меня мучает страшная жажда». Лаксамана отправился искать воду. Он ушел уже так далеко, что не слышал голосов, но все еще не встретил никакого источника. Так Лаксамана шел все дальше и дальше. А за это время прилетел ворон и уселся на том дереве, под которым царевич с супругой отдыхали в тени. Ворон сидел и каркал.

Сита Деви сказала: «Мы сидим тут, в глухом лесу, а Лаксамана там ищет воду». — «Если ты беспокоишься, то пойдем отыщем его, пока он еще недалеко», — ответил Сери Рама. И Сери Рама с Ситой Деви отправились искать Лаксаману.

А Лаксамана тем временем повстречал раксасу по имени Рактили. Лаксамана выхватил свой меч и ударил им Рактили. Рактили, умирая, превратился в птицу Джамбават. Эта птица стремглав бросилась на Лаксаману, чтобы ударить его клювом по голове. Но царевич отскочил в сторону и рассек птицу своим мечом. Джамбават сдохла. Лаксамана же пошел дальше искать воду и вышел к двум прудам. Он нес с собой черпак и зачерпнул им воды из мутного пруда. В это время позади него вышли Сери Рама и Сита Деви. Царевич Сери Рама устал и прыгнул прямо в пруд с прозрачной водой. Лаксамана закричал: «Государь мой, не купайся в пруду с чистой водой. Иди сюда, выкупайся в пруду с мутной водой». Но Сери Рама не послушался его. И Сита Деви спустилась выкупаться вместе с Сери Рамой. Когда царевич и царевна нырнули, то оба они, и Сери Рама и Сита Деви, превратились в обезьян. Выскочили они прыжками на берег и взобрались на дерево.

Лаксамана оцепенел от изумления, но тут же вспомнил слова махареси о том, что вода мутного пруда излечивает от такой беды. Лаксамана начал кричать: «Владыки мои, прошу вас спуститься».

Царевич и царевна опять не пожелали послушаться. Вместо этого Сери Рама и Сита Деви тут же предались любви. Лаксамана сгорел от стыда, глядя на такие выходки Сери Рама и Ситы Деви. Он схватил одну из своих одежд, разодрал ее на полосы и свил их так, что получилась веревка. Связал Лаксамана этой веревкой Сери Рама нога, сдернул его с дерева и кинул в пруд с мутной водой. Сита Деви же сама спустилась вслед за Сери Рамай. Тут Лаксамана проворно связал нога Ситы Деви и бросил и ее в этот пруд вместе с Сери Рамай. Царевич и царевна сразу опять стали людьми, как прежде. А Лаксамана склонился к ногам Сери Рама и Ситы Деви. Сери Рама же сказал: «Увы, брат мой Лаксамана, ты мне не брат, ты отец, создавший меня. Если бы не ты, мой любимый братец, то не стал бы я опять человеком».

Лаксамана почтительно отвечал: «Когда ваши величества стали обезьянами, то случилось так, что у вас может быть сын. Я был свидетелем тому. Когда этот сын родится, то он не будет похож на человека. Мне следует это сказать тебе, государь».

Выслушав слова Лаксаманы, Сери Рама приказал кормилице Ситы Деви растереть ее, пощекотать у нее в горле и вызвать рвоту. Ситу Деви вырвало, и зародыш вышел наружу. Сери Рама взял листок дерева варингин*, завернул в него зародыш и отдал его этой кормилице по имени Баю Бата*. А потом он так сказал ей: «Какой бы вид ни имел мой сын, не откажи вдеть ему в уши такие же висячие серьги, как этот листок варингина. Вот, Баю Бата, этот зародыш, отнеси его и сунь в рот Деви Анджани, которая предается подвижнической жизни, сидя среди моря с разинутым ртом».

Отдав этот зародыш Баю Бате, Сери Рама, Сита Деви и Лаксамана продолжали идти по лесу Кала Сехари Бунтинг. Тут Лаксамана сказал: «О государь, не будем бродить по совсем незнакомому нам лесу*».

Через некоторое время они дошли до деревни какого-то махареси Анггасы Девы. У него было четверста учеников, и все они жили в этой деревне. Сери Рама и Лаксамана вошли туда. Увидев Анггасу Деву, Сери Рама сказал: «Я пришел сюда, желая посвятить себя подвижнической жизни и стать махареси». Махареси Анггаса Дева ответил ему: «Если ты, государь мой, желаешь вести подвижническую жизнь, то здесь тебе будет очень хорошо вместе со мной». Сери Рама сказал ему: «Здесь люди, которых ты, господин, любишь, и я полностью приемлю их, но я хотел бы жить вдали от многолюдья».

Махареси пригласил Сери Раму, Лаксаману и Ситу Деви поесть плодов, произраставших в этой деревне. На следующий день, с раннего утра, Сери Рама распрощался с махареси Анггасой Девой. Махареси Анггаса Дева сказал ему: «Если ты, государь, желаешь встретиться с махареси, обладающим волшебными силами, то иди по дороге направо, и ты скоро повстречаешь его».

Сери Рама и его двое спутников пошли дальше через чащобы неведомого леса. Через некоторое время они достигли леса, который называется Чандера Пуспа. Тут они увидели реку огромной ширины, и нигде не было переезда через нее. Сери Рама сказал: «Знаешь, братец Лаксамана, как бы нам не задержаться на этой переправе. А то здесь нас догонят все князья и министры, которые следуют за нами. Нам надо как можно быстрее переправиться через эту реку, чтобы освободиться от них». Лаксамана спросил: «Каким же способом мы переправимся через этот поток?» Сери Рама сказал: «А вот я спущу стрелу Гандевати, чтобы она стала мостом, по которому мы переберемся на ту сторону». Лаксамана ответил: «Это ты правильно говоришь».

Сери Рама выстрелил своей стрелой, говоря: «Слушай, Гандевати, пошлю я тебя на ту сторону реки, а ты ступай и вцепись глазами своими в обрыв на той стороне, а ногами держись на этой». Выстрелил Сери Рама, а стрела эта бросилась вперед, как змея, острием вонзилась в противоположный берег, а задним кон-

цом легла на ближний. И Сери Рама с Лаксаманой и Ситой Девы прошли по стреле. А переправившись, Сери Рама взял стрелу с собой, и они отправились дальше.

Через некоторое время они дошли до горы, огромной-преогромной, уходящей вершиной в самое небо; у подножия горы Сери Рама увидел много домов. Очень скоро какой-то человек спустился оттуда к реке удить рыбу. Увидев Сери Раму, Лаксаману и Ситу Девы, он сперва остановился в изумлении, а затем подошел к Сери Раме, говоря: «О юноша, кто ты таков и куда ты направляешься?» Сери Рама ответил: «Имя мне Сери Рама. Этот человек — брат мой по имени Лаксамана, а это — моя супруга». Услышав имя Сери Рамы, сына Дасараты Махараджи, человек упал к ногам Сери Рамы. Сери Рама спросил: «Кому принадлежит этот кампонг*, и как зовут вождя его?» Человек почтительно отвечал: «Вождь этой земли носит имя Кикукан. Рыбачьих лодок, сетей и неводов в этой земле до десяти тысяч, и все их держит в руках Кикукан». Сери Рама приказал: «Ступай к нему и скажи, что я прибыл и желаю видеть его».

Человек этот пошел и сообщил Кикукану, говоря: «Слушай, наш вождь, я встретил трех человек — двух мужчин и одну женщину. Имя одного мужчины — Сери Рама, а другого — Лаксамана. А женщина эта — жена Сери Рамы, она удивительно хороша лицом». Когда Кикукан услышал сообщение этого человека, он немедленно отправился к Сери Раме вместе со своими слугами и рабами.

Придя к Сери Раме, он простерся пред ним и коснулся его ног. Сери Рама принял его очень приветливо. Кикукан с почтением сказал: «Как я счастлив, что вы, господин мой, пришли ко мне, вашему слуге». В то же время супруга Кикукана по имени Май Рани Сури тоже пришла к Сите Девы со своими служанками.

Затем они отвели Сери Раму, Лаксаману и Ситу Девы в свой дом и усадили их на златотканом ковре. Кикукан же вместе с женой сел* перед Сери Рамой и Ситой Девы и почтительно сказал: «О господин мой, я твой слуга и готов склониться к ногам государя,

твоего деда, махараджи Дасараты Чакравати. Случилось со мной однажды, что я отправился со всеми своими слугами ставить невод в устье этой реки. Попала в него огромная рыба с тремя хвостами. Когда я пытался втащить ее в лодку, то никак не мог. Тогда я привязал ее большой веревкой. Когда же я ее убил и вспорол ей брюхо, то увидел внутри него квадратный камень шириной в четыре депы, толщиной — в три локтя. Я подумал, что этот камень не из морских глубин. Камень этот — дело рук человеческих. Я увидел на нем письмена. Один из моих подчиненных подошел к этому камню, чтобы поточить свой паранг*. А человек этот умел читать письмена. Прочел он надпись на камне, а она гласила: „Этот золотой камень, который я сейчас бросаю в море, когда-нибудь в будущем попадет моему внуку, и пусть он разделит его так, чтобы одну часть раздать всем бедным и неимущим, а три части — для него самого“. Услышав, что гласила надпись на этом камне, я, твой раб, был очень счастлив, и я роздал одну часть его всем бедным и неимущим, а три четверти осталось у меня, и когда бы кто-нибудь ни приходил, желая жить вместе со мной, я каждому отводил место и оказывал помощь. А теперь, государь мой, будьте здесь царем, потому что все мы здесь готовы быть вашими слугами».

Сери Рама ответил: «У меня есть любимые отец и мать, и если я захочу стать царем, то стану им в своем государстве. А сейчас я хочу предаться подвижнической жизни и сделаться махареси».

Кикукан угощал своих царственных гостей как подобало. Сери Рама с братом и супругой остались у него на некоторое время. Кикукан ничего не упускал, с уважением и почтением ухаживал за Сери Рамой и его спутниками. И Май Рани Сури тоже прилагала все усилия, чтобы оказать почет Сите Девии. Она постоянно вводила ее забавляться у моря в окружении всех женщин.

Пробывши некоторое время у Кикукана, государь сказал ему и его супруге, что хочет уходить. Кикукан простерся у ног Сери Рамы и Лаксаманы, Сита Девия обнялась и расцеловалась с Май Рани Сури, и обе они

заплакали. Сери Рама сказал: «Слушай, отец мой, когда я в конце концов сяду на престол в своем царстве, то обязательно пошлю пригласить и тебя, отец мой, и тебя, мать мою».

Сери Рама, Лаксамана и Сита Деви отправились дальше и вступили в лес там, где начинались неведомые лесные чащобы. Они преодолели многие холмы, высокие-высокие горы, прошли через широкие-широкие долины и дошли до того места, где жил один махареси по имени Вирата Сакти и восемь его учеников. В это время махареси Вирата Сакти как раз приносил Бетаре * жертву под звенящие звуки колокольчика и мерангу *.

Сери Рама оставил Лаксаману со своей стрелой по имени Пурва Ганди охранять Ситу Деви, а сам пришел к дому махареси Вираты Сакти, приносившему жертву, и увидел, что все махареси приносят жертвы и читают веды * разными способами и на разные мелодии, каждый по своему умению и со всем старанием. Сери Рама подал знак, все музыкальные инструменты разом стихли, и все махареси, читавшие веды, не могли больше издать ни звука. Все махареси изумились, видя это. Махареси же Вирата Сакти понял, что это Сери Рама прибыл в его обитель. Он быстро вышел навстречу Сери Рама, взял его за руку, привел и усадил рядом с собой, говоря: «О сын мой Сери Рама, в чем дело, в каком ты виде? Разве Мандура Пура Негара не твое царство, где ты будешь преемником его величества государя, твоего отца? Отчего же ты, сын мой, в таком виде?»

Услышав такие слова махареси Вираты Сакти, Сери Рама улыбнулся и сказал: «Кто же ты, господин мой, и сколько времени ты уже в отшельниках?» Махареси Вирата Сакти отвечал: «Я здесь отшельником семьсот лет, я брат махареси санг * Перданы. Я средний брат, дед твой Дасарата Чакравати одних лет со мной, а мой брат, махареси бегаван Гутама, одного возраста с Дасаратой Раманом. Вот почему я знаю о тебе, и о твоём происхождении тоже знаю».

Сери Рама сказал: «Я тоже хочу стать отшельником, но в таком месте, где нет близко людей. Вот там

я хочу предаться подвигам». Махареси Вирата Сакти ответил: «Если, сын мой, ты желаешь стать подвижником, то лучше оставайся здесь, потому что ты совсем один!» Сери Рама сказал: «Я пришел сюда с братом и с царевной, которую я привел». Махареси Вирата Сакти спросил: «Где же ты оставил свою младшую сестру, почему не привел сюда?» — «Видишь ли, господин, я ведь не знаю ничего о твоей обители. Вот почему я оставил царевну с Лаксаманой», — объяснил Сери Рама. Тогда махареси Вирата Сакти сказал: «Хорошо, сын мой, приведи сюда царевну».

Сери Рама отправился позвать Лаксаману и Ситу Деви в дом махареси Вираты Сакти. Все музыкальные инструменты, которые перестали звучать, снова заиграли, и все махареси и берахманы, которые не могли издать ни звука, читая веды, вновь обрели голос. Махареси же Вирата Сакти вышел из храма и отправился к себе домой. Сери Рама подал знак Лаксамане и Сите Деви. Лаксамана и Сита Деви подошли и склонились перед махареси Виратой Сакти. И он пригласил их. В это время наступила ночь. Все махареси и берахманы прекратили свои молитвы, и каждый вернулся к себе домой.

Махареси Вирата Сакти угостил Сери Раму, его брата и супругу, и они остановились у махареси Вираты Сакти на ночь. Когда же наступил следующий день, то Сери Рама пожелал откланяться. Махареси сказал: «О сын мой, останься на день-другой, потому что я еще не насытился беседой с тобой». Сери Рама остался еще на пять дней. Сери Рама и Лаксамана, сколько было возможно, учились у всех этих махареси мудрости, волшебству и пониманию предзнаменований. Когда истекли эти пять дней, Сери Рама распрощался с махареси. Махареси пожелал им всем троим доброго пути, и они отправились в чащу густого леса.

Через некоторое время они прибыли в лес Индера Паванам. Лес этот служил жильем жестоким и озорным раксасам. Поэтому Сери Рама пошел впереди. Следом за ним шла Сита Деви, а замыкал шествие Лаксамана. Когда они дошли до середины леса, их заметил летающий по воздуху раксаса по имени Пурба

Ита. Этот раксаса все время гонялся за кем-нибудь с копьем и ничего больше не делал. Увидел он трех человек, идущих по лесу, и подумал: «Интересно, кто эта женщина — сестра этих юношей или жена? Уж очень она хороша собой! Вот бы мне поймать ее! Я бы преподнес ее махарадже Раване. Пусть бы он пожаловал мне какой-нибудь город во владение».

Только он это подумал, как сейчас же спустился, схватил Ситу Деви и взлетел опять, унося ее с собой. Лаксамана увидел это и сразу выхватил стрелу, но стрела упала. В это время Сери Рама оглянулся назад и увидел, что Ситы Деви уже нет, а Лаксамана собирается выстрелить. Сери Рама сказал: «Что это, братец? Куда ушла Сита Деви, твоя старшая сестра, и в кого это ты хочешь стрелять?» Лаксамана почтительно произнес: «Государь мой, сестричку Ситу Деви утащил один раксаса и улетел, унося ее с собой. Поэтому-то я и хотел выстрелить в него».

Сери Рама сейчас же вынул свою стрелу по имени Гандевати и послал ее вверх. Он попал в шею Пурбы Иты и, очевидно, убил его, а Сита Деви стала падать на землю, но Сери Рама сразу же подхватил ее. Затем они пошли прочь от этого места. Пурба Ита грохнулся на землю и разбился вдребезги. Сери Рама же отправился дальше. Спустя некоторое время он дошел до гор по имени Букит Индера Паванам. Сери Рама увидел, что склоны этих гор располагались террасами и были замечательно красивы, а среди гор находилась равнина. Со всех четырех концов ее вытекала удивительно прозрачная вода и ручьями текла по равнине.

Сери Рама сказал: «Ах, братец Лаксамана, какое же это красивое место! Если бы у меня было триста тысяч человек, то построил бы я себе здесь город. Ведь город Мандура Пура Негара государь-отец отдал Бердане и Читрадане». Лаксамана ответил: «Все правильно, как ты говоришь, господин мой, но твоему величеству нельзя нарушить приказ государя-отца».

Сери Рама построил себе скит у подножия гор Букит Паванам. Лаксамана тоже построил себе маленький отшельнический шалаш рядом под горой. Там они и спасались. Время от времени Лаксамана оставлял

свои подвиги и отправлялся в чащу леса, забавляясь поисками всевозможных плодов. С наступлением вечера он возвращался и приносил плоды Сери Рама. Так Лаксамана делал постоянно. Однажды Сери Рама подумал: «Нас здесь всего трое. Если что-нибудь случится с Ситой Деви или она заболит, то я тут, чтобы за ней ухаживать. Но если я заболею, то кто будет подругой Ситы Деви? Правда, тут мой брат Лаксамана, но он мужчина. Надо бы мне попросить у Великого Преславного бога подружек для Ситы Деви». И Сери Рама повелел: «Слушай, братец Лаксамана, не уходи завтра в лес, потому что я, твой старший брат, хочу принести жертву и просить у Великого Преславного бога подружек для сестрицы Ситы Деви, чтобы они ухаживали за ней, потому что она совсем одна и у нее нет спутниц». Лаксамана поклонился и ответил: «Это ты правильно говоришь, господин мой».

На следующий день с самого утра Лаксамана пошел и принес охапку цветов, травы аланг-аланг и плодов, которые росли у подножия горы Индера Паванам. Цветы аланг-аланга он с поклоном поднес Сери Рама, а сам отправился опять принести дров для совершения жертвы. Сери Рама сказал: «Пойди сейчас, братец, выкупайся, чтобы быть совсем чистым». Лаксамана пошел выкупаться в воде, которая вытекала из горы Индера Паванам. После этого он пришел, сел напротив Сери Рама и развел огонь для совершения жертвы. Потом Лаксамана разобрал охапку аланг-аланга и цветов его, так что у него вышло двенадцать пучков, и поставил их перед Сери Рамой. Сери Рама принес жертву, почитал веды и помолился Великому Преславному богу, упомянув в своей молитве все то, о чем он просил. И вот пучки аланг-аланга превратились в двенадцать человек — семь женщин и пять мужчин. Женщины были чрезвычайно красивы и молоды, возрастом около четырнадцати лет. Тогда Сери Рама закончил свою молитву. Двоих мужчин Сери Рама отдал в товарищи Лаксамане. Сита Деви была очень счастлива, что получила семь подружек.

А Сери Рама и Лаксамана продолжали предаваться подвижничеству.

МАХАРАДЖА РАВАНА ИДЕТ ВОЙНОЙ НА СОЛНЦЕ И УБИВАЕТ БЕРГУ СИНГУ

АЧИНАЕТСЯ рассказ о том, как махараджа Равана был застигнут зноем солнца, и о том, как махараджа Равана был Бергу Сингу, и о супруге Берги Синги по имени Сура Пандаки, которая была беременна, и о том, как Сура Пандаки родила Дерсу Сингу и приказала ему пойти и стать отшельником, и о том,

как Лаксамана получил пожалованный ему Бетарой Индерой меч, чтобы убить Дерсу Сингу, и о том, как Сура Пандаки пожелала Сери Раму и Лаксаману, и еще о том, как Сура Пандаки уговаривала Сери Раму и Ситу Деву.

Случилось как-то, что махараджа Равана сидел у себя во дворце в присутствии всех своих наложниц и придворных девушек. Наложниц же у махараджи Раваны было всего тридцать шесть тысяч, кроме придворных девушек и придворных прислужниц. В это время лучи солнца проникли через щели дворца и коснулись тела махараджи Раваны. Он чрезвычайно рассердился и разозлился на солнце. Так сказал махараджа Равана: «Посмотрите только на это солнце, до чего же оно невежливое, обожгло меня, когда я сижу в моем дворце!» И он тотчас же велел позвать своего зятя по имени Берга Синга и своего брата махараджу Бибисанаму. Оба немедленно явились.

Махараджа Равана сказал: «Слушайте, братья, я сейчас хочу пойти войной на Матахари*. Вся вселенная мне уже подвластна, вот только солнце еще не желает мне подчиниться».

И с поклоном возразил ему раджа Бибисанам: «О государь, царь вселенной! У ног твоих прошу про-

щения и милосердия. Если это только можно, не высту-
пай, великий государь, против солнца, потому что
если ты пойдешь, то несомненно произойдет несчастье,
и ты расквасишься, великий царь вселенной».

Выслушал махараджа Равана почтительную мольбу
махараджи Бибисанама, чрезвычайно рассердился и
обратился к Берге Синге со словами: «Ну, Берга Син-
та, а ты что скажешь?» Берга Синга поклонился, го-
воря: «Правильно твое повеление, государь. Что же до
солнца, то оно само искало войны и было совершенно
невежливо с тобой, царь вселенной. Не ему равнять
себя с царем вселенной. Оно раскалило дворец твой в
это время, когда твое величество наслаждалось во двор-
це в присутствии всего войска». Услышав такие слова
Берги Синги, махараджа Равана приказал: «Слушай,
Берга Синга, сейчас ты меня заменишь, оставаясь в
этом городе Лангка Пури. Если будет какое-нибудь де-
ло, то ты верши его».

Сам же махараджа Равана вооружился всем своим
оружием и украсил свои десять голов десятью свер-
кающими, сияющими коронами; на десять своих лбов
он надел десять лобных украшений, и все двадцать
своих рук выше локтя он украсил браслетами, и всеми
двадцатью руками схватил оружие двадцати различ-
ных видов. После этого махараджа Равана взшел на
свою колесницу и взлетел вверх.

Махараджа Равана так обратился к колеснице: «Эй,
колесница, вознеси меня на небо, потому что я хочу
подчинить себе солнце!» И колесница полетела на не-
бо. Зной был страшный, и махараджа Равана не смог
уже выносить его. Он чувствовал, как тело его плавит-
ся, и воскликнул: «Эй, колесница, быстро спусти меня
назад в мое царство, потому что мне слишком жарко!»
Колесница повернула, и немедленно спустилась в его
царство.

Когда махараджа Равана улетел из Лангка Пури,
то город было поручено охранять Берге Синге. С на-
ступлением ночи Берга Синга высовывал свой язык
и оборачивал им весь город Лангка Пури. Таким об-
разом Берга Синга защищал город Лангка Пури, как
закрытую чашу.

Когда махараджа Равана вернулся, не выдержав зноя, он подошел к самому городу Лангка Пури. Была полночь. Махараджа Равана увидел, что ворота крепости заперты. От усталости и солнечного зноя он уже не мог войти и стал влезать на стену. Но когда он добрался до языка Берги Синги, то почувствовал что-то скользкое и свалился со стены. Махараджа Равана решил, что язык Берги Синги — это наверное змея. Государь страшно рассердился и выхватил свой меч. Затем он медленно-медленно стал подниматься на стену и ударом меча отрубил язык Берги Синги. Берга Синга страшно закричал и упал, а свалился он прямо в море. Когда Берга Синга закричал, махараджа Равана услышал и сразу же увидел его, но Берга Синга уже умер и свалился в море, а язык его был отрублен. Махараджа Равана попросил открыть ворота. Когда двери крепости были открыты, государь вошел во дворец. «Что мне делать! Такое, видно, мое счастье: брат мой Берга Синга умер безвинно», — сказал махараджа Равана царице Манду Даки.

Когда наступил день, то по всему городу Лангка Пури распространилась весть о том, что Берга Синга умер, потому что махараджа Равана безвинно отрубил ему язык.

Все князья говорили: «Когда какое-нибудь дело нуждается в расследовании и наказании, когда министр жесток и его суд плох и когда народ совершает преступление, а раджа не расследует и не наказывает этого, то весь грех падает на государя. Заменит этого царя Великий Преславный бог. Мы на этой земле не будем вечно, а умрем несомненно, когда придет ее конец».

Услышала супруга Берги Синги, что махараджа Равана убил ее мужа, и пошла Сура Пандаки на берег моря. Она рыдала там и оплакивала его на все лады. Затем Сура Пандаки вернулась домой. Она была беременна, и уже подходил ее час. Тут родила она сына, очень красивого собой и притом еще отважного. Она его очень любила, назвала Дерса Синга и лелеяла его как полагается. Через некоторое время Дерса Синга вырос.

Когда махараджа Равана услышал, что Сура Пандаки родила сына, он приказал гонцу позвать ее и сказать, чтобы она привела своего ребенка: «Скажи ей, что я очень тоскую по ней и хочу видеть ее ребенка».

Гонец пошел в дом Суры Пандаки и передал ей все, что сказал махараджа Равана. Лицо Суры Пандаки омрачилось, и она позвала своего сына, говоря: «Слышишь, сын мой, тебя зовет махараджа Равана». Дерса Синга спросил: «О мать моя, что за человек махараджа Равана, и зачем он приказывает меня позвать?» Мать его заплакала и ответила: «О сын мой, плод моего сердца и свет моих очей! Махараджа Равана мой старший брат, он государь этого города». Спросил Дерса Синга: «Куда же ушел мой отец?»

Гонец услышал вопрос Дерсы Синги. Он стоял и смотрел на Суру Пандаки, боясь, что она сообщит своему сыну о смерти его отца, Берги Синги. Но мать сказала: «О сын мой, твоему отцу было приказано твоим дядей махараджей Раваной уйти в небесное царство ко всем тем князьям, которые еще не подчинились твоему дяде». Дерса Синга молчал, слушая слова своей матери. Тогда Сура Пандаки промолвила: «Ступай, гонец, передай мой поклон махарадже Раване. Скажи ему, что я еще побуду здесь двадцать дней, а через двадцать дней явлюсь перед его государевы очи». Гонец отправился к махарадже Раване и передал ему все сказанное Сурой Пандаки.

Через некоторое время Дерса Синга вырос, и было ему около семи лет. Его мать приказала ему учиться у одного махареси по имени Гендари читать Коран*. Вскоре Дерса Синга уже умел читать Коран и стал учиться наукам, а также читать по звездам. Когда ему исполнилось двадцать лет, он опять спросил у матери: «О мать моя, куда же ушел мой отец, которого я никогда не видал?» Мать отвечала: «О сын мой, твой дядя, махараджа Равана, приказал твоему отцу уйти в землю, чтобы там изловить всех князей, которые находятся в недрах земли». Дерса Синга замолчал.

Однажды Дерса Синга играл с толпой ребят. Они сказали, что Дерса Синга сделал что-то неправильно. Дерса Синга рассердился и стал бить и колотить этих ребят. Тогда ребята начали кричать и плакать и сказали ему: «Эй, Дерса Синга, ты племянник махараджи Раваны. Ты поступаешь так, потому что твой отец убит махараджей Раваной. Если ты на самом деле смелый и храбрый, ступай отплати за смерть своего отца».

Услышав слова этих детей, Дерса Синга сам рассердился и расплакался. Затем он вернулся домой в слезах и сказал: «О мать моя, скажи мне правду: куда же отправился мой отец, и где он сейчас?»

Услышав вопрос своего сына, Сура Пандаки очень захотела рассказать ему об отце. Она подумала: «Мне следует рассказать ему об этой тайне». И она сказала так: «О сын мой, действительно отец твой умер, убитый совершенно безвинно махараджей Раваной. Махараджа Равана пошел войной на солнце, поручив твоему отцу беречь его страну. Когда же махараджа Равана вернулся из своего похода против солнца, он убил твоего отца».

Выслушав такую речь своей матери, Дерса Синга ничего не сказал, а на следующее утро снова обратился к матери: «О мать моя, где все предсказания и гороскоп * моего отца? Дай я посмотрю их». Тогда мать его взяла все предсказания и гороскоп и отдала их сыну. Дерса Синга увидел в этих предсказаниях, что махарадже Раване предстоят многие несчастья. Он очень обрадовался, узнав, что махарадже Раване на роду написана смерть.

Дерса Синга пошел к своему учителю, махареси Гендари, и взял с собой гороскоп и предсказания. Придя к нему, Дерса Синга пал к ногам учителя и залился слезами. Учитель спросил: «Почему ты так плачешь, сын мой? Чего тебе, по-твоему, не хватает, что ты так горюешь?» Дерса Синга почтительно ответил: «О господин мой, посмотри: что написано в этих предсказаниях и в этом гороскопе?» Махареси Гендари взял у него из рук предсказания и гороскоп. Он увидел в них, что смерть Берги Синги пришла к нему со-

вершенно безвинно, что он умер, хотя был вполне предан махарадже Раване. Он увидел в них также, какая смерть суждена махарадже Раване. Учитель сказал: «Что заставляет тебя плакать, Дерса Синга? Разве предсказания не говорят о смерти махараджи Раваны? Ты сейчас сделай и выполни то, что сказано в этих предсказаниях. Не будет в этом твоей вины. И сверши то, что предсказано, чтобы имя твое покрылось славой во всем мире». Дерса Синга поклонился и сказал: «О господин мой, скажи, что именно написано в звездах о смерти махараджи Раваны, чтобы я все это так и совершил».

Махареси Гендари опять взглянул на эти предсказания и внимательно рассмотрел их. Когда он все понял, то сказал Дерсе Синге: «О дитя мое, внимательно слушай все, что написано в звездах». И затем он прочитал то, что было там сказано: «Если кто-нибудь пожелает убить махараджу Равану, то пусть сперва станет отшельником на двенадцать лет. В то время, когда он будет предаваться подвигам, он получит в дар от Великого Преславного бога меч по имени Пеменда Вали. И когда исполнится двенадцать лет его отшельнической жизни, пусть он пойдет выкупается с лимонным соком* в небесном пруду, который называется Пуспа Салам. Выкупавшись, он должен накормить тысячу берахманов, и после того, как это все будет сделано, он сможет убить махараджу Равану».

Дерса Синга чрезвычайно обрадовался, когда услышал записанное в предсказаниях. Он попросился со своим наставником и, вернувшись домой, рассказал матери все, что услышал. Мать тоже чрезвычайно обрадовалась сердцем и сказала: «О сын мой, не медли, поселяйся отшельником в лесу Индера Паванам, это укромный лес; люди туда никогда не ходят». Дерса Синга отвечал: «Это хорошо, мать моя, но мне нужно достать сперва тысячу берахманов, чтобы потом не было заботы их искать». Он отправился искать и ловить берахманов. Когда он добыл тысячу человек, то заключил всех этих берахманов в каменную пещеру, сам же вернулся к матери. Сура Пандаки отправилась со своим сыном в лесную глушь Индера Паванам. Они до-

шли до кущи гигантских бамбуков, и Сура Пандаки сказала: «О сын мой, здесь тебе будет хорошо жить отшельником. Я буду к тебе приходить раз в семь дней и приносить рис и другую еду».

Дерса Синга вошел в глубь бамбуковой рощи, а Сура Пандаки вернулась домой. На следующий день она пришла к своему сыну и принесла ему корзину рису и большой горшок с едой. Сама же она вернулась домой. С тех пор Сура Пандаки постоянно приходила и заботилась о своем сыне-отшельнике Дерсе Синге.

МАХАРАДЖА РАВАНА И МАХАРАДЖА БАЛИЯ *

ЕПЕРЬ рассказывает о том, как махараджа Равана сидел во дворце со своей супругой, царицей Манду Даки.

Махараджа Равана с любовью думал о своем сыне Индере Джате. Он сказал: «Госпожа моя царица, уж давно я не поднимался на небо, не проводил счастливо время с моим сыном Инде-

рой Джатой. Давай, госпожа, отправимся вместе к Индере Джате и царице Кемале Деви».

Царица отвечала: «Да, царь вселенной, я и сама очень соскучилась по царице Кемале Деви. Я слышала, что у нее родилась дочка чрезвычайной красоты. И вот я очень хочу повидать эту внучку. Я собираюсь взять этого ребенка себе в дочери, потому что у меня ведь нет детей».

Махараджа Равана немедленно приказал одному гонцу позвать его брата, раджу Бибисанама. Как только он пришел, государь сказал: «Вот что, Бибисанам, я собираюсь немедленно отправиться на небо, к сыну моему Индере Джате. Со мной будут моя супруга и все мои младшие жены. Я не возьму с собой очень много народа, только тех военачальников, которые командуют десятью тысячами войск. Они будут сопровождать меня, потому что я отправлюсь ненадолго. Ты же и все князья, министры, военачальники, евнухи и вестники оставайтесь здесь и заботьтесь о государстве Лангка Пури». Махараджа Бибисанам почтительно отвечал: «Ваше величество махараджа! Если вы отправитесь, взявши с собой вашу супругу, то вам, конечно, не о чем будет печалиться. Но на что вы прикажете мне здесь обратить особое внимание в это время?» Махараджа Равана сказал: «О Бибисанам, кто же нападет на меня,

и какой государь выше меня? Ведь вся вселенная уже покорилась и стала служить мне. Если же кто-нибудь захочет изменить мне, то ему сразу должно быть указано, что я немедленно уничтожу все его государство».

Как только махараджа Бибисанам увидел, что махараджа Равана рассердился, он сразу замолчал. Махараджа Равана приказал привести свою волшебную летающую колесницу, взшел на нее и воскликнул: «Колесница Индера Пуспа Лока! Немедленно вознеси меня в небесное царство Танджук Майя Пурва».

И колесница вознеслась на небо. Ударили во все музыкальные инструменты, звонко зазвенела музыка. Были подняты все знамена, украшенные кистями из драгоценных камней, собранными в девять рядов, а всего этих знамен была тысяча; раскрыли зонт, украшенный жемчугом и драгоценными камнями, отделанный кистями и жемчугом с оборкой, складки которой переливались тысячью цветов. Воздух наполнился массой беспорядочных звуков. А колесница все летела, направляясь на небо Танджук Майя Пурва.

В это время махараджа Балия наслаждался в прекрасном лесу с махараджей Сембураной и множеством князей. Они увидели на земле тень от летящей колесницы, и махараджа Балия сказал махарадже Сембуране: «О друг мой, мне кажется, что не существует никого, кто бы осмелился подняться над моим царством, разве только махараджа Равана».

Махараджа Балия сильно разгневался и поднял глаза к небу. Он увидел колесницу махараджи Раваны, летящую по небу. Тогда махараджа Балия сказал: «О друг мой, посмотри, ведь этот Равана совершенный невежа. Он не желает походить на человека, он осмеливается лететь над моей землей! Разве он не испробовал еще силы моей руки? А сейчас он опять пытается надуться спесью!» Махараджа Сембурана возразил: «Знаешь, друг мой, вероятно, Равана не знает, что ты сейчас забавляешься в этом лесу, вот он и осмеливается пролетать над этим местом». Махараджа Балия возразил: «Нет, друг мой, не так обстоит дело: Равана никогда не сравнится со мной».

После этого махараджа Балия спустился со своей беседки из слоновой кости. Когда махараджа Хануман увидел, что князь Балия чрезвычайно разгневан и хочет отправиться навстречу махарадже Раване, он тоже быстро спустился из беседки со словами: «О господин мой, не ходи сам ловить этого махараджу Равану. Прикажи мне, твоему слуге, пойти и взять его в плен живым. Я приведу его к твоим ногам. Мне очень хочется посмотреть, как он выглядит. Говорят, что у него двадцать рук и двадцать ладоней, а голов целых десять». Но махараджа Балия ответил: «О сын мой, не думай один нападать на махараджу Равану, потому что он человек старый, к тому же великий князь; ты же еще ребенок». Хануман сказал: «Если ты не разрешаешь мне сражаться с Раваной, пусть будет так, но я хочу пойти посмотреть, как ты будешь биться с этим Раваной». Махараджа Балия согласился: «Если ты, сынок, желаешь посмотреть, как я сражаюсь, посмотри, только ни в коем случае не вступай в борьбу, чтобы помочь мне».

Тут махараджа Балия крепко вонзил свой жезл в землю, сам же полетел в небо навстречу махарадже Раване. Хануман прыгнул на небо и последовал за ним. Махараджа Балия издал военный клич, и звук его рассек воздух и был подобен грому: «Эй, Равана, ты совершенный невежа и несколько не стыдишься меня! Прилично ли тебе бродить над моей головой в то время, когда я веселюсь со всеми подчиненными мне раджами?»

Услышал махараджа Равана гневный возглас махараджи Балии, испугался и стал отступать. Тут махараджа Балия увидел его. Царица же Манду Даки, услышав крики махараджи Балии, потеряла сознание. А махараджа Равана рассердился, увидав махараджу Балию, и выстрелил в него волшебной стрелой по имени Хунам Чандера, которую он заслужил своими отшельническими подвигами. Эта стрела превратилась в пламя величиной во много тысяч гор, и воздух, наполненный пламенем, окружил махараджу Балию, обжигая его. Махараджа Балия прикинул, сколько у него волосков на теле, и из них брызнул сильнейший дождь,

так что это пламя величиною в тысячи гор было потушено.

Тогда махараджа Равана выхватил еще одну волшебную стрелу, пожалованную ему Бетарой Берахмой. Отдавая ему эту стрелу, Бетара Берахма сказал: «Вот, Равана, если ты будешь когда-нибудь сражаться со своими врагами и у тебя уже не останется никакого оружия и не хватит всей твоей волшебной силы, которую ты приобрел своим отшельничеством, а враг твой все еще не будет убит, тогда выстрели в него еще раз вот этой моей стрелой. Он неизбежно погибнет от нее. Ее имя Берма Некорма».

Махараджа Равана поклонился этой стреле. Когда махараджа Баляя увидел стрелу махараджи Раваны, то он узнал в ней подарок Бетары Берахмы. Он подумал: «Если я сейчас поймаю эту стрелу или выстрелю в нее, то я, конечно, расколую ее, и Бетара Берахма прогневается на меня и станет мне врагом. Если так, то лучше мне пристыдить Равану немедленно, раньше чем он спустит эту стрелу».

Подумав так, махараджа Баляя немедленно впал в амок *. Он выхватил Манду Даки из колесницы махараджи Раваны, колесницу же пнул ногой. Другой ногой он столкнул махараджу Равану с колесницы, так что тот грохнулся в море в одно время с колесницей. А сто тысяч военачальников Раваны, схватив всех наложниц махараджи Раваны, которых было шестнадцать тысяч, вернулись в город Лангка Пури. А махараджа Баляя вернулся в свой царский лес вместе с Хануманом, захватив с собой царицу Манду Даки.

Когда махараджа Сембурана, махараджа Сугрива, патех Джембуана * и все множество обезьяньих князей увидели, что идут махараджа Баляя и Хануман, а с ними — красавица женщина, то и махараджа Сембурана и все множество обезьяньих князей были поражены. А махараджа Баляя, держа в руке свой жезл, уже стоял перед ними. Махараджа Сембурана спросил: «О друг мой, что это за женщина, которую ты несешь?» Махараджа Баляя ответил: «Это, друг мой, супруга махараджи Раваны, которую он выпросил у Дасараты Махараджи». Махараджа Сембурана удивился: «О друг

мой, как ты сумел получить супругу махараджи Раваны? Я слышал, что махараджа Равана очень храбр, мужествен и исключительно отважен, что царство его громадно и что нет ни одного из князей всей земли, кто посмел бы в чем-нибудь преступить его волю. Я поражен тем, что ты, мой друг, решаешься бороться с ним».

Услышав такую речь махараджи Сембураны, махараджа Балия рассмеялся, говоря: «Что до этого Раваны, то я пнул его вместе с его колесницей, и они свалились в море».

Махараджа Сембурана возразил: «А как сейчас будет с супругой Раваны? Ты, друг мой, собираешься вернуть ее ему или оставить у себя?» Махараджа Балия ответил: «Я ни в коем случае не собираюсь возвращать эту царицу. Я собираюсь ее взять себе, потому что я не женат». Махараджа Сембурана проговорил: «Хорошо, что ты хочешь эту царицу сделать своей женой, потому что она чрезвычайно красива. А сейчас, если позволишь, я хотел бы распрощаться с тобой, так как моя страна беззащитна. Может быть, Равана рассердится на меня, потому что он знает, что мы с тобой дружим, а ты его опозорил». Махараджа Балия ответил: «Это ты правильно говоришь, друг мой».

Махараджа Балия дал махарадже Сембуране подарок — золота и серебра десятки бахаров* и несколько десятков поднозов жемчуга и драгоценных камней. Всем военачальникам махараджи Сембураны, которых было двести тысяч, махараджа Балия пожаловал дары, каждому по его чину. После этого махараджа Балия и махараджа Сембурана обнялись и расцеловались. Махараджа Сембурана обнялся и расцеловался также с патехом Джембуаной, с махараджей Сугривой, с Хануманом и всеми раджами. Махараджа Сембурана простился с махараджей Балией и поднялся в воздух, направляясь в свое царство. Махараджа Балия же вернулся в свою страну — в государство Лагур Катагина, взяв с собой царицу Манду Даки. Приехав в свое царство, он женился на царице Манду Даки. Каждый раз, когда махараджа Балия желал отдохнуть с ца-

рицей Манду Даки, он принимал вид замечательного красавца, такого, каким он был, прежде чем окунулся в пруд Хутан Сехари Бунтинг. Такова была волшебная сила махараджи Балии, что он мог принимать вид самых различных существ. Махараджа Балия жил с царицей Манду Даки, был очень счастлив и очень хотел иметь детей.

Однажды махараджа Балия приказал собрать всех обезьян, в том числе громадных обезьян и черных обезьян, чтобы они обслуживали царицу. Затем государь приказал махарадже Сугриве, всем обезьяньим военачальникам и всем черным обезьянам отправиться во все человеческие государства. Так повелел махараджа Балия: «Ступайте все вы, господа, во все человеческие страны, где только есть царевны. Возьмите из них сорок человек. Однако никоим образом не наносите вреда жителям этих стран. Возьмите там царевен, а этот мой приказ не нарушайте. И не медлите в пути. Вам дается двадцать дней на дорогу туда и обратно».

Когда махараджа Сугрива выслушал приказ махараджи Балии, он быстро взглянул на Ханумана и подумал: «Если я отправлюсь вместе с Хануманом, то я не сорок государств, а всю тысячу сумею победить, считая два-три дня пути туда и обратно». Махараджа Балия заметил это движение махараджи Сугривы и, сейчас же поняв, о чем он думает, решил про себя: «Если Сугрива себя так поведет, то, конечно, он никак не сумеет сделать то, что я хочу». Потом государь поглядел на Ханумана. Сери Хануман почтительно поклонился: «О государь мой, я, твой слуга, обещаю отправиться и достать этих сорок царевен. Я сегодня же отправлюсь, а когда вернусь, добуду все, что пожелаало ваше величество». Выслушав речь Ханумана, махараджа Балия поднялся со своего трона, подошел, обнял и поцеловал Ханумана, говоря: «О сын мой, отправляйся немедленно и смотри не убей ни одного человека и не причини вреда государствам их, только возьми красавиц девушек».

Получив такое приказание государя, Хануман откланялся и отправился в путь во все человеческие государства. Как только Хануман приблизился к одно-

му государству, он принял облик павлина и полетел во дворец раджи. Там он увидел, что раджа сидит со своими двумя красавицами дочерьми. Сейчас же павлин подошел и начал танцевать на дорожке перед царевнами. Обе царевны чрезвычайно забавлялись, любуясь ловким танцором-павлином. Танец его вокруг всего внутреннего дворика дворца был замечательно красив. Все дамы любовались им, и все они хлопали в ладоши — так им нравилось глядеть на движения этого павлина. Обе царевны забралась к нему на спину, а павлин взглянул на дворец, взлетел в небеса и исчез из глаз всего народа. Потом Хануман спустился сверху. Царевен он посадил в лесу. Так собрал он сорок царевен, дочерей царей человеческих из сорока государств, и все они были очень хороши собой. Затем Хануман посадил всех сорок царевен себе на бедро и помчался вскачь, унося их с собой прямо в царство Катагина.

И вот он уже предстал перед махараджей Балией. Увидел государь, что Хануман здесь, и сердце государево взыграло от радости. Он обнял и поцеловал Ханумана, как сына. Хануман же поставил всех сорок царевен перед махараджей Балией. Государь увидел, что все они очень хороши лицом, и, взяв их с собой, вошел во дворец к царице Манду Даки.

Государь обратился к ней: «Вот, царица, толпа царевен из различных человеческих княжеств, возьми их себе в даянги*». Увидела царица Манду Даки всех этих царевен и очень обрадовалась. Действительно, у нее теперь было много подруг. И царица Манду Даки стала разговаривать и шутить со всеми царевнами.

Махараджа Баляя снова обратился к ней: «О царица, скажи мне: есть ли у тебя еще какое-нибудь желание, чтобы я мог его удовлетворить?» Манду Даки отвечала: «Мне достаточно сорока царевен-подружек, чтобы играть и болтать с ними, потому что я ведь не знаю языка жителей этой страны».

Махараджа Баляя рассмеялся и остался очень доволен. Он очень любил царицу, и на седьмой месяц царица забеременела. Махараджа Баляя был очень счастлив. Чем дальше, тем больше росла его любовь к

царице. Царь бережно ухаживал за ней, и нежность переполняла его сердце. И он уже не уезжал ни охотиться, ни забавляться в отдаленные места, но постоянно и с наслаждением пировал с Хануманом и со всеми министрами и военачальниками и всем войском под громкие звуки музыки. И всему войску, в его неисчислимом множестве, он жаловал подарки. Так жил махараджа Баля в своей стране Лагур Катагина.

ПОМОЩЬ БЕГАВАНА НИЛЫ ЧАКРАВЫ

ОГДА махараджа Равана упал в море вместе со своей колесницей, он воскликнул: «О колесница, быстро отнеси меня в то место, где я сражался с махараджей Балией!» Колесница взлетела в небо. Прибыв к месту сражения, махараджа Равана увидел, что махараджи Балии там нет. Тогда махараджа Равана спустился на землю махараджи Балии. Однако выяснилось, что его и там нет. Тогда махараджа Равана подумал: «Если я нападу на его страну и смогу его победить, будет хорошо. Но если он победит меня, то очевидно, что я дважды покроюсь позором. Лучше я отправлюсь к бегавану Ниле Чакраве. Я скажу ему, чтобы он попросил у махараджи Балии мою жену, и тот конечно отдаст Манду Даки, потому что бегаван Нила Чакрава его наставник».

Решив так, он приказал: «Эй, колесница, отнеси меня к бегавану Ниле Чакраве» — и колесница полетела. Когда она приблизилась ко дворцу бегавана Нилы Чакравы, бегаван еще был в храме, а перед ним сидели все махареси, берахманы и махаджогии* и читали веды. Голос бегавана был радостным и звонким, как колокольный звон. Махараджа Равана сошел со своей колесницы и вошел к бегавану Ниле Чакраве. Махареси и берахманы, увидев входящего махараджу Равану, разбежались. Одни из них оставили свои веды, другие бросили свои гентари*, третьи оставили свои раковины*, другие забыли свои колокольчики*, все это от страха перед махараджей Раваной. Ведь он, вероятно, прибыл, чтобы погубить всю эту обитель подвижнической жизни! Лишь бегаван Нила Чакрава продолжал читать свои веды и не двинулся с места.

Когда он кончил читать веды, то поднял голову и увидел стоящего перед ним махараджу Равану.

Бегаван Нила Чакрава спросил: «О Равана, чего ты хочешь, что ты пришел сюда ко мне?» Равана отвечал: «О государь мой, если будет твоя милость, я хочу просить у тебя помощи, и если ты, отец мой, поможешь мне, то чего бы ты ни пожелал, я все отдам тебе!» Бегаван Нила Чакрава вымолвил: «О Равана, скажи, чего ты хочешь, и я послушаю».

Махараджа Равана со слезами рассказал, как он воевал с махараджей Балией, и о том, как махараджа Балия взял его супругу. Тогда бегаван Нила Чакрава сказал: «Я сам отправлюсь к махарадже Балии попросить его вернуть твою жену. Но у меня есть одна просьба. Если ты ее исполнишь, я помогу тебе». Равана воскликнул: «Чего ты хочешь, государь мой? Даже если ты пожелаешь город Лангка Пури, то я отдам его тебе». Бегаван Нила Чакрава ответил: «О нет, я не желаю твоего царства. Если это возможно, то не делай никакого вреда отшельникам, деревням и домам махареси, которые предаются здесь подвижнической жизни. Не смущай их и не пугай никого из них. Я сам хочу, чтобы ты надолго утвердился в своем царстве и чтобы величие твое все росло и перешло к твоим внукам». Равана воскликнул: «О государь мой, я не сделаю ничего, что было бы тебе неуютно. Я выполню все, что ты мне прикажешь. А если я сделаю что-нибудь, что ты запрещаешь, то ты изреки свою волю надо мной и наложи на меня такое проклятие, какое тебе будет угодно». Сери бегаван ответил: «Если ты так говоришь, все хорошо. Пойдем к махарадже Балии» — и он вышел из храма, взяв свои веды.

Когда все махареси и берахманы увидели, что махараджа Равана со страхом и почтением относится к бегавану, они изменили свое прежнее поведение и пошли навстречу бегавану.

«О махараджа Равана, на чем ты приехал в нашу землю?» — спросил бегаван. Махараджа Равана ответил: «Я приехал на своей колеснице». Услышав слова Раваны, бегаван сказал всем махареси и берахманам: «Все вы, отшельники, оставайтесь следить за моим до-

мом и содержите в порядке храм, а я отправлюсь с четырьмя самыми старшими махареси». Затем он взлетел на колеснице и направился в город Лагур Катагина. Бегаван Нила Чакрава, махараджа Равана и четыре махареси полетели по воздуху. Через некоторое время они прибыли к городу Лагур Катагина. Колесница сама спустилась на землю, и бегаван Нила Чакрава сказал махарадже Раване: «Вот, сын мой, ты посиди здесь, на этом месте, а я пойду с четырьмя святыми людьми». Махараджа Равана ответил: «Хорошо, господин мой».

Сери бегаван с четырьмя махареси отправился в путь. Приблизясь к воротам города, бегаван приказал одному из своих четырех святых сообщить о своем прибытии махарадже Балии. Святой немедленно вошел во дворец махараджи Балии. В это время махараджа Балия как раз сидел на своей террасе перед всеми своими князьями, министрами и военачальниками, воинами, евнухами, вестниками и гонцами и всем народом. Когда махараджа Балия увидел подходящего махареси, он узнал бегавана Кану, ученика бегавана Нилы Чакравы. Государь немедленно обратился к нему: «О братец, по какому делу ты пришел сюда?» Кану ответил: «Я пришел сообщить тебе, государь, что наш учитель пожелал встретиться с тобой». Услышав, что его учитель прибыл, махараджа Балия быстро поднялся и отправился навстречу бегавану Ниле Чакраве. Сери Хануман, патех Джембуана и махараджа Сугрива, все князья, министры и военачальники окружили государя и бегавана Кану и пошли с ними. Когда махараджа Балия увидел прибывшего бегавана Нилу Чакраву, он быстро подошел и склонился к ногам своего наставника. А бегаван Нила Чакрава обнял его и поцеловал.

Махараджа Балия обратился к нему: «Пожалуйста, господин, войди в мой город и вступи в мой дом». Бегаван промолвил: «О сын мой, у меня, твоего отца, есть к тебе просьба. Если ты исполнишь мое желание, то я войду в город». Тогда махараджа Балия воскликнул: «О государь мой, лучше войди сначала во дворец твоего слуги, и, если у меня есть что-нибудь, чего ты пожелаешь, я дам тебе это».

Выслушав эту речь махараджи Балии, сери бегаван чрезвычайно обрадовался. В сопровождении махараджи Балии он вошел в город, а затем и в самый дворец. Махараджа Балия усадил его на трон. Четырех его спутников он посадил на позолоченные стулья вместе с махараджей Хануманом, и сам сел на трон.

Бегавану Нила Чакраве и четырьмя отшельниками и всем князьям, министрам и военачальникам принесли подносы со сладостями* разного вида и разного вкуса, приготовленными жителями города Лагур Катагинча.

Бегаван Нила Чакрава вкушал с одного блюда* с махараджей Балией, и четыре отшельника ели с одного блюда, махараджа Сугрива, патех Джембуана и сери Хануман тоже ели втроем с одного блюда, и все раджи вместе с раджами и все военачальники вместе с военачальниками — каждый с соответствующего блюда. Они не жевали сири*, потому что таков обычай у жителей Лагур Катагина.

«Скажи, государь мой, за каким делом ты пришел ко мне, своему слуге?» — почтительно поклонился махараджа Балия Нилу Чакраве.

Вот что сказал бегаван: «О сын мой! Мне, отцу твоему, нужно попросить у тебя кое-что, так как среди всех высоких богов, и тридцать три раза двадцати вещей мудрецов, и среди всех богов и небожителей, и во всем мире известно, что ты, сын мой, — государь отважный и мудрый, благородный и богатый, милосердный и знаменитый, а также что ты сын небесного государя и великого отшельника*».

Сказав это, бегаван Нила Чакрава подошел к махарадже Балии и шепнул ему на ухо: «О сын мой, дело в том, что я пришел сюда по просьбе махараджи Раваны. Он шлет тебе поклон и просит, если будет такая твоя милость, пожаловать ему твою жену. Именно из-за этого я и пришел к тебе и ты меня видишь перед собой. А если ты пожелаешь жениться на ком-нибудь другом, то я сейчас же попрошу самого Преславного бога, чтобы он пожаловал тебе в жены красавицу супругу».

Махараджа Балия, выслушав речь бегавана Нилы Чакравы, склонил голову, молчал и думал: «Ведь эта

царица уже носит под сердцем мое дитя. Как же я верну ее ему? А если я не верну, то, конечно, огорчу сердце моего наставника и окажусь преступником перед ним».

Раздумывая, он сказал так: «О господин мой, эта женщина ведь стала моей женой, и сейчас уже семь месяцев ребенку, которого мы ждем». Сери бегаван возразил: «Сын мой, тебе все-таки надо отдать эту царицу Раване, а что до ребенка, то скажи только, и отец твой безболезненно удалит его из чрева царицы». Махараджа Баалия выслушал то, что сказал ему сери бегаван, и ответил: «Хорошо, господин мой, но я был бы счастлив, если бы этот ребенок остался жив».

После этого сери бегаван отвел махараджу Баалию в тихий сад. Четверо отшельников, махараджа Сугри-на, датук * патех Джембуана и сери Хануман по воле махараджи Баалии тоже явились в этот сад. Бегаван привел туда же царицу Манду Даки с четырьмя ее придворными девушками — царскими дочерьми. Они поднялись в беседку и приказали опустить занавески. Тогда бегаван Нила Чакрава распорядился: «О сын мой, махараджа Баалия, прикажи доставить сюда овцу!» Махараджа Баалия приказал Сугриве привести овцу. Когда овцу привели, бегаван Нила Чакрава разрезал чрево царицы Манду Даки и живот овцы, взял ребенка у царицы и вложил в живот овцы. После этого он произнес заклинания, и чрево царицы Манду Даки, как и живот овцы, закрылись и стали такими же, как и раньше.

Когда махараджа Баалия увидел волшебство бегавана Нилы Чакравы, он чрезвычайно обрадовался и сказал: «О господин мой, вот за это я склоняюсь перед тобой и благодарю. А теперь, если такова твоя милость, я прошу дать мне другую жену, потому что я ведь не женат». Сери бегаван выслушал слова махараджи Баалии и ответил: «Хорошо, сын мой, но сперва я верну царицу, потому что махараджа Равана ждет меня перед городом. Как только я отдам ему его жену, я опять вернусь». Махараджа Баалия сказал: «Как ты прикажешь, господин мой, так я и сделаю».

Царица Манду Даки простерлась у ног махараджи Балии. «О Манду Даки, что до твоих придворных девушек — дочерей сорока раджей, то возьми их с собой, царица, потому что ты привыкла к ним», — сказал ей махараджа Балия. Манду Даки очень обрадовалась оттого, что получила сорок царевен. После этого она ушла в сопровождении всех своих придворных девушек, бегавана Нилы Чакравы и четырех отшельников.

Махараджа Балия приказал сери Хануману и да-туку патеху Джембуане отправиться сопровождать бегавана. Сери бегаван прибыл к тому месту, где махараджа Равана ожидал его. Когда махараджа Равана увидел, что бегаван Нила Чакрава прибыл с царицей Манду Даки и со всеми ее придворными девушками, то обрадовался всем сердцем и припал к ногам бегавана Нилы Чакравы. Сери бегаван промолвил: «О сын мой, махараджа Равана, не измени тому обещанию, которое ты мне дал». — «О господин мой, разве только после смерти я забуду данное тебе обещание!» — воскликнул махараджа Равана.

Царица Манду Даки припала к ногам бегавана Нилы Чакравы. Махараджа Равана распрощался с ним, поднялся на свою колесницу вместе с царицей и всеми сорока ее придворными девушками, и колесница полетела назад, в Лангка Пури.

После отъезда махараджи Раваны Нила Чакрава вернулся к махарадже Балии. Когда он прибыл во дворец, то махараджа Балия сейчас же пошел навстречу ему * — своему наставнику — и вместе с ним поднялся в серебряную залу *. Четверо отшельников сели в этой серебряной зале вместе с патехом Джембуаной. Бегаван Нила Чакрава промолвил: «О сын мой, сейчас я желаю принести жертву и испросить у Преславного бога супругу для тебя. Прикажи, сын мой, внуку моему, сери Хануману, пойти и принести тысячу разных цветов». Махараджа Балия приказал Хануману отправиться и достать цветов, как пожелал того Нила Чакрава. Хануман откланялся и отправился на гору Индера Паванам *. Он поднялся на вершину ее и увидел, что на ней было множество различных цветов. Тогда он тотчас соскочил с горы, выломал ее, сунул

под мышку и вприпрыжку понес бегавану Ниле Чакраве и махарадже Балии.

Когда те увидели, что Хануман мчится к ним, неся гору, где росли все эти цветы, они были поражены его проворством и силой. Эту гору Хануман поставил посреди двора. Бегаван Нила Чакрава приказал бегавану Кану и бегавану Ниле Керме набрать древесных листьев и пучок осоки. Бегавану Ниле Керме и бегавану Махараме он повелел подняться на гору Индера Паванам и нарвать цветов. Собрав все эти цветы, они принесли их и с поклоном передали сери бегавану. Бегаван Кану и бегаван Нила Керма пошли и принесли сери бегавану древесных листьев и пучок молодой осоки. Когда все необходимое для жертвоприношения было доставлено, сери бегаван приказал зажечь огонь с четырех углов. Когда костер запылал, бегаван бросил в него со всех четырех углов всевозможные благовония. Древесные листья и осока были связаны в четыре пучка и установлены по четырем углам жертвенного огня. Бегаван Нила Чакрава воссел на золоченый трон читать веды и восхвалять Преславного бога. Через два часа пучок осоки превратился в изумрудно-зеленую лягушку. Сери бегаван и четверо отшельников склонились перед лягушкой. После этого лягушка превратилась в царевну замечательной красоты, одетую в роскошные одежды. Тогда жертвенный огонь потух, и поднялся дворец в семь этажей с разными украшениями изумительной красоты.

Когда махараджа Балия и все множество людей увидели царевну замечательной красоты, гораздо лучше царицы Манду Даки, и семизэтажный разукрашенный дворец, все возрадовались сердцем.

Махараджа Балия припал к ногам сери бегавана, а он промолвил: «О сын мой, вот эта царевна носит имя Девн Берма Кемала. Ты, сын мой, введи ее во дворец». Махараджа Балия возразил: «О господин мой, я не смею подняться во дворец, потому что ты стоишь внизу*». Сери бегаван сказал: «Ничего, ты поднимайся первым, я сейчас туда не войду». Все же махараджа Балия не поднимался во дворец. Бегаван Нила Чакрава взял махараджу Балию за руку и ска-

зал: «О сын мой, возьми свою супругу за руку и вместе поднимитесь во дворец».

Махараджа Балия взял царевну Деви Берму Кемалу за руку. Бегаван тоже поднялся во дворец. Когда все вошли, махараджа Балия был обвенчан сери бегаваном с царевной Бермой Кемалой. По окончании церемонии сери бегаван распрощался с Балией, и махараджа отправился проводить его.

Бегаван сказал ему: «Больше ты не провожай меня. А что до моего внука, который находится во чреве овцы, то уже близится время его рождения; а когда это произойдет, то пусть его хорошенько берегут. Имя моего внука — сери Анггада». И с этими словами сери бегаван отправился в свою обитель вместе со всеми четырьмя отшельниками. Махараджа Балия же вернулся во дворец вместе со своей супругой. Государь роздал дары всем князьям, министрам, военачальникам и всему народу — великим и малым — и всем нищим и беднякам дал по дирхаму*.

Когда прошло восемь месяцев, из чрева овцы родился мальчик. Махараджа Балия увидел, что его сын очень красив: лицо его словно высечено из мрамора, и весь облик его мужествен. За княжичем Анггадой всячески ухаживали. Прошло некоторое время, и сери Анггада вырос.

Однажды супруга государя Деви Берма Кемала забеременела. Когда исполнилось ее время, царица родила мальчика большой красоты и богатырского облика. Государь назвал его Анила.

Как-то сери Хануман явился пред лицо государя, поклонился ему и сказал: «О господин мой, если будет такая твоя царская милость, то я, твой слуга, прошу отпустить меня на подвижническую жизнь и на поиски моего отца. Бегаван Нила Пурба сказал, что сейчас уже приблизилось время встретиться с моим отцом». Выслушав просьбу сери Ханумана, махараджа Балия сказал ему: «Хорошо, только не уходи спасаться очень далеко. Я и сам тоже скоро стану отшельником». Хануман откланялся государю, махарадже Сугриве и датуку патеху Джембуане. Затем он отправился в глухой лес и нашел там громадный тамаринд, гу-

сто осыпанный плодами. Хануман взобрался на этот тамаринд и жил на нем, пока не съел все его плоды.

Когда Хануман ушел, махараджа Балия призвал к себе патеха Джембуану. Государь обратился к нему со следующими словами: «Отец мой, вот я желаю стать отшельником на девятьсот лет, посмотри-ка, батюшка, в твоих гадальных книгах, получу ли я то, что мне надо, или не получу». Патех Джембуана посмотрел в своих книгах, а посмотревши, сказал: «Иди, государь, предаваться подвигам, будет тебе пожаловано от Великого Преславного бога исполнение твоего желания».

Как только махараджа Балия выслушал слова патеха Джембуаны, он сразу же приказал махарадже Сугриве: «Останься, брат мой, и береги эту страну, пусть мои сыновья сери Ангада и Анила воспитываются хорошенько. Не позволяй им уходить далеко играть, а если что-нибудь случится, то сейчас же дай мне знать на гору Анта Иди». Сугрива поклонился и ответил: «Все, что ты, господин мой, прикажешь, я исполню».

Махараджа Балия обнял и поцеловал своих детей со словами: «Вы, оба моих сына, оставайтесь с этим вашим слугой. Когда я уйду, то вы не убегайте забавляться за пределы города». Отдав такие приказания Сугриве, патеху Джембуане и своим сыновьям, государь вошел во дворец и попрощался со своей супругой. Затем государь взял свой посох, воткнул его перед воротами дворца и сказал: «Слушай, дубинка, если кто-нибудь в этом дворце изменит мне, то обязательно избей и погуби его».

Сам же он пошел, направляясь к горе Анта Иди. Дойдя до этой горы, государь поднялся на нее и увидел великое множество древних-древних мудрецов, которые там спасались. Были среди этих отшельников и такие, которые в продолжение многих тысячелетий стояли на одной ноге, обхватив тело руками, были и такие, которые опять же в течение тысячелетий висели вниз головой на деревьях, привязавши себя за ноги к ветвям. Были и такие, которые закопали себя в землю до пояса.

Махараджа Балия спросил у одного из этих мудрецов, ради чего они предаются таким подвигам. И все мудрецы рассказали, об исполнении какого желания они просят Преславного бога. Мудрецы спросили у него: «А ты, господин, чего хочешь от Преславного бога? Ведь ты обладаешь всеми вещими способностями, твоя отвага славится по всему миру, и ни один государь не может противиться тебе. Твое величие и твоя слава превыше всего, все цари обезьян — и беруков* и лотонгов* — все они под твоей властью, а ты желаешь здесь спастись! Мы ведь здесь все живем в одиночестве, не имея ни жен, ни детей».

Выслушав слова мудрецов, махараджа Балия произнес: «У меня есть желание, которое мне мог бы исполнить Преславный бог, но я не могу сказать его вам. Если я добьюсь исполнения своего желания, то сейчас же скажу вам».

Немедленно махараджа Балия начал нести свой подвиг: он проспал триста лет, лежа на спине, триста лет, лежа на правом боку, триста лет, лежа на левом боку, и триста лет, лежа ничком. Так он лежал на этой горе Анта Иди.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СЕМЕИ РАДЖИ БАЛИИ, СУГРИВЫ И ХАНУМАНА

ТРАЖЕМ у ворот Дасараты Махараджи, сына Дасараты Чакравати, был санг Пердана. Он имел сына — бегавана Гутама. Начинается этот рассказ с того, что махареси бегаван Гутама жил со своей супругой Девии Индерой. Девия Индера занималась только тем, что проводила время в подвигах. Через некоторое время после того, как бегаван Гутама пошел спасаться, Девия Индера поднялась на небо. Там Девия Индера сблизилась с одним из небесных богов, а затем вернулась домой. Прошло некоторое время, и она забеременела. Когда исполнилось время, она родила мальчика замечательной красоты. Бегаван Гутама, увидев ребенка, был очень счастлив. Ребенку этому он дал имя махараджа Балия, сказав при этом: «Вот мой сын. Когда он вырастет большим, то непременно станет великим государем, смелым и отважным воином, и не будет никого, кто посмеет не выполнить его волю и преступить его приказ. И ни один государь на свете не сможет испытать его могущество и смелость».

Бегаван Гутама был всегда счастлив, глядя на этого ребенка, и не отпускал его от себя ни на шаг. Старшая дочь Девии Индеры — Девия Анджани — узнала о том, что сделала Девия Индера. Девия Анджани увидела, что у ее матери появилась коробочка для бетеля*, искусно украшенная драгоценными камнями, подарок небесного бога, и выхватила ее у матери. Мать сказала ей: «О дитя мое, не говори своему отцу об этом. Возьми себе эту драгоценность искусной работы, но никогда не показывай ее радже Балии». Девия Анджани промолчала.

Через некоторое время бегаван Гутама снова отправился на гору. Деви Индера же вступила в связь с сыном князя мамбангов *. После этого она вернулась домой и опять забеременела. Когда кончился ее срок, она родила очень красивого мальчика. Бегаван Гутама назвал этого мальчика Сугрива и очень радовался, глядя на этих детей. Махараджа Балия и Сугрива выросли и стали храбрыми и отважными. Ни один человек в те времена не мог выдержать их взгляда.

Однажды махараджа Равана приказал позвать к нему махараджу Балию и Сугриву. Они не только не явились к махарадже Раване, но схватили военачальника махараджи Раваны и убили его. Махараджа Балия сказал: «Я схвачу его жену и пну ногой его колесницу и стукну его по голове, так что она расколется на куски, чтобы мое сердце успокоилось».

Как-то его сестра Деви Анджани, играя, положила куда-то драгоценную шкатулку для бетеля. Махараджа Балия нашел ее и подумал: «Вот какова моя мать. Моей сестренке она дала эту драгоценную коробочку, а мне — нет». Тут махараджа Балия проворно подошел к своей сестре Деви Анджани и сказал: «Эй, сестрица, дай-ка я поиграю этой драгоценной коробочкой. Ничего, что я возьму ее?» Но Деви Анджани не дала ему ее. Махараджа Балия несколько раз просил, но она упорно отказывала. Махараджа Балия рассердился и вырвал коробочку из рук сестры. Деви Анджани закричала, но не могла удержать коробочку в руках. Тогда она открыла тайну такими словами: «О Балия и Сугрива, вы вовсе не сыновья моего отца. Он меня будет больше любить».

Услышал эти слова бегаван Гутама и спросил: «Дочка Деви Анджани, скажи-ка мне: кто отец Балии и Сугривы?» Деви Анджани поклонилась и рассказала: «О господин мой, когда ты уходил в свою обитель, моя мать поднялась на небо и вступила в связь с одним молодым небожителем. Он дал ей эту коробочку, и она спустилась домой. Через некоторое время родился у матери Балия раджа. Она дала мне эту коробочку и сказала: „Вот, возьми, Деви Анджани, но ничего не говори об этом деле своему отцу“. Я и молчала. А мать

опять отправилась на небо и полюбила сына раджи мамбангов, и тогда родился Сугрива. Когда я играла драгоценной коробочкой, Балия раджа увидел, пришел ко мне и стал просить коробочку, а я не дала. Тогда он вырвал ее у меня из рук. С этого и началось».

Услышал бегаван Гутама такой рассказ своей дочери. Очень рассердился государь, позвал свою жену и сказал ей: «Девы Индера, зачем ты сделала такое дело?» Девы Индера упала к его ногам, говоря: «О господин мой, я никогда не совершала такого дурного поступка». Бегаван Гутама спросил: «Если ты, Девы Индера, не имела ни с кем отношений, то откуда ты получила эту драгоценную коробочку?» Девы Индера молчала. Тогда бегаван Гутама сказал: «О Девы Индера, если Балия и Сугрива — мои дети, то давай прикажем им нырнуть в пруд в лесу махареси. В этом лесу есть два пруда: один пруд с прозрачной водой, а другой — с мутной».

Бегаван Гутама отправился в этот лес. Когда они дошли до прудов, бегаван Гутама сказал: «Слушайте, раджа Балия и Сугрива, если вы не мои дети, то, клянусь Преславным богом, я прошу, чтобы вы приняли вид обезьян. Если же вы действительно мои сыновья, то пусть вы станете похожи на небожителей». И в тот же час Балия и Сугрива превратились в обезьян.

Бегаван Гутама почувствовал себя совершенно несчастным, когда он увидел, что стало с его сыновьями. Он вернулся домой один. Балия раджа и Сугрива пошли в глубь леса и пришли в землю Лагур. Здесь Балия раджа стал царем, а Сугриву сделал своим наместником. Махараджа Балия подружился с одним царем обезьян, царство которого было очень большим. В нем было неисчислимое множество народа. Оно было расположено в двенадцати йоджанах* и восьми месяцах пути от города Катагина. Этот восьмимесячный путь махараджа Балия мог пройти туда и обратно в один день.

Махараджа Сембурана стал царем обезьян, потому что его проклял Бетара Индера за то, что он вступил в связь с одной из его придворных девушек. Но махараджа Сембурана имел великую волшебную силу и был

очень храбр. Ни один из царей на этой земле не был в состоянии выдержать его взгляда, кроме, конечно, самого махараджи Балии, который мог сопротивляться ему, потому что сам он происходил от одного из небесных богов. Махараджа Сембурана был дружен с махараджей Балией, и каждый месяц он дарил ему четыреста придворных девушек, одну другой красивее, поэтому махараджа Балия очень любил махараджу Сембурану, как своего самого искреннего друга. Махараджа Балия и Сугрива постоянно жили в городе Лагур Катагина, и все крупные макаки, лемуры, гиббоны и черные шимпанзе — все они жили под властью махараджи Балии и Сугривы.

Когда бегаван Гутама вернулся домой, то он сказал: «Ну, Девы Индера, нам нужно расстаться». Услышав слова Гутамы, Девы Индера воскликнула: «О Девы Анджани, это из-за тебя я должна расстаться с твоим отцом и оба моих сына стали обезьянами! Заклинаю тебя Преславным богом, оставайся с разинутым ртом на сотню лет!» И действительно, Девы Анджани тотчас же разинула рот.

Увидел бегаван Гутама, что случилось с его дочкой, и страшно огорчился. А Девы Анджани очень застыдилась своего вида и сейчас же попросила отца отпустить ее. Затем она отправилась сидеть на кончике иглы посреди моря и так спасаться. Так она и просидела на кончике иглы сто лет с разинутым ртом.

После этого бегаван Гутама расстался с Девы Индерой и с большим огорчением отправился продолжать свою отшельническую жизнь, как в прежние годы.

Теперь начинается рассказ о происхождении Ханумана.

Выслушав повеление государя Сери Рамы, Баю Бата бросила драгоценный зародыш в рот Девы Анджани. Как только Девы Анджани проглотила его, рот ее закрылся. Она забеременела и быстро вернулась в свою землю. А отшельничество ее действительно продолжалось сто лет. Вернувшись домой, она увидела, что отца во дворце нет, что мать ее вернулась на небо, а братья стали княжить в царстве Лагур Катагина. Когда исполнилось ее время, то в добрый

час, в полдень в пятницу, родился у Девы Анджани ребенок — белая, как хлопок, обезьяна. В тот же час она услышала некий голос, произнесший: «Слушай, Дева Анджани, назови этого моего внука махараджа Хануман». Она поклонилась почтительно и спросила: «Кто же отец этого моего сына, и кто же мой супруг?» И голос опять изрек: «О Дева Анджани, кто узнает серьги в ушах твоего сына, тот его отец, я же его дед, и имя мне санг Пердана».

Когда Дева Анджани услышала эти слова, она очень обрадовалась. Голос же замолчал, и больше его не было слышно. Дева Анджани назвала своего мальчика махараджей Хануманом и стала его кормить. Только он начал сосать, как молоко его матери иссякло, а сама мать потеряла сознание. В то же время Хануман почувствовал голод и снова попытался сосать. Увидевши, что молоко его матери иссякло, он сказал: «О матушка, я очень голоден, дай мне есть». Когда Хануман заговорил со своей матерью, изо рта его посыпались звезды. Мать его изумилась, видя такие чудесные силы своего сына, и сказала: «О сын мой, пища твоя — все плоды красного цвета».

После этого Хануман отправился в лес. Поглядел он на запад и не увидел там ни одного плода, который бы годился ему в пищу. Поглядел он на восток, а в это время восходило солнце. Лучи его были ярко-красными, и Хануман прыгнул к солнцу. Солнце сейчас же оглянулось и посмотрело на Ханумана. Хануман стал таять. Солнце сказало: «Это что за ребенок?» И тут все косточки Ханумана расплавились.

В это время санг Пердана спасался на берегу моря. Увидел он, словно бы звезда скатилась с неба, и вода в море вдруг стала очень горячей. Санг Пердана сказал: «Это, наверное, мой внук Хануман, а убило его солнце».

Сильно разгневался санг Пердана на солнце и воскликнул: «Вот уж, действительно, солнце показывает свое могущество на маленьком ребенке! Если оно не оживит моего внука, махараджу Ханумана, то махараджа Балия обязательно пойдет на него войной: ведь махараджа Хануман — сын его друга!»

Послал санг Пердана одного махареси позвать махараджу Балию и Сугриву. Они явились. Все, что произошло с Деви Анджани и как она родила Ханумана, а тот оказался обезьяной и был убит солнцем, — обо всем этом рассказал санг Пердана махарадже Балии и Сугриве. Едва только махараджа Балия и Сугрива услышали слова санг Перданы, махараджа Балия чрезвычайно разгневался на солнце. Почтительно поклонившись санг Пердане, он сказал: «О господин мой, великий мудрец! Сейчас я вернусь на небесный свод и поймаю солнце, если оно немедленно не вернет к жизни махараджу Ханумана».

Санг Пердана вскричал громким голосом, расколовшимся словами, подобно грому и молнии: «Слушай, солнце, немедленно оживи моего внука махараджу Ханумана, ведь он же еще младенец, даже говорить не умеет! Если ты не оживишь моего внука, то неизбежно быть войне между мною и тобой. Я только что двенадцать лет провел в подвигах, и во всем свете нет ни одного государя, который посмел бы бороться со мной. Только один Равана может причинить моему внуку зло. Если ты сейчас же не оживишь махараджу Ханумана, то я доберусь до тебя! Разве только я умру, а пока я жив, у меня достаточно могущества, чтобы разбить тебя в бою».

Услышало солнце вопли санг Перданы и только тогда узнало, что оно убило Ханумана. Оно сказала: «О санг Пердана, поскорее собери все косточки махараджи Ханумана, чтобы я его оживило. Я его научу всем военным уловкам и мудростям. Я знало, что махараджа Хануман должен прийти сюда, на это самое место, но я действительно не ведало, что он твой внук».

Услышав слова солнца, санг Пердана вместе с махараджей Балией созвал всех рыб, которые только есть в море, и приказал им собрать все упавшие в море косточки Ханумана. Все рыбы бросились искать, собрали косточки Ханумана до единой и принесли их на морской берег. Пока косточки Ханумана не были собраны, солнце не тронулось с места, и ждать пришлось час.

Но вот Хануман ожил. Увидел он санг Пердану и махараджу Балию и спросил: «Что это я только что видел, словно ярко-красный плод?» Санг Пердана ответил: «О внук мой, махараджа Хануман, я твой дед, а этот человек — брат твоей матери. Я пришел сюда потому, что ты только что был убит солнцем, так как ты хотел его съесть, а оно не знало, что ты мой внук. Сейчас оно уже возвратило тебя к жизни. Если бы оно этого не сделало, то я сейчас уже напал бы на него».

Выслушав слова санг Перданы, махараджа Хануман сказал: «Господин мой санг Пердана, я, твой слуга, хотел пойти к солнцу, чтобы научиться у него всей военной мудрости и военным хитростям. Сейчас я, конечно, вернусь обратно». Санг Пердана ответил: «Правильно, быстро возвращайся, внук мой, потому что я и твой дядя будем тебя ждать здесь, на берегу моря».

После этого Хануман отправился к солнцу. Едва он приблизился к солнцу, оно спросило: «Эй, мальчуган, как твое имя?» Хануман отвечал: «Я твой слуга по имени махараджа Хануман, внук божественного санг Перданы». Солнце сказало: «Действительно, ты сын сестры махараджи Балии. Ты сумел добраться сюда ко мне, а сейчас скажи, чего ради ты пришел». Хануман ответил со всем почтением: «О господин мой, если это возможно как-нибудь, то я прошу научить меня всем военным мудростям и военным хитростям».

Выслушало солнце слова махараджи Ханумана и быстро научило его тысяче военных уловок и хитростей как на море, так и на земле и под землей и военным хитростям в бою против всех богов и небожителей, фей и мамбангов, а также способам убивать джинов* и ракасас. Затем солнце научило его быстро бегать и прыгать. Усвоив все это, Хануман отправился и пришел к санг Пердане, махарадже Балии и Сугриве. Тут он все рассказал санг Пердане и махарадже Балии, потому что хотел отправиться к своей матери. Санг Пердана сказал ему: «Ну, Хануман, иди предаваться подвижнической жизни и разыскивать отца».

Получив от санг Перданы наставления и научившись пятистам видам мудрости и двумстам видам

волшебства, Хануман вернулся к своей матери, а санг Пердана возвратился продолжать свою подвижническую жизнь, как и раньше. Махараджа Баляя же через месяц или полмесяца пришел и припал к ногам санг Перданы. Он и махараджа Сембурана стали изучать под руководством санг Перданы всякие военные хитрости и уловки.

Вернувшись к матери, Хануман рассказал ей, как он умер, убитый солнцем, и как встретился со своими дедом и дядьями — махараджей Балией и Сугривой. И мать его удивлялась и восхищалась, видя храбрость и отвагу своего сына. Мать сказала: «О сын мой, ведь это был не плод дерева тебе на пищу, это же было само солнце».

Слушал Хануман слова своей матери, а сам думал: «Вот же они, те плоды, о которых мать говорила мне». Плоды густо усеивали деревья в этом девственном лесу. Хануман стал обирать эти деревья и приносил их плоды своей матери. Мать его радовалась и говорила: «Вот, вот, мой сыночек, это и есть то, что называется древесные плоды. Кушай их, сынок. Это и есть пища, о которой я говорила». И Хануман был очень доволен. Каждый день он ходил искать плоды, приносил их матери и так заботился о ней.

Понемногу Хануман вырос. Когда ему было около двенадцати лет, он спросил у своей матери: «Матушка, кто же мой отец?» Мать отвечала: «О дитя мое, я и сама не знаю, кто твой отец, но если кто-нибудь узнает твои длинные сережки, то это и будет твой отец и мой господин». Выслушал Хануман ответ своей матери, промолчал, а сам задумался.

Хануман жил жизнью отшельника и в то же время заботился о своей матери. Так проводил он все дни своей жизни.

НЕУДАВШЕЕСЯ НАПАДЕНИЕ

ЕПЕРЬ рассказ пойдет об истории махараджи Раваны в то время, когда он вернулся в свою страну со своей женой — царицей МандуДаки.

Возвратившись в свою страну Лангка Пури, махараджа Равана чувствовал себя очень несчастным, потому что пережил такой позор. Он приказал одному

гонцу отправиться на небо и вызвать своего сына Индеру Джату, а другому гонцу — спуститься в глубь земли за другим своим сыном — Паталой Махирани; приказал он вызвать и того сына, что жил на дне морском и носил имя Гангга Маха Сура, а также приказал двум гонцам отправиться на вершину горы Гальюрана Гангса и привести своего брата по имени Кумба Керна *; махарадже Бибисанаму он приказал собрать всех государей, подвластных ему, всех министров, военачальников и все бесчисленное множество народа. Все они предстали перед махараджей Раваной. Тут он отдал приказ всем своим восьми братьям и своим трем сыновьям, всем министрам, военачальникам: «Слушайте, все мои братья и дети, все мои министры и военачальники! Я намереваюсь напасть на страну махараджи Балии. Что вы все скажете об этом? Ведь в настоящее время нет ни одного государя на этой земле, который равен мне по величию, по богатству и славе, пожалованным мне Преславым богом. Махараджа Балия — мой враг, которого я желаю убить сам, так как он не знает силы моей руки. Я смогу его убить, потому что у него немного людей».

Выслушали все его сыновья и все его братья и все государи приказ махараджи Раваны, но ни один человек не склонился перед ним с почтительным ответом,

потому что все испугались вида махараджи Раваны, отдающего этот приказ, и боялись гнева его. Затем его старший сын встал перед всеми этими раджами и сказал: «О государь всей вселенной, я, твой слуга, уже готов. Я, Индера Джата, прошу милости и припадаю к твоим сандалиям, великий махараджа. Разрешите мне сказать! Как же твое величество нападет на страну махараджи Балии? Я, твой слуга, лежащий во прахе перед тобой, слышал, что ты договаривался с бегаваном Нилой Чакравой. Каким именем назовут твое величество весь мир и все государи на земле, если ты будешь выступать против своего наставника?» Выслушав почтительную речь Индеры Джаты, махараджа Равана промолчал.

Кумба Керна сразу очень рассердился на Индеру Джату и сказал: «О Индера Джата, что такое ты говоришь о бегаване Ниле Чакраве? Если ты совсем перетрусил при мысли бороться с бегаваном Нилой Чакравой, то я один выступлю против него, потому что мне он вовсе не наставник».

Услышал махараджа Равана речь Кумбы Керны и очень обрадовался. Сбросил он свою одежду и пожаловал ее Кумбе Керне. Так изволил сказать махараджа Равана: «О Кумба Керна, ты, мой брат, будешь моим преемником на царстве в этой стране». Кумба Керна тут же склонился к ногам махараджи Раваны и сказал: «Господин мой, великий государь, что до махараджи Балии и Сугривы, то я буду с ними сражаться, а у ног твоих, государь всей вселенной, я прошу тысяч двадцать храбрых и отважных воинов, которым ты прикажешь воевать со всеми обезьянами — черными шимпанзе, гиббонами и лемурами, состоящими под властью махараджи Балии. Ведь он надеется, что все эти обезьянны князья придут ему на помощь». Махараджа Равана выслушал почтительную речь Кумбы Керны и согласился: «Хорошо, брат мой, я дам тебе не один десяток тысяч воинов, но, если тебе нужно, все сто тысяч, которые у меня есть».

Махараджа Равана сделал все приготовления, а когда все было готово, Кумба Керна откланялся и отправился в путь в страну Лагур Катагина в со-

провожении всех воинов, ракас и неисчислимого войска.

Через некоторое время Кумба Керна и все его войска прибыли к берегу острова Ланга Пури. Здесь Кумба Керна наткнулся на поселение, где спасались махареси и берахманы. Войско Кумбы Керны разрушило это поселение и разорило все дома махареси. Когда махареси увидели Кумбу Керну, наступавшего со всем своим войском, чтобы уничтожить все поселение и все их дома, то они все до одного бежали без оглядки, не зная, куда им направиться. Они говорили: «Если мы скроемся в этом лесу, то, несомненно, ракасы захватят его, а раз так, то лучше всем нам спастись к махарадже Балии, в его страну Лагур Катагина, потому что махараджа Балия очень милостив ко всем отшельникам». Один из махареси ответил: «Это вы правильно говорите». И все махареси отправились в царство Лагур Катагина.

Очень скоро они прибыли в страну Лагур Катагина и предстали перед махараджей Сугривой. Махараджа Сугрива спросил: «Куда вы все направляетесь, господа махареси?» Махареси рассказали все махарадже Сугриве, и, выслушав речи махареси, махараджа Сугрива сказал: «Ладно, если Кумба Керна придет, то я сам вступлю с ним в бой. Вы же, отшельники, поселяйтесь в этой стране. Мой брат махараджа Балия еще спасается на горе Анта Иди. Если махараджа Равана подойдет, то я сейчас же прикажу позвать махараджу Балию».

Мудрецы чрезвычайно обрадовались и поселились в государстве Лагур.

Некоторое время Кумба Керна шел вслед за махареси и почти дошел до государства Лагур Катагина. Оставался, может быть, еще день пути. Однако прошло еще несколько дней, а они все еще не дошли благодаря отшельническим подвигам махараджи Балии. Кумба Керна и весь его народ кружили и блуждали по лесу и семь дней и семь ночей никак не могли найти правильную дорогу. Кумба Керна недоумевал. Все его войско изголодалось в лесу, и половина его бежала домой. Старшие военачальники, увидев такое пове-

дение воинов, пришли и сказали махарадже Кумбе Керне: «О всемилостивейший государь, мы все просим прощения и милосердия у твоих ног. Мы не воюем с обезьяньими князьями, потому что народ твоего величества убежал домой. А если так пойдет дальше, то все твои люди вконец изголодаются. А что же мы будем делать, если встретим махараджу Балию? Ведь все твое войско ослабело от голода!»

Выслушал махараджа Кумба Керна слова своих военачальников и ответил им: «Это вы правильно говорите, потому что мы отважны только отвагой нашего народа. Если мы с вами одни будем храбры и отважны, то ничего из этого выйти не может. Мы не сможем ничего совершить». И Кумба Керна повернул со всеми своими военачальниками и со всем войском к берегу моря.

Через некоторое время Кумба Керна прибыл к морскому берегу у переправы в страну Лангка Пури. Скоро он увидел гору. На ней было очень много деревьев и плодов, потому что гора эта была местом, где махареси предавались своим подвигам. Все махареси уже покинули гору. Тут Кумба Керна поднялся на эту гору вместе со всем войском, и все они наслаждались, поедая плоды. Войско Кумбы Керны в одночасье съело все фрукты; и не только фрукты — все листья и молодые побеги были уничтожены. Затем Кумба Керна спустился с горы и отправился в царство Лангка Пури.

Когда он прибыл туда, махараджа Равана еще заседал со всеми своими сыновьями, братьями, министрами, военачальниками и всем своим войском. Кумба Керна подошел и встал перед махараджей Раваной. Когда махараджа Равана увидел его, у него забилося сердце и побледнело лицо. Кумба Керна тоже побледнел. Махараджа Равана молча опустил голову. Затем Кумба Керна подошел и сел в кресло, которое стояло ниже кресла махараджи Бибисамама. Подойдя, Кумба Керна склонился перед махараджей Раваной и сказал: «О господин мой, великий махараджа! Ты приказал мне, своему слуге, напасть на государство махараджи Балии. Я было совсем приблизился к его стране. Оста-

валось лишь около дня пути, но я заблудился в лесу. Семь дней и семь ночей мы не могли найти правильного пути. За это время весь народ целиком разбежался и вернулся домой». Кумба Керна рассказал еще, что махараджа Баляя сражался с Кети Бехарой *. Все это он доложил махарадже Раване.

Выслушав доклад махараджи Кумбы Керны, махараджа Равана подумал: «Если правда то, что говорит Кумба Керна, то это, несомненно, дело рук бегавана Нилы Чакравы, потому что он очень любит махараджу Баляю». Тут Индера Джата посмотрел на махараджу Бибисанам, а махараджа Бибисанам посмотрел на Индери Джату. Оба они улыбнулись и продолжали сидеть молча. Все множество государей увидело, что махараджа Бибисанам и Индера Джата улыбаются, и все поняли значение этой улыбки: опозорились Кумба Керна и махараджа Равана. Махараджа Равана тотчас же ушел во дворец. Все государи, боги, небожители, воины, министры и военачальники вернулись каждый к себе домой. Кумба Керна тоже отклонялся махарадже Раване и вернулся в свое государство Гальюрана Гангса.

МЕСТЬ ЗА СЫНА

ЕПЕРЬ начинается история Лаксаманы, который однажды играл в лесу.

В то время Дерса Синга был отшельником только восьмой год. По решению Преславного бога Бетара Индера пожаловал Дерсе Синге меч. Как раз в это время Лаксамана шел по лесу и увидел, что с неба спу-

скается меч. Он летел как раз к купе из семи гигантских бамбуков. Лаксамана немедленно подбежал и схватил этот меч. Он увидел, что меч чрезвычайно красивой работы и называется он Чендера Вали. Лаксамана решил: «Раз так, то я преподнесу его моему господину Сери Раме. Раз этот меч спустился с неба, то Сери Раме подобает носить его».

Подумав так, Лаксамана решил: «Дай-ка я попробую этот меч на этих семи стволах гигантского бамбука, не срубят ли он их?» Тут он рубанул мечом по бамбуку, и такая волшебная сила оказалась у этого меча, что одним ударом он срубил весь этот густой лес со всеми его деревьями в десять обхватов, на площади, в восемь раз большей, чем можно охватить взглядом.

Живший в этой бамбуковой роще отшельник Дерса Синга был разрублен, и верхняя половина его тела упала на открытое место перед Лаксаманой. Лаксамана изумился и воскликнул: «Клянусь Преславным богом, я не предполагал, что в этой бамбуковой роще есть люди!» Сказав это, Лаксамана рубанул своим мечом направо. Повалился весь лес, бывший справа на площади около восьми йоджан. Опять взмахнул он мечом направо, и снова повалились все деревья даже в шесть обхватов. Когда Лаксамана увидел, насколько сильно рубит все этот меч, он был страшно поражен и вернулся к Сери Раме.

Подойдя к Сери Рама, Лаксамана поклонился и сказал: «О государь мой, царь вселенной! Этот меч подобает носить твоему величеству, потому что он спустился с неба. Я, твой слуга, добыл его в роще гигантских бамбуков. Я попробовал его в лесу, где деревья в пять-шесть обхватов, и меч срубал их разом». Сери Рама ответил: «Видишь, Лаксамана, мое оружие — это лук. Меч возьми ты, братец».

Лаксамана вернулся к скиту в бамбуковой роще. В это время Сура Пандаки пришла туда повидаться со своим сыном-отшельником и принесла ему корзину риса и горшок варева. Вдруг она увидела разрубленную голову своего сына. Сура Пандаки воскликнула: «Никто, кроме Лаксаманы, не мог разрубить голову моего сына: ведь Лаксамана всегда забавляется в этом лесу! А если не Лаксамана, то уж, конечно, его брат по имени Сери Рама. Однако это все-таки, вероятно, не Сери Рама, ведь он же отшельник!» Говорила так Сура Пандаки, а сама думала: «Куда же пойду я теперь жаловаться на свое горе?» Она отправилась в страну Даркалаха Сины, потому что он был одного рода с раджей Раваной. Спустя некоторое время Сура Пандаки пришла в страну махараджи Даркалаха Сины и вошла во дворец.

При виде Суры Пандаки махараджа удивился: «По какой причине ты пришла в таком виде?» — спросил он. Сура Пандаки отвечала со слезами: «О друг мой, прежде я надеялась на махараджу Равану, а сейчас он стал моим врагом. Не подобает делать так, как он. Вот почему у меня такое горе». Махараджа Даркалах Сина спросил: «Почему же махараджа Равана поступает так с тобой?» Сура Пандаки ответила: «О друг мой, я тебе расскажу все это. Мой супруг Берга Синга был предан махарадже Раване, но совершенно безвинно убит им. Из-за этого в тоске моего сердца я ушла со своим сыном в густой лес. Пришел туда Лаксамана. Он хотел меня, но я не хотела его, тогда он убил моего сына. Вот почему я пришла к тебе просить помощи».

Выслушав слова Суры Пандаки, махараджа Даркалах Сина страшно разгневался, вспыхнул как огонь, вскочил, как лев в прыжке, и вскричал: «Вот как, Лак-

самана и Сери Рама! Вы показываете свое мужество на женщине. Теперь я буду с вами бороться!»

Был там один первый министр, умелый звездочет. Он подошел к махарадже и сказал с поклоном: «О государь мой, царь вселенной! Прошу прощения и милости у твоих ног. Не произноси таких слов, потому что Сери Рама и Лаксамана обладают немалой волшебной силой. Это люди, в которых воплотился на этой земле Преславный бог. Если твое величество, царь вселенной, прибегнет к силе, то, несомненно, погибнет наш народ, потому что Сери Рама необычайно храбр и отважен. Это ведь он прострелил одной стрелой сорок верных палм и убил раксаси Джагини, одной стрелой пронзил ее насмерть. Это он казнил Гагак Суру. Он же убил змею по имени Сурангини и носорога по имени Агай Гандай. Он взял в плен махараджу Пуспу Раму. Велики его отвага и его волшебная сила. Мой совет — сражаться с Сери Рамой следует с умом, чтобы не погубить народ твоего величества. Пусть госпожа Сура Пандаки пойдет к Сери Рамае, приняв вид молодой красивой женщины. И пусть она выйдет замуж за Сери Раму. Когда же она станет его женой, то с Сери Рамой можно будет сделать все, что ты захочешь».

Когда махараджа Даркалах Сина и Сура Пандаки выслушали слова этого министра Семандари Сины, то государь сказал: «Это ты хорошо придумал». Затем махараджа Даркалах Сина приказал двум военачальникам: «Отправьтесь проводите Суру Пандаки, но так, чтобы Сери Рама и Лаксамана вас не видели. Пусть Сура Пандаки одна войдет в скит Сери Рамы».

Сура Пандаки и оба военачальника сели в колесницу и отправились. Через некоторое время они прибыли к скиту Сери Рамы. Сура Пандаки приказала: «Ждите на этом месте, а я пойду в скит, где Сери Рама спасется».

Сура Пандаки приняла вид замечательной красавицы, подошла к Сери Рамае и стала соблазнять его. Тогда Сери Рама сказал: «Женщина, что это за поведение? Ведь я уже женат. Если ты хочешь выйти замуж, то ступай к моему брату Лаксамане. Он нахо-

дится позади этого холма. Может быть, он и захочет взять тебя в жены, потому что еще холост».

Услышав слова Сери Рама, Сура Пандаки быстро пошла за холм к Лаксамане. Она увидела его погруженным в молитвы и созерцание. Сура Пандаки подошла и стала принимать перед ним разные соблазнительные позы. А Лаксамана не сказал ей ни одного ласкового слова и даже не посмотрел на нее. Сура Пандаки рассердилась и вернулась обратно к Сери Рама. Она зло сказала Сите Деви: «Эй ты, несчастная, зачем ты живешь в лесу, зачем ты последовала за своим мужем спастись, когда тебе подобает жить в городе и стать супругой махараджи Раваны!» Так Сура Пандаки срамила Сери Рама и Ситу Деви. Сита Деви заплакала, потому что Сура Пандаки позорила ее.

Сери Рама же чрезвычайно разгневался и подумал: «За такое поведение я покараю эту женщину. Я бы ее убил, но она женщина*. Да этого и недостаточно за ее вину. Раз уж так, то я прикажу Лаксамане отрубить ей обе руки и отрезать нос». Решив так, Сери Рама позвал: «Эй, молодая женщина, иди-ка сюда, я хочу поговорить с тобой». Сура Пандаки подошла к Сери Рама, и он сказал ей: «Слушай, Сура Пандаки, что я тебе скажу. Я не могу жениться на двоих, потому что моя супруга мне верна, а если ты хочешь выйти замуж, то ступай за этот холм к моему брату Лаксамане». Сура Пандаки ответила: «Сери Рама, ведь я только что ходила к Лаксамане, а он меня не желает. Пожалуйста, Сери Рама, женись ты сейчас на мне, ведь я моложе и гораздо красивее твоей жены».

Сери Рама отвечал: «Чудная ты женщина, ступайка еще раз к Лаксамане. А я дам тебе знак, чтобы Лаксамана захотел тебя, когда увидит мой знак». Сура Пандаки согласилась: «Ладно, дай мне знак, чтобы я его показала Лаксамане». Сери Рама сказал: «Ну, давай я напишу его у тебя на спине». И написал Сери Рама у нее на спине следующее распоряжение: «Вот мое поручение об этой женщине, Лаксамана. Когда она придет, ты ее не отпускай, а отрежь ей руки и нос, потому что она позорила меня и Ситу Деви и ругала ее». Написав это, он приказал Суре Пандаки идти к

Лаксамане. Сура Пандаки увидела, что Лаксамана все еще погружен в созерцание и пребывает в восхищении духа. Она подошла и стала перед Лаксаманой. Лаксамана не обратил на нее никакого внимания и продолжал молиться. Сура Пандаки посмотрела на то, что Лаксамана делает, и сказала: «Слушай, Лаксамана, почему ты не хочешь взять меня в жены и не хочешь даже увидеть, что я пришла? Ведь я же пришла сюда к тебе, потому что мне приказал Сери Рама».

Когда Лаксамана услышал это, он пришел в себя и посмотрел на Суру Пандаки, говоря: «Кто ты такая, женщина, откуда ты пришла и как твое имя?» Сура Пандаки ответила: «О Лаксамана, я пришла от Сери Рама. Он послал меня пойти и встретиться с тобой здесь». Лаксамана промолвил: «Если ты действительно пришла от моего господина, то подойди сюда. Какое у тебя доказательство, что ты встретишься с моим господином?» — «Сери Рама дал мне знак», — сказала Сура Пандаки. — «Тогда покажи мне этот знак», — потребовал Лаксамана. Сура Пандаки встала перед ним и показала, что у нее было написано на спине. Лаксамана увидел и говорит: «Действительно, это Сери Рама написал». Прочел он, улыбнулся и сказал: «Ну, красавица, в этом письме приказано отрубить тебе руки и отрезать нос, потому что ты позорила и господина моего Сери Раму и Ситу Деву».

Услышала Сура Пандаки слова Лаксаманы. Они поразили ее, и она бросилась бежать, но это ей не удалось, потому что Лаксамана схватил ее за руки и за волосы. Сура Пандаки рассердилась и превратилась в громадную раксаси с гору величиной. Она взлетела вверх и думала, что Лаксамана свалится на землю и разобьется вдребезги, превратится в пыль. Лаксамана же в это время схватил Суру Пандаки за волосы, и, сколько она ни старалась освободиться от него, он не отпускал. Сура Пандаки летела все выше и выше, и тело ее раздувалось все больше. Лаксамана рассердился, выхватил свой меч, отрубил ей обе руки и отрезал нос. Сура Пандаки почувствовала, что ей страшно больно и что она истекает кровью. Тогда она спустилась на землю вместе с Лаксаманой.

Все боги и небожители стали умолять Лаксаману, чтобы он спас их от смертельной опасности. Сура Пандаки грохнулась на землю, и шум был такой, словно гора рухнула. Лаксамана в это время стоял на груди Суры Пандаки. Потом она встала и с трудом, медленно пошла искать обоих военачальников. Когда она дошла до них, они спросили: «Что это такое с тобой случилось, царица?» Сура Пандаки приказала: «Ну-ка, быстро отнесите меня к моему брату, махарадже Даркалаху Сине!»

Выслушали военачальники слова Суры Пандаки, быстро отнесли ее в колесницу и отправились назад к махарадже Даркалаху Сине.

МАХАРАДЖА ДАРКАЛАХ СИНА НАПАДАЕТ НА СЕРИ РАМУ

ОГДА махараджа Даркалах Сина увидел, в каком состоянии Сура Пандаки, он чрезвычайно рассердился и приказал позвать первого министра Семандари Сину. Как только он пришел, государь приказал: «Семандари Сина, немедленно собери все мое войско, так чтобы оно заполнило восемь йоджан. Я пойду войной на Сери Раму и Лаксаману на ту гору, потому что они не умеют быть вежливыми с великими государями».

Семандари Сина, выслушав приказ махараджи Даркалаха Сины, быстро сел в свою громадную колесницу величиной с целый холм. Собралось неисчислимое множество народу. Шум от этого множества был такой, словно разразилась буря. Народу в этой стране Индера Паванам со всеми военачальниками было столько, что они заполнили площадь в восемь йоджан. Махараджа Даркалах Сина взошел на гору Индера Паванам со всеми военачальниками и всеми раксасами. Государь сказал: «Слушайте, военачальники. Мы вступаем в войну с Сери Рамой и Лаксаманой, и пусть никто не сможет нам противостоять. Когда мы дойдем до той горы, то окружим ее на слонах, на конях и всем множеством нашего войска. Пусть никто не сможет выдерживать нашего нападения, потому что если мы будем сражаться с Сери Рамой и он устоит, то весь наш народ до последнего человека будет перебит его стрелами, ибо он замечательный лучник».

Все министры и военачальники выслушали приказ махараджи Даркалаха Сины и поклонились, говоря: «Да, господин наш, царь вселенной, правильны твои

слова. Мы все тоже так думаем. Если он устоит, то, несомненно, погубит весь твой народ». Договорившись таким образом, махараджа Даркалах Сина двинулся к скиту Сери Рама. Дойдя до него, все войско и военачальники с военными кличами и шумом, напомиравшим грохот грома, окружили Сери Раму и Лаксаману.

Тогда каждый из них подумал: «Кто же это предательски напал на меня, ведь я не сделал ничего дурного?» Сери Рама сказал Лаксамане: «Пойди, братец, выясни сначала, как зовут пришедшего государя».

Лаксамана быстро взял свой меч по имени Чендера Вали и спустился ко всему этому войску и военачальникам. Дойдя до них, Лаксамана спросил народ: «Кто вы такие, и чего вы все хотите? В чем наш грех, и почему вы окружили наш дом? Ведь мы отшельники». Все раксасы ответили: «Наш государь — махараджа Даркалах Сина. Мы же пришли взять в плен тебя и твоего брата».

Услышав слова всех этих раксас, Лаксамана быстро вернулся к Сери Рама и сообщил ему все это. Сери Рама улыбнулся, слушая его. Он встал, взял свой лук в своей пещере, а лук прозвенел: «Анарчианг сабура ваванам*». Когда Сери Рама взял свою стрелу по имени Гандевати, Лаксамана подошел к нему, поклонился и сказал так: «О господин мой, разреши на этот раз мне, твоему слуге, вступить в бой со всеми этими раксасами». Сери Рама ответил: «Братец, ведь нас всего двое братьев; если умрем, то вместе, если будем жить, то тоже вместе. Во время сражения ты защищай меня сзади, потому что я буду стрелять в раксас. Гляди, братец, на мой почерк*».

Договорившись так, Сери Рама и Лаксамана вышли из своего скита и стали во дворе своего дома. Все военачальники, все раксасы, все воины на слонах и конях собрались и окружили дом Сери Рама, и стрелы полетели, как частый дождь. Тогда Сери Рама послал свою стрелу по имени Гандевати, и не было границы тому, что она могла пронзить. Если в ряд стояла тысяча человек, она пронзала тысячу, и если стояло две тысячи, то поражала две тысячи, и если в ряду

было десять тысяч, то пронзала все десять. Так Сери Рама стрелял в сидевших на слонах и во всадников и во все бесчисленное множество войска. Половина всех военачальников и всех раксас и всего народа погибла, а половина отступила.

Махараджа Даркалах Сина страшно рассвирепел, взвился, как змей, и сам собрал весь отступивший народ и военачальников. Если кто-нибудь не вступал в бой, то погибал от руки государя. Все раксасы тоже вступили в бой. Сам махараджа Даркалах Сина бросился в бой со своим военным кличем и спустил свои волшебные стрелы, однако они не коснулись ни Лаксаманы, ни Сери Рамы. Сери Рама же продолжал стрелять. Если десять тысяч стояло в ряд, то десять тысяч пронзала его стрела, а Лаксамана в то же время рубил своим мечом. Где было двадцать тысяч, там двадцать тысяч разрубал его меч. Своим мечом он доставал всадников на слонах и на конях и крошил их вместе со слонами и конями.

Увидел первый министр Семандари Сина, как Сери Рама стреляет из своего лука, а Лаксамана рубит своим мечом. Без конца падали люди и военачальники. Не было ни одного удара впустую. Военачальники и множество воинов погибали, изрубленные этим мечом, и трупы валились один на другой, так что вырастал холм. Первый министр сказал: «Если так будет продолжаться наше сражение с Сери Рамой и Лаксаманой, то все мы будем перебиты, потому что уж слишком велико их волшебное умение. У воинов обычай такой, что смерть наступает по очереди то тех, то других. Вот это и называется боем. А эти двое не только не умирают, они даже не ранены, и ни один волосок с их тела не упал. А если так, то лучше я попрошу у Сери Рамы прощения, чтобы он пощадил меня и не убил. Если я признаю своим государем Сери Раму, то, может быть, он меня сделает раджей государства Даркалаха Сины, потому что Сери Рама — сын великого царя. Я же прочитал в звездах и своих волшебных книгах, что ни один из государей, созданных Преславным богом, не равен Сери Раме и Лаксамане. Они больше всех и численностью своего народа, и обычаем,

и отвагой. Как будет хорошо, если Рама станет царем вселенной!»

В то время как министр Семандари Сина обдумывал это, Сери Рама спустил стрелу по имени Гандевати. Стрела эта запылала над всеми равнинами и горой Индера Паванам и полетела пронзить весь народ раксас. Увидев это, первый министр Семандари Сина быстро бросился на землю и прижался головой к земле перед этой стрелой. Гандевати летела прямо к первому министру, чтобы его пронзить. Увидела стрела, что Семандари Сина лежит перед нею ниц, и спросила: «Эй, раксаса, как твое имя и кто ты такой?» Первый министр с покорностью отвечал: «О государыня стрела, я преданный слуга господина Сери Рамы. Я брат Махарамы Сура, министра Дасараты Махараджи».

Услыхав речь министра Семандари Сины, стрела полетела поражать других воинов-раксас. Все они были убиты, а оставшиеся в живых разбежались. Махараджа Даркалах Сина увидел, в каком состоянии все его войско. Он очень разозлился и с военным кличем бросился навстречу Сери Рама. Лаксамана тут же выхватил свой меч и стал рубить воинов-раксас. Коснулся его меч воинов, окружавших колесницу махараджи Даркалаха Сины, и они умерли. Почувствовал и сам махараджа Даркалах Сина этот меч. Был он разрублен на четыре части. И колесница его была изрублена. Так скончался махараджа Даркалах Сина. А Сура Пандаки, услышав, что махараджа Даркалах Сина убит, вернулась домой.

Сери Рама возвратился с победой. Первый министр Семандари Сина подошел к Сери Рама и склонился перед ним со словами: «О государь мой, великий махараджа, я, твой раб, склоняюсь перед тобой, умоляя о прощении и пощаде, и падаю во прах у твоих сандалий, царь вселенной. Поверь, что я — твой верный раб, лежащий во прахе твоих сандалий». Сери Рама ответил на это: «Вот, первый министр, я даю тебе государство Даркалаха Сины, ты же ежемесячно являйся ко мне со своей женой и детьми».

Первый министр с трепетом поклонился и бросился к ногам Сери Рамы, смиренно говоря: «О мой вла-

дыка, царь вселенной, я вдвойне твой раб во прахе перед тобой. Все, что ты мне прикажешь, я буду хранить как зеницу ока». Он припал к ногам Сери Рамы и смиренно продолжал: «О государь, прошу прощения у твоих ног и прошу отпустить меня на запад в царство махараджи Даркалаха Сины, чтобы посмотреть, как там все обстоит. Я опасуюсь махараджи Раваны, как бы он не прибыл сюда». Сери Рама повелел: «Ступай проворно, Семандари Сина, и следи за этой страной». Первый министр припал к ногам Сери Рамы, а затем отправился назад в свое царство, вошел в город и во дворец.

Он увидел, что вся семья махараджи Сины со слезами бегом бросилась ему навстречу, говоря: «О первый министр, где же ты покинул государя?» Первый министр отвечал: «Действительно, раньше государем в этой стране был махараджа Даркалах Сина. А сейчас он пал в битве с Сери Рамой. Сери Рама, получив это государство, приказал мне принять его, а также весь народ, который живет в этой стране. Что вы теперь скажете, государыня моя и царевич? Если вы желаете признать Сери Раму государем, то я вас отведу к нему, чтобы вы могли сами услышать его слова».

Сын раджи Даркалаха Сины по имени Пераста Суда сказал: «Слушай, первый министр, если Сери Рама завладел государством моего отца, то я не хочу оставаться жить в нем. Я хочу уйти в отшельничество и стать махареси. Я буду просить у Преславного бога воздать Сери Рама за кровь моего отца». Первый министр ответил: «О Пераста Суда, если ты, господин мой, будешь десять тысяч лет вести отшельническую жизнь, то и тогда ты не сможешь убить Сери Раму и Лаксаману. Я это говорю потому, что твой отец очень любил меня. Если же ты желаешь просто просить дарования тебе волшебных сил, то уходи в отшельничество». Пераста Суда собрался и взял с собой свою семью и мать. Его сопровождало около сорока тысяч мужчин и женщин. Приготовив себе все, Пераста Суда отправился в государство Лангка Пури к махарадже Раване.

МАХАРАДЖА РАВАНА ПОХИЩАЕТ СИТУ ДЕВИ

АЧИНАЕТСЯ рассказ о махарадже Раване.

В то время государь вспомнил о своей сестре Сура Пандаки, потому что она давно не приходила. Махараджа Равана сказал своей жене: «Слушай, Манду Даки, уже давно Сура Пандаки не приходит ко мне. Может быть, она сердится на меня, потому что ее муж умер? Но ведь он умер не потому, что я его нарочно убил. Надо, чтобы ты, сестрица, приказала позвать ее. Ведь я давно не встречался с ней».

Выслушала царица Манду Даки слова махараджи Раваны и приказала двум своим придворным девушкам отправиться позвать Суру Пандаки. Сура Пандаки в это время еще лежала у себя под пологом, так что из-под него был слышен только ее голос. Она сказала: «Передайте, что я еще больна, а когда поправлюсь, то явлюсь к махарадже».

Девушки вернулись, поклонились махарадже Раване и передали ему все, что сказала Сура Пандаки. Махараджа Равана приказал: «Если она даже совсем больна, я все же желаю повидать ее», — и повелел своему гонцу: «Ступай пригласи Суру Пандаки и доставь ее ко мне».

Двое гонцов отправились в дом Суры Пандаки, однако сторож у ее дверей не разрешил им войти. Посланные вернулись и с поклоном сообщили махарадже Раване: «О государь, ты приказал нам, твоим слугам, позвать ее высочество, твою сестру, но перед нами была закрыта дверь, и нам не разрешили войти».

Когда махараджа Равана услышал сообщение гонцов, он сам быстро пошел в дом Суры Пандаки. Он вошел в дом и даже в самую спальню. Тут он увидел,

что Сура Пандаки спит закутанная. Он сдернул с нее покрывало и увидел, что у Суры Пандаки отрезан нос и отрублены руки.

Махараджа Равана спросил: «О Сура Пандаки, почему ты в таком виде?» Сура Пандаки ответила: «После того как мой муж погиб от твоей руки, государь, я была очень огорчена. Пошла я и по дороге встретила с Лаксаманой. Он пожелал меня, но я его не пожелала, тогда он убил моего сына, отрезал мне нос и отрубил руки. Так-то, царь вселенной!»

Услышал махараджа Равана такие речи Суры Пандаки, страшно разгневался на Лаксаману и сказал: «Так Лаксамана показывает свое мужество на женщине?! Если он действительно отважный человек, то пусть придет ко мне. Ну хорошо, Лаксамана не женат *, поэтому, сестрица, я отомщу за твой позор его брату, Сери Рама».

Махараджа Равана приказал позвать двух сыновей Гагака Насира *. Одного звали Махалока, а другого — Перджангги Сура. Оба они имели облик собак. Когда они пришли, махараджа Равана сказал: «Я хочу вас послать в обитель Сери Рама. Один из вас превратится в золотую лань, а другой в серебряную. Ступайте к Сери Рама, прыгайте и пляшите перед ним». Махалока и Перджангги Сура поклонились, говоря: «Так, государь! Мы, конечно, можем пойти по твоему приказу, махараджа. Однако мы не сможем вернуться, потому что Сери Рама — великий волшебник. Если он пустит в нас свои стрелы, то нам никак не избежать смерти. Раз ты посылаешь нас, то мы пойдем, испросив у тебя пощады и милости, но, по нашему мнению, следовало бы твоему величеству повидать Сери Рама и Лаксаману, потому что мы слышали, что Сери Рама как раз приносит жертву, испрашивая у Преславного бога волшебных сил. Надо бы отправить военачальника в обитель Сери Рама и Лаксаманы».

Когда Махалока и Перджангги Сура высказались таким образом, махараджа Равана спросил: «Скажите, Махалока и Перджангги Сура, кого мне следует послать в обитель Сери Рама?» Махалока и Перджангги Сура поклонились и ответили: «Владыка, государь, хо-

рошо бы твоему величеству приказать отправиться туда нашему отцу. Может быть, он сможет пойти в скит Сери Рамы в то время, когда он совершает жертвоприношение, и отнести туда кусок говядины*». Махараджа Равана согласился: «Ладно. Раз так, я сейчас пошлю вашего отца».

Махараджа Равана приказал сейчас же позвать Гагака Насира.

Когда он явился к махарадже Раване, тот сказал: «Я приказал позвать тебя, потому что ты большой военачальник и, я надеюсь, будешь бороться со всеми моими врагами». Гагак Насир поклонился, говоря: «Твое слово, государь, для меня закон. Однако я пойду не с тем, чтобы вернуться обратно. Как только твое величество скажет мне, против кого идти, я немедленно отправлюсь». Затем Гагак Насир припал к ногам махараджи Раваны. Государь же дал Гагаку Насиру знак, чтобы все раксасы узнавали его, и вручил ему кусок говяжьего мяса. Гагак Насир взлетел вверх и быстро добрался до скита Сери Рамы.

Сери Рама молился, совершая жертвоприношение, чтобы испросить у Преславного бога волшебные силы. Гагак Насир в это время парил в воздухе с куском говяжьего мяса в руках. Сери Рама пребывал в восхищении, погруженный в молитву, Лаксамана же прислуживал Сери Раме. Он посмотрел на небо и увидел Гагака Насира, парящего с куском говядины в руках. Лаксамана проворно подошел и поклонился: «О господин мой, погляди на Гагака Насира. Он хочет сбросить кусок говядины на священное масло». Тогда Сери Рама быстро схватил тлеющий уголек из-под кувшина с маслом и бросил его в Гагака Насира. Как только Гагак Насир увидел уголек, он бросился бежать, но уголек загнал его в море и продолжал лететь за ним. Тогда он бежал в пещеру, но и в пещеру уголек последовал за ним. Тут уж Гагак Насир закричал. Он надорвал живот от этого крика и сдох в пещере. А махараджа Равана ждал и ждал Гагака Насира и наконец узнал, что тот умер, убитый Сери Рамой.

Пераста Суда, сын раджи Даркалаха Сины, в это время пришел к махарадже Раване. Махараджа Равана

чрезвычайно рассердился, когда услышал, что махараджа Даркалах Сина погиб от руки Лаксаманы, и увидел Перасту Суду, пришедшего к нему со всей семьей. Вот что сказал махараджа Равана: «О сын мой Пераста Суда, я немедленно отомщу за смерть твоего отца», — и он тут же послал за своей колесницей.

Как только подъехала колесница, махараджа Равана сел в нее. Махалока и Перджангги Сура тоже взобрались в нее вместе с махараджей Раваной и вылетели из Лангка Пури. Спустя некоторое время махараджа Равана приблизился к земле и приказал: «Эй, Махалока и Перджангги Сура, отправляйтесь в скит Сери Рамы. Один из вас пусть превратится в золотую лань, а другой — в серебряную *. Ступайте оба к его дому и там пляшите и скачите перед Сери Рамой».

Махалока и Перджангги Сура припали к ногам махараджи Раваны и побежали по дороге к дому Сери Рамы. Добежав до дома Сери Рамы, они превратились в золотую и серебряную ланей и стали скакать и плясать перед Сери Рамой. Увидела супруга Сери Рамы Сита Деви, как эти лани скакали и плясали, и попросила Сери Раму: «О господин мой, поймай этих ланей мне на забаву». Сери Рама сказал: «Их нельзя поймать живыми. Подожди, я выстрелю и добуду обеих». Но Сита Деви возразила: «Я не хочу, чтобы они умерли, я хочу их живыми».

Выслушал Сери Рама слова своей супруги, быстро взял свой лук и вышел из дому. Он позвал Лаксаману, говоря: «Слушай, Лаксамана, оставайся здесь, братец, и береги свою старшую сестру Ситу Деви. Я же пойду за этими двумя ланями». Сказав так, государь вышел.

Увидав Сери Раму, лани побежали, а Сери Рама последовал за ними. Когда Сери Рама был уже далеко от дома, махараджа Равана спрятался в лесу. Он начал кричать, прося о помощи, и голос его был точь-в-точь голос Сери Рамы. Сита Деви услышала его и сказала Лаксамане: «Ах, братец Лаксамана, это голос твоего брата. Слышишь, он просит помощи». Тогда Лаксамана ответил: «О госпожа, не слушай этот голос. Это же тебе только кажется».

Опять раздался голос, просящий о помощи, и опять он был похож на голос Сери Рама. Сита Деви сказала: «Ах, братец, это же мой супруг просит помощи». Но Лаксамана ответил: «О госпожа моя, не слушай ты этот голос. С твоим супругом волею Преславного бога ничего не случится. Убивая Гагака Насира, он не просил помощи». Сита Деви возразила: «Ах, Лаксамана, следовало бы тебе пойти помочь своему старшему брату; может быть, с ним случилось несчастье». Лаксамана же ответил: «О госпожа, он приказал мне беречь тебя. Если что-нибудь случится с тобой, царица, я буду очень виноват перед моим старшим братом».

Пока они разговаривали, опять послышался голос, просящий о помощи. Тогда Сита Деви воскликнула: «О братец Лаксамана, или ты хочешь убить своего старшего брата? Говорю тебе, непременно нужно пойти навстречу ему. Может быть, с ним случилось какое-то несчастье. Ведь он просит помощи!» Лаксамана ответил: «Твоему высокому супругу не могут повредить ни люди, ни животные в этом лесу. Если бы я оставил тебя, то, может быть, мне пришлось бы в этом раскаиваться». Тогда Сита Деви сказала: «Да, я знаю, какова твоя хитрость, братец Лаксамана. Если скончается Сери Рама, то ты, конечно, возьмешь его супругу себе в жены».

Заплакал Лаксамана и проговорил: «О госпожа, зачем ты говоришь мне такое?!» Слушая слова Ситы Деви, Лаксамана не мог сказать ни слова от стыда и только плакал. «Я плачу, потому что мой светлейший старший брат, может быть, и хотел отдать тебя мне, но, по-видимому, Преславный бог уже принял решение».

И вот Лаксамана вышел из дома, обошел вокруг жилища Ситы Деви, проводя по земле черту указательным пальцем и говоря: «О земля, я поручаю Ситу Деви тебе. Если кто-нибудь перейдет эту линию, то схвати его за ноги». Обратившись так к земле, Лаксамана вышел, обливаясь слезами, потому что помнил слова старшего брата. Он ушел в сопровождении четырех брахманов.

Уже далеко зашел Лаксамана и все еще никого не видел. А в это время махараджа Равана пришел, приняв вид берахмана, остановился перед домом Ситы Девы и сказал: «О невестка Дасараты Махараджи, дай мне какую-нибудь милостыню, потому что я — человек нищий». Сита Деви отвечала: «О берахман, у меня ничего нет, кроме разве цветка в руке». Махараджа Равана ответил: «О невестка Дасараты Махараджи, пожалуй мне хоть что-нибудь».

Сита Деви хотела отдать ему цветок, но махараджа Равана сказал: «Я очень бедный берахман, дай мне что-нибудь поесть. Я не могу приблизиться к тебе, так как здесь черта Лаксаманы. Если будет на то твоя милость, то изволь выйти сама ко мне за эту черту». Сита Деви спустилась на землю и протянула цветок берахману. Берахман сказал: «Не могу я, о царица, переступить эту черту. Если будет милость твоя, я прошу протянуть руку за черту, и велика будет твоя заслуга».

Сита Деви остановилась внутри обведенного чертой пространства, а руку протянула берахману. Берахман схватил Ситу Деви за руку, вытащил ее за черту и взлетел с ней в воздух. Сита Деви была одета в ткань золотого цвета. Она набросила эту ткань на себя, как шарф, и, отрывая от нее ленточки шириной в два пальца, бросала их по пути, думая, что они будут приметами, по которым Сери Рама сможет найти ее.

Махараджа Равана и Сита Деви неслись в волшебной колеснице. Их увидела птица Джентаю, сын махареси Ки Субрису, который стал наставником всего множества махареси и во времена Бермы Раджи был великим волшебником. Он до сих пор еще жив и великий подвижник. Он проклял махараджу Равану в то время, как тот увозил царицу Манду Даки в город Лангка Пури. У этого махареси было три сына. Старший был орел Маха Биру, средний был орел Дасампани*, который уносил луну, а самый младший был птица Джентаю, ростом с гору.

Когда Джентаю увидел, что махараджа Равана летит в своей колеснице, похитив красавицу женщину, одежда которой была вся из золотой ткани, он подумал:

«Не иначе, как эта женщина — сама Сита Деви, супруга Сери Рамы, моего друга. Сери Рама не чужой мне человек, а если так, то мне следует спасти Ситу Деви из рук махараджи Раваны». И он быстро взлетел вверх, навстречу махарадже Раване. Встретив его, Джентаю сказал: «Эй, Равана, почему ты похищаешь супругу Сери Рамы? Или ты не помнишь, что обещал пророку Адаму * не совершать преступлений на земле? Почему ты теперь нарушаешь свое обещание государю?»

Равана страшно рассердился на Джентаю, услышав эти слова. «Эй, Джентаю, что ты вмешиваешься в мои дела? Ведь я их совершаю, и мое дело, что из них выйдет!» — воскликнул Равана. Джентаю ответил: «О Равана, ты не так понимаешь мои слова. Я видел, что все великие государи держат свое слово, суд их справедлив и обычай хорош, они не изменяют своим обещаниям, тверды в своей верности, охраняют свои тайны, смягчают судьбу всех угнетенных среди своего народа. Вот что я считаю достойным имени великого государя». Но махараджа Равана еще больше расвирепел и крикнул: «Эй, сын Ки Субрису, разве тебе подобает так говорить со мной? Ты же мой раб и мой слуга!»

В ответ на эти слова Раваны Джентаю взмыл в воздух, швыряя вверх камни и большие деревья. Он закричал в великом гневе громовым голосом и расправил свои крылья. А все камни и громадные деревья упали на махараджу Равану. Махараджа Равана же не мог никак приблизиться к Джентаю. В это время Джентаю быстро схватил три головы Раваны и оторвал их. На том же месте сейчас же выросли три новых. Джентаю склонул еще пять голов Раваны, и снова появилось пять новых. Равана злился, потому что не мог приблизиться к Джентаю. Страшно силен был ветер, поднятый крыльями Джентаю. Он бил по летающей колеснице Раваны, так что она только кувыркалась. Джентаю грохотал своим громовым голосом, и из клюва его вырывалось пламя, словно из сотен огнедышащих гор. Махараджа Равана свирепел все больше и больше: ведь он не мог приблизиться к Джентаю из-за этого жара. Он тоже кричал громовым

голосом. Джентаю же гремел многими голосами, и казалось, словно небо кругом полосовали молнии.

Джентаю яростно сражался с махараджей Раваной, и тот видел все волшебство Джентаю. А потом Равана тоже показал свою волшебную силу. Вот из его тела вырвался ветер и дождь, и весь огромный, как гора, огонь упал в море. И только это случилось, махарадже Раване удалось приблизиться к Джентаю. Увидев его, Джентаю опять быстро взлетел вверх и частым дождем посыпались вниз скалы и камни. Равана же отражал их своей палицей, так что ничто не задевало его.

Тогда Равана предложил: «Эй, Джентаю, давай сразимся в поединке».

Он обратился к своей волшебной колеснице: «Подвези меня вплотную к Джентаю». Колесница немедленно полетела навстречу Джентаю. Долетев до Джентаю, Равана издал свой клич и с гневом выпустил все свои десять голов и двадцать рук, говоря: «Опомнись, сын Ки Субрису!» Джентаю, услышав эти слова Раваны, бросился склевывать его головы, но тот сразу ударил своей дубинкой и сломал крыло Джентаю. Джентаю разгневался и вскрикнул, а сломанное крыло сразу срослось. Джентаю взмахнул крыльями, и огонь со страшно сильным ветром пали на землю. Все горы и громадные леса взлетели в воздух, как хлопок, который очищают ударами натянутой струны. Когда Джентаю так разгневался, четырнадцать парсангов * дремучего леса стали открытым полем от ветра, поднятого крыльями Джентаю, — так рассказывает сказитель. Колесница Раваны грохнулась оземь. Сам Равана распластался на земле в сорока депах от своей колесницы. Он проворно поднялся и опять вскочил на свою колесницу, быстро взмыл на ней и погнался за Джентаю. Равана кричал от гнева и, столкнувшись с Джентаю, снова напал на него. Много раз Джентаю склевывал головы Раваны, но каждый раз они вырастали вновь.

Так они билась семь дней и семь ночей. Махараджа Равана подумал: «Если я так буду сражаться с этим Джентаю, то мне его не убить. Уж очень он силен своим волшебством. Лучше я применю хитрость». И Равана закричал звонким голосом: «Слушай, Джентаю,

если мы с тобой будем так биться, то и в десять лет ни один из нас не победит». Джентаю сказал: «Ну, Равана, что ж ты посоветуешь? Я слушаю тебя». Равана ответил: «О Джентаю, если ты согласен следовать моим словам, то я скажу». Джентаю согласился: «Если это будет правильно, то я последую твоим словам, а вообще, как я посмотрю, ты не тверд в своей верности».

Тогда махараджа Равана предложил: «Слушай, Джентаю, по-моему, хорошо бы нам, сражаясь, придерживаться верности друг другу. Ты покажи мне, где заключена твоя жизнь, а я покажу, где моя жизнь». Выслушав слова Раваны, Джентаю ответил: «О Равана, это мне по сердцу».

Услышала Сита Деви, что сказал Джентаю, и запела на птичьем языке *: «Эй, Джентаю, не договаривайся с махараджей Раваной, потому что он не такой человек, чтобы ты мог положиться на него. По-моему, на этой земле, кроме моего господина Сери Рамы, нет ни одного верного человека».

Но Джентаю не понял значения песни Ситы Деви. Он опять заговорил: «Кто же первый укажет место своей жизни?» Равана ответил: «Конечно, я первый скажу». Джентаю согласился: «Ладно, скажи». Равана сказал: «Слушай же, Джентаю, хорошенько выслушай, что я скажу. Если кто-нибудь со мной сражается и не знает, в каком месте моя жизнь, то ему меня никак не убить, пока существует солнце и месяц». Джентаю ответил: «И у меня также». Равана сказал: «О Джентаю, моя жизнь заключена в большом пальце моей ноги». Джентаю ответил: «А моя жизнь — в основании моего крыла».

Услышал махараджа Равана слова Джентаю и чрезвычайно обрадовался. Он издал свой военный клич и схватился за свою дубинку, говоря: «Ну, берегись, сын Ки Субрису!» Джентаю быстро взмыл в воздух, а Равана помчался за ним. Увидел Джентаю, что Равана преследует его, и развернул свои крылья. Повалил черный-черный дым, и Джентаю стал невидим для Раваны. Он вырвал десять ног махараджи Раваны, и сейчас же у Раваны выросло десять новых. Джентаю был

очень изумлен. Равана же в это время быстро ударил своей палицей по основанию крыльев Джентаю. От одного удара сломались крылья Джентаю. Махараджа Равана радостно закричал, а Джентаю без сил упал на землю.

Сита Деви быстро сорвала с пальца кольцо и бросила его Джентаю. Кольцо попало в рот Джентаю. После этого махараджа Равана вернулся в свое царство. Джентаю же поднял глаза к небу и взмолился: «О боже, если возможно, сделай, чтобы я встретился с супругом Ситы Деви по имени Сери Рама».

В это время прилетели две птицы и сели на дерево. Одна птица сказала: «Вот что бывает с человеком, который берется заботиться о женщине. Он ее защищает, пока не погибнет». Вторая птица ответила: «Не говори так, потому что он делает правильно». Обе птицы улетели, Джентаю же опять стал молиться.

СЕРИ РАМА ВСТРЕЧАЕТСЯ С ДЖЕНТАЮ

РОДОЛЖАЕТСЯ рассказ о Сери Рама, преследовавшем золотую и серебряную ланей.

Государь очень гневался, что никак не мог поймать их. Тогда он вынул свою стрелу по имени Гандевати и выстрелил в этих ланей, пронзил их и убил.

Он вырвал дерево, подвесил к нему обеих ланей и пошел назад в свой скит, неся их на плече. Пройдя некоторое время, Сери Рама встретил своего младшего брата Лаксаману.

Сери Рама сказал: «Почему, братец, ты идешь мне навстречу и почему ты оставил свою старшую сестру Ситу Деви?» Тут Лаксамана рассказал своему старшему брату все, как было. Сери Рама выслушал рассказ Лаксаманы, скинул обеих ланей на землю и приказал Лаксамане взять их, а сам воскликнул: «Да убережет Преславный бог Ситу Деви и сохранит ее в живых, где бы она ни была!»

Сери Рама подошел к своему дому, вошел в него и увидел, что супруги его Ситы Деви нет. Сери Рама обратился ко всем женщинам и слугам, которые там были *, с вопросом, где Сита Деви. Все слуги и все придворные девушки склонились, говоря: «О государь, никто из нас не знает, куда отправилась твоя царственная супруга».

Услышав слова придворных девушек, Сери Рама упал на ложе Ситы Деви и пролежал там сорок дней и сорок ночей. Лаксамана же положил голову Сери Рама себе на колени, зарыдал и воскликнул: «О Преславный бог, дай мне, твоему слуге, выходить моего брата Сери Раму». Тогда раздался некий голос, изрекший: «Жалую тебя, Лаксамана, за твой пост, бде-

ние и целомудрие. Сери Рама и Сита Деви будут в разлуке двенадцать лет».

Прошло пятьдесят дней, и Сери Рама открыл глаза. Увидел государь, что Лаксамана держит его голову на коленях, взглянул ему в лицо и сказал: «Что ты слышал о Сите Деви?» Лаксамана смиренно ответил: «О господин мой, я же совсем не знаю, где моя старшая сестра. Но как ты себя чувствуешь сейчас? Пойдем искать ее. Может быть, мы услышим что-нибудь о ней».

Тут Сери Рама отправил всех своих слуг и всех женщин назад в царство Дарвати Пурва к махареси Кали и приказал им сообщить обо всем, что случилось, и об исчезновении Ситы Деви. Сделав это, все слуги вернулись в город Мандура Пура Негара в слезах и печали. Прибыв туда, они доложили, что исчезла Сита Деви и как это произошло. Царица Манду Дари была чрезвычайно опечалена вестью об исчезновении своей царственной дочери Ситы Деви.

А Сери Рама и Лаксамана отправились искать Ситу Деви. Они шли по дремучему лесу. Долгое время они не встречали на своем пути никого, кто бы мог сообщить им что-либо о Сите Деви. Вдруг они увидели на одном дереве птицу с четырьмя самочками. Сери Рама спросил: «Птица, может быть, ты видела, как похитили мою жену?» Птица сказала: «А не тебя ли зовут Сери Рамой? Я слышала, что твое имя прославлено мужеством и храбростью и что на поле боя никто не может тебе противиться. А жену свою ты не уберег. Вот смотри, я один четырех жен умею сохранить, а вы двое не смогли одну твою жену защитить». Сери Рама воскликнул: «Эх, ты, птица-петух, нет у тебя никакой жалости ко мне в такой горе, раз ты ведешь такие злые речи. Молю Преславного бога, пусть твои жены исчезнут с твоих глаз, и ты их больше не увидишь около себя». И соизволил Преславный бог в ту же минуту, чтобы птица ослепла. И хотя все четыре самочки сидели вокруг нее, она их больше не видела.

А Сери Рама и Лаксамана шли день и ночь и нигде не останавливались. Однажды Сери Рама встретил цаплю, которая пила воду, и спросил у нее: «Скажи, цапля, не видела ли ты, как похитили мою жену?»

Ответила цапля: «Государь мой, Сери Рама, я искала себе пропитание в этих местах и увидела отражение в воде этого пруда. Наверно, это махараджа Равана уносил какую-то женщину. На ней было златотканое алое платье, но что это за женщина, я не знаю. Видишь, это лоскуток от ее платья, который она бросила на землю». Сери Рама сказал: «От тебя я впервые услышал точные вести о Сите Деве. Теперь скажи, что мне попросить для тебя у Преславного бога?» Цапля ответила: «О господин мой, я просила бы тебя, чтобы у меня была длинная шея и я могла стоя искать себе пищу под водой озера». Ответил ей Сери Рама: «Хорошо, ты получишь то, что хочешь. Но разве тебе не помешает твоя длинная шея, если на нее набросят веревку? Во всяком случае, я попрошу у Преславного бога, чтобы он исполнил твое желание».

И все случилось, как просила цапля. Рама же отправился с Лаксаманой дальше. Когда они ушли, к пруду подошел ребенок, чтобы поудить рыбу. Увидел он длинную шею цапли, похожую на змею, набросил на нее петлю и понес ее на базар продавать. Когда он нес эту цаплю, повстречались с ним Сери Рама и Лаксамана. Сери Рама сказал: «Вот мальчик несет цаплю». А Лаксамана воскликнул: «Разве ты не узнаешь эту цаплю? Ведь это та самая, которую мы недавно видели». Тогда Сери Рама выкупил ее у мальчика за колечко и сказал цапле: «Ты просила у меня недавно, чтобы у тебя была длинная шея, и вот что из этого вышло. По-моему, лучше бы тебе сидеть в тени где-нибудь на берегу, и пусть четыре самки все время приносят тебе еду. Вот чего бы я хотел». Цапля ответила: «О господин мой, я принимаю твое повеление». Помолился Сери Рама для цапли об исполнении этого желания и затем вместе с Лаксаманой пошел дальше по лесу.

Сери Рама почувствовал жажду и сказал Лаксамане: «Слушай, Лаксамана, поищи мне воды!» Лаксамана спросил: «О господин мой, куда мне идти искать воду?» Сери Рама ответил: «Я спущу стрелу, а ты следуй за ней. Где она упадет, там будет вода». И Сери Рама выпустил стрелу Гандевати, а Лаксамана последовал за ней.

Стрела упала в тихом месте около источника. Лаксамана вытащил стрелу, свернул древесный лист в виде чаши, наполнил ее водой и принес Сери Рама. Сери Рама попробовал пить и почувствовал, что вода очень плохая. Тогда он спросил: «Где ты, братец, взял эту воду?» — «Там, где упала стрела, я и набрал этой воды», — ответил Лаксамана. «Покажи-ка мне, братец, где этот источник», — попросил Сери Рама и отправился вместе с Лаксаманой к источнику. Здесь он увидел, что вода чуть-чуть сочится. «Почему вода чуть-чуть сочится? — удивился Сери Рама. — Вероятно, в истоках этого ручья лежит какое-то большое издохшее животное». И Сери Рама с Лаксаманой отправились вверх по ручью.

Вдруг они наткнулись на какую-то птицу. Она была громадная* — гора-горой, и одно ее крыло было сломано. Сери Рама узнал эту птицу и сказал: «О Джентаю, что же это такое с тобой?» — «О господин Сери Рама, это я сражался с махараджей Раваной», — ответил Джентаю. И он рассказал Сери Рама, как боролся с махараджей Раваной, и прибавил: «Я поднял глаза к небу и попросил у Преславного бога: „Боже, не дай мне умереть раньше, чем я повстречаюсь с государем Сери Рамой и сообщу ему, что его жена похищена махараджей Раваной“. А теперь пусть я умру, а ты сожги меня». Только он успел это сказать, как из его клюва выкатилось колечко, которое бросила туда Сита Деви. И Джентаю прибавил: «Когда я падал на землю, твоя супруга бросила это колечко. Вот оно, государь мой, колечко твоей супруги».

Сери Рама быстро схватил колечко и рассмотрел его. Это, действительно, было колечко его жены, и он очень обрадовался. Вот что сказал Сери Рама: «О Джентаю, вот какова твоя преданность мне, вот как совершенна твоя любовь ко мне!» Джентаю же передал Сери Рама все, что было нужно, и сообщил о великой волшебной силе своего брата. Он сказал: «Когда ты, господин мой, будешь сжигать мой труп, то не делай этого на земле, где живут люди. И когда ты отправишься в страну Лангга Пури, то обязательно пристань к берегу у переправы на Лангга Пури, пото-

му что там находится гора по имени Гендера Ванам. В этой горе живет отшельником мой брат по имени Дасампани. Каждые две недели я отправлялся туда и относил ему пищу».

Сери Рама спросил: «О Джентаю, почему твой брат предается подвигам в этой стране?» Джентаю сказал: «Вот, господин, случилось так, что я и мой брат по имени Дасампани отправились искать пропитание на горах Каф*. Мы взлетели вверх и повстречались с солнцем. Брат обжегся, а меня защитили его крылья. Когда солнце увидало, что случилось с моим братом, оно сказала: „О Дасампани, я вовсе и не знало про тебя. Иди же на гору Гендера Ванам и стань там отшельником“. Когда Маха Бисну воплотится в виде Сери Рама, то он прикажет своему сыну, обезьяне по имени Хануман, и моему брату отправиться туда и спастись на этой горе. Брат не знает о том, что я сейчас умру. Вот почему я прошу тебя, чтобы ты непременно высадился у этой горы». Сери Рама ответил: «Хорошо, о Джентаю, ни одно твое поручение я не забуду выполнить». Исполнив свой долг, Джентаю скончался. А Сери Рама приказал Лаксамане разыскать такое место, где не было бы поблизости людей. Он дал ему трость и сказал: «Вот, Лаксамана, где эта трость вдруг намокнет, там и будет такое место». Лаксамана с этой тростью в руках отправился бродить кругом в поисках подходящего пустынного места, но нигде его не было: везде поблизости были люди. Поэтому Лаксамана вернулся обратно к Сери Рама, говоря: «О господин мой, я обошел все кругом, но нигде не нашел такого места, как ты желаешь».

Тогда Сери Рама сказал: «Ну, Лаксамана, набери дров и сложи их здесь у меня на руке». Лаксамана собрал дрова и сложил их на руке Сери Рама, а затем сжег Джентаю на ладони Сери Рама. Когда спустя некоторое время огонь потух, Лаксамана увидел, что рука Сери Рама несколько не пострадала, и в изумлении еще раз почувствовал волшебную силу Сери Рама. Затем государь и его брат отправились дальше и покинули место сожжения Джентаю.

АЛЬШЕ рассказывает о свирепом буйволе, а также о том, как он убил своего отца и боролся с махараджей Балией.

Один громадный буйвол жил на равнине. Это была очень просторная долина, доходившая почти до города Лагур Катагина. Когда у буйвола рождались буйволята, он убивал всех своих сыновей и каждый день ломал сорок стволов гигантского бамбука на корм многим сотням своих буйволиц. Так вел себя этот буйвол. В то время с ним в стаде не было ни одного буйвола. Он их всех убивал, так же как и своих сыновей. Однажды забеременела одна буйволица. Когда пришло ей время телиться, она ушла далеко-далеко, чтобы там произвести на свет своего буйволенка. Она нашла каменную пещеру в скале, вошла в нее и там отелилась бычком. Тогда она оставила его в этой пещере, а сама вернулась к множеству своих подружек. Каждый день она приходила в эту пещеру напоить молоком своего сына. Спустя некоторое время ее сын вырос.

Однажды буйволенок спросил о своем отце. Он попросил: «Скажи мне, мать: кто мой отец?» Мать отвечала: «О сын мой, не спрашивай о своем отце. Если он увидит тебя, то тебе не выжить». Бычок спросил: «Какова же сила моего отца?» Мать отвечала: «Отец твой так силен, что каждый день ломает сорок стволов гигантского бамбука на еду всем своим женам». Тогда буйволенок стал делать все то, что делал его отец. И каждый день он ломал сорок стволов гигантского бамбука.

Прошло немного времени, и буйволенок стал больше своего отца. Тогда он попросил свою мать: «Проводи меня, матушка, к моему отцу». Буйволица видела,

что ее буйволенок намного перерос своего отца и что его копыта гораздо больше, чем копыта отца. Она поняла, что он может бороться со своим отцом. Тогда она привела его на равнину, где он мог встретить отца.

Когда старый буйвол издали увидел другого буйвола-самца, который шел по равнине, он бросился выгонять его. Они встретились и стали биться и билась с раннего утра до полудня. На месте их боя поднялась такая пыль, что стало совсем темно. Вот как храбры были оба эти буйвола. Полдня они билась, а потом свирепый буйвол был убит своим сыном. И молодой буйвол покрыл всех буйволиц, которые были женами его отца. Не знало это животное, что хорошо, что плохо. И каждый день буйвол ломал пятьдесят стволов гигантского бамбука, чтобы накормить ими все множество своих жен. Вот что можно сказать о его отваге.

Однажды буйвол отправился искать себе противника. Он наткнулся на громадный муравейник и разбросал его своими рогами. Когда он раскидал весь муравейник, то множество муравьев было разбросано и половина погибла, растоптанная буйволом. Однако все умные муравьи сказали: «Эй, бешеный буйвол, сперва ты убил своего отца, а теперь пришел к нам, слабым и бессильным существам, и на нас ты показываешь свою отвагу. Уж если ты хочешь показать свою отвагу, то ступай в город Лагур Катагина к махарадже Балии — владыке всех обезьян: макак, черных обезьян и гиббонов. Вот там ты и показывай свою смелость и силу».

Послушал бешеный буйвол речи муравьев и отправился в город махараджи Балии. Дойдя до города Лагур Катагина махараджи Балии, он с радостью ударил в ворота этого города. Махараджа Балия сидел в это время со всеми своими военачальниками и со всем своим войском. Услышав шум, который производил этот буйвол, Махараджа Балия удивился и спросил: «Что это за шум у ворот города, что за страшный грохот?» И, обратившись к одному из своих вестников, он повелел: «Ступай посмотри, что это за шум!»

Вестник немедленно побежал. Он увидел, что громадной величины буйвол со страшным шумом и яростью бьет в ворота города. Вестник вернулся и доложил обо

всем махарадже Балии. Махараджа Баля приказал вестнику: «Ступай снова к этому буйволу и спроси, чего он хочет, зачем он пришел к моему городу и почему он показывает свою силу у моих ворот». Вестник снова побежал и передал буйволу все, что приказал махараджа Баля. Бешеный буйвол ответил: «О вестник, я слышал, что махараджа Баля чрезвычайно храбрый и отважный и что ему никто не смеет противиться. Поэтому я и пришел сюда, желая проявить свою храбрость и померяться с ним силой. Ступай-ка обратно к своему радже и доложи ему все, что я сказал».

Когда вестник доложил все махарадже Балии, тот повелел: «Иди, мой вестник, спроси у этого буйвола, где он желает бороться со мной». Гонец отправился к буйволу и крикнул: «Эй, бешеный буйвол, махараджа Баля повелевает спросить тебя: в каком месте ты желаешь бороться с великим махараджей?» Буйвол ответил: «Скажи князю Балии, вестник, что я желаю бороться с ним в каменной пещере».

Выслушав слова бешеного буйвола, гонец доложил их Балии. Махараджа Баля изволил повелеть своему брату князю Сугриве: «О брат мой, я пойду сражаться с бешеным буйволом в каменной пещере. Поручаю тебе всю свою семью и всех обитателей дворца. Заботься обо всем хорошенько. Если из пещеры потечет белая кровь, это значит, что я убит, если же потечет красная кровь, то, очевидно, убит бешеный буйвол». Сказав это, махараджа Баля отправился и вошел в пещеру.

Как только махараджа Баля оказался перед буйволом, тот напал на него. Махараджа Баля сразу же схватил бешеного буйвола за рога и швырнул его о камень. Буйвол упал на камни и сдох. Из него брызнула кровь и вытекла через отверстие пещеры.

Когда Сугрива увидел эту кровь, которая снизу была белая, а сверху красная, то он подумал, что белая кровь — это кровь махараджи Балии, а красная кровь — кровь бешеного буйвола. Он решил, что махараджа Баля скончался, а бык тоже убит. Сугрива приказал завалить вход в пещеру громадными камнями, а сам немедленно возвратился во дворец махараджи Балии. Там он взшел на престол и сел на трон, на

котором обычно восседал махараджа Балия. Он приказал позвать всю семью махараджи Балии, желая взять его супругу себе в жены. Супруга махараджи Балии сказала: «Выжди сперва хотя бы семь дней. Если махараджа Балия не прибудет, тогда мы будем выполнять твою волю». Сугрива промолчал.

Когда бешеный буйвол сдох, махараджа Балия захотел выйти наружу. Он увидел, что отверстие пещеры завалено громадными камнями. Тогда он ударил ногой, и камни, закрывавшие пещеру, рассыпались. После этого махараджа Балия вышел из пещеры, вернулся в город и вошел к себе во дворец. Он застал Сугриву восседающим на княжеском троне. Ведь Сугрива уже считал себя князем! Когда махараджа Балия увидел все это, он очень разгневался и прыгнул к Сугриве. Сугрива же, увидев входящего махараджу Балию, быстро соскочил с трона. Махараджа Балия воскликнул: «Эй, Сугрива, чего ты захотел? Как ты смел своевольничать в моем дворце!»

Сугрива смиренно ответил: «Ты, государь, приказал мне: „Если потечет белая кровь, значит, я скончался, а если потечет красная кровь, значит, сдох бешеный буйвол“. Я увидел, что вытекла и красная кровь и белая кровь, и решил: „Если так, значит, умерли оба“. Махараджа Балия возразил: «Прежде всего ты должен был все проверить. Просто тебе захотелось сесть на мой трон и взять мою жену. Если у тебя такой характер, то тебя уж не исправишь». И махараджа Балия подошел, схватил Сугриву за пояс и швырнул его в дикую чашу леса. А сам он поднялся на княжеский трон и воссел перед всеми князьями и своим войском.

Сугрива, брошенный махараджей Балией, упал на какую-то лужайку и сидел на этом месте, горюя и заливаясь слезами. Тут Сугрива остался отшельником, без еды и питья, испытывая голод и жажду, вспоминая о своей семье и говоря: «Да свершится надо мной воля Преславного бога!» Когда он предавался отшельническим подвигам, то, по воле Преславного бога, гной из его глаз стал горой, а слезы стали рекой, которая понесла свои воды. Сам же Сугрива сидел в этой горе, испытывая голод и жажду. Так это и продолжалось.

ВСТРЕЧА СЫНА С ОЦОМ

ЕПЕРЬ продолжается рассказ о Ханумане.

После того как он испросил у матери Деви Анджани разрешения идти искать своего отца, он отправился к своему деду санг Пердане. Санг Пердана был большой чародей. Придя к скиту, где спасался санг Пердана, Хануман почтительно поклонился

ему. Санг Пердана знал, что это пришел его внук Хануман. Он сразу же приветствовал его и сказал: «Милый мой Хануман, чего тебе надо, зачем ты пришел ко мне?» Сери Хануман почтительно ответил: «О господин мой, я пришел к тебе потому, что хочу узнать о моем отце. Если ты мне милостиво разрешишь, то я пойду искать его».

Выслушал санг Пердана слова сери Ханумана, помолчал, а потом сказал: «Внук мой, пойдика ты сперва разыщи своего дядю, махараджу Балию. Вот ведь махараджа Сугрива пошел против твоего дяди, махараджи Балии, чтобы его убить. И если кто-нибудь сразу узнает длинные серьги в твоих ушах, это и будет твой отец».

Сери Хануман слушал санг Пердану и вдруг почувствовал острый голод. Он увидел тамаринд, густо усыпанный плодами. Тогда Хануман распрощался с санг Перданой, прыгнул на этот тамаринд и принялся пожирать его плоды. В это время Сери Рама еще спал под тамариномом, положив голову на колени к Лаксмане. Увидел Хануман, что это человек необычайной красоты, и еще заметил он, что человек этот, по-видимому, спит чрезвычайно крепко, а другой держит у себя на коленях голову спящего. Хануман понял *, что сон его продолжается уже три дня и три ночи. Человек лежал неподвижно, и тот, кто держал его голову

на коленях, тоже не двигался. Тут сери Хануман подумал: «Кто бы это мог быть? Он очень почиттелен к своему брату и заботлив».

В это время Лаксамана заметил белую обезьяну, которая сидела, скорчившись, на ветвях тамаринда и грызла его плоды. Тогда сери Хануман схватил сучок тамаринда и швырнул его в Лаксаману. Затем он принялся кидать в Лаксаману листьями и веточками, а Лаксамана сразу же их ловил. Когда Хануман увидел, что не может попасть в Лаксаману, он страшно рассердился. В конце концов он увидел, что у Лаксаманы только три стрелы. Тогда сери Хануман быстро спустился с тамаринда и попытался отнять у него эти стрелы. Лаксамана не дал их, а схватил сам. Но Хануман пересилил, выхватил стрелы и опять быстро взобрался на тамаринд.

Увидев силу Ханумана, Лаксамана очень удивился и разбудил Сери Раму. Сери Рама вздрогнул и проснулся со словами: «Ах, Лаксамана, зачем ты меня разбудил? Я очень сладко спал». Лаксамана ответил: «Господин мой, я действительно осмелился разбудить тебя, когда ты еще спал. Меня закидали веточками тамаринда. Правда, веточки меня не задели, потому что я отбросил их все. После этого сверху спустилась обезьяна, подбежала и вырвала у меня все твои три стрелы и опять залезла с ними на тамаринд. Вот почему я решился разбудить тебя, государь».

Когда Сери Рама услышал этот рассказ, он спросил: «О Лаксамана, куда же умчалась эта белая обезьяна? Ведь ее не видно на тамаринде! Раз она там, так почему же она не показывается? Может быть, ты, дорогой братик, жалеешь, что последовал за мной, не хочешь оставаться со мной, так иди, братец, домой к матери и становись там царем, а я один пойду искать Ситу Деву».

После таких слов Сери Рама Лаксамана стал молиться, и по воле Преславного бога тамаринд немедленно сделался маленьким. И Сери Рама увидел Ханумана — очень красивую белую обезьяну. Тут Сери Рама заметил: «Смотри, братец Лаксамана, видишь у этой обезьяны в ушах серьги?» Хануман услышал сло-

ва Сери Рамы, быстро спустился с тамаринда и палниц у ног Сери Рамы, Сери Рама сказал: «Знаешь ли, братец Лаксамана, очевидно, эта обезьяна — мой сын». Лаксамана выслушал слова Сери Рамы и улыбнулся.

Сери Рама спросил: «Эй, белая обезьяна, как твое имя, и откуда ты пришла?» Сери Хануман почтительно ответил: «О господин мой, меня зовут Хануман, а имя моей матери — Деви Анджани. Она дочь махараджи бегавана Гутамы, а бегаван Гутама — сын санг Перданы».

Услышав ответ Ханумана, Сери Рама очень обрадовался и сказал: «Эй, Хануман, ты сейчас куда собираешься?» Сери Хануман поклонился и ответил: «Сейчас собрался я пойти в город Лагур Катагина. Я хотел повидать своих дядей — махараджу Балию и махараджу Сугриву. Махараджи Сугривы теперь уже нет в городе, потому что он повздорил с махараджей Балией. Но теперь я никуда не пойду, потому что хочу быть с тобой».

Сери Рама предложил: «Вот что, Хануман, ступайка сначала к твоему дяде махарадже Балии, потому что я еще не знаю, куда я пойду». Сери Хануман ответил: «Если ты будешь идти даже год или тысячу лет, я все равно хочу следовать за тобой куда угодно». Сери Рама возразил: «Нет, все-таки ты иди сперва к своим дядям, а если я захочу с тобой встретиться, то не сомневайся, я назову твое имя, и ты сейчас же приходи ко мне». Хануман припал к ногам Сери Рамы и Лаксаманы и затем отправился в город Лагур Катагина. Когда он прибыл туда, то вошел прямо к махарадже Балии. В это время махараджа Баляя принимал всех своих военачальников и войско. Увидев, что вошел Хануман, его племянник, он очень обрадовался. Хануман распростерся перед махараджей Балией. Тот обнял его и поцеловал. И Хануман остался в городе Лагур Катагина.

Дальше следует рассказ о Сери Рамае.

Он продолжал идти с Лаксаманой. Через некоторое время государь почувствовал, что очень хочет пить, и попросил Лаксаману: «Пойди-ка, братец, поищи воды, потому что я испытываю страшную жажду».

Лаксамана ответил: «Хорошо, государь, но где мне искать воду? Я не знаю, потому что мы идем среди гор». Сери Рама спустил свою стрелу и приказал Лаксамане следовать за ней. Стрела привела Лаксаману на то место, куда махараджа Балия бросил Сугриву. Стрела упала в лужицу. Лаксамана сорвал с дерева лист, сделал из него чашу, зачерпнул воды из лужицы, поднял стрелу и вернулся назад. Как только он пришел, Сери Рама захотел выпить воду. Вода отдавала слезами. Сери Рама спросил: «Братец Лаксамана, где ты взял эту воду?» — «В том самом месте, куда упала твоя стрела», — ответил Лаксамана. «Скорее покажи мне это место!» — попросил Сери Рама.

Государь отправился к месту, где была взята вода. Придя туда, Сери Рама увидел, что вода эта течет с горы. Они поднялись на гору и подошли к тому месту, откуда сочилась вода. Они увидели громадное озеро. На берегу этого озера лежали рыбы кости десятками куч, каждая величиной со слона. Сери Рама и Лаксамана заметили, что над этой горой есть еще одна гора. Сери Рама сказал: «Давай пойдем туда». Государь отправился на эту гору. Под горой они увидели берлогу. Из берлоги вылез раксаса, ростом с гору, телом, как туча, с громадными черными пальцами и волосами, как пламя, длиной в семь деп. Когда раксаса встал, то оказался ростом с гигантский бамбук.

Когда Сери Рама и Лаксамана увидели его, раксаса заорал: «Эй, люди, откуда вы взялись и как вас зовут?» Лаксамана ответил: «Я вот Лаксамана, а это мой брат по имени Сери Рама». Сери Рама прибавил: «Я пришел сюда, потому что ищу свою супругу, которую у меня похитили. Ну, а тебя как зовут?» Раксаса зарычал: «Мое имя Дати Дженггала. Я здесь спасаюсь уже тысячу лет. Говорят, что имя моего отца было Сарата Махараджа. Он был благороднейший, и милосерднейший, и храбрейший. А вы, может быть, какие-нибудь чародеи? Как это вы сумели добраться до моего жилья? Если вы хотите меня убить, то как вам угодно, но я буду сопротивляться, насколько хватит сил, а если желаете мне добра, то, может быть, у меня найдется тоже какая-нибудь волшебная сила».

Сери Рама сказал: «Слушай, раксаса, мне никогда даже в голову не приходило поступить дурно с каким-нибудь раксасой или даже зверем лесным. Если же кто-нибудь желает сделать что-либо плохое раксасе или если раксаса захочет сделать мне что-либо дурное, то я, конечно, буду сопротивляться этому изо всех сил».

Когда раксаса Дати Дженггала услышал такие слова Сери Рамы и увидел, что его тело цвета изумруда, он пал к ногам Сери Рамы, говоря: «Уже ясно, что ты, господин, внук Маха Бисну — ведь твоё тело цвета изумруда! Очевидно, мне подобает служить тебе. Если бы я не имел намерения спастись здесь две тысячи лет, то, конечно, последовал бы за тобой, сколько бы у меня хватило сил, куда бы ты ни шел». Затем раксаса Дати Дженггала добавил: «О господин мой, припадаю к твоим ногам, чтобы доложить тебе: когда ты пойдешь отсюда, то во всяком случае не ходи по левой дороге, а иди только по правой, и тогда ты выйдешь к многолюдному городу».

Сери Рама выслушал эту речь Дати Дженггалы, а затем они вместе с Лаксаманой спустились с горы.

МАХАРАДЖА БАЛИЯ УМИРАЕТ

БА ЦАРЕВИЧА пошли по той дороге, которую им указал раксаса. Через некоторое время они вышли на какое-то поле и Сери Рама почувствовал страшную жажду. Он спустил свою стрелу и сказал: «Пойди за ней, братец». Лаксамана последовал за стрелой. Стрела упала около какой-то маленькой речки.

Он взял лист, сделал из него чашу и зачерпнул ею воды, захватил также стрелу и все отнес к Сери Рама. Как только Сери Рама получил воду, он тотчас же выпил ее. Вода была на вкус соленой и пьянящей. Сери Рама спросил: «Лаксамана, где ты взял эту воду?» Лаксамана ответил: «Там, куда упала стрела». Сери Рама сказал: «Пойдем-ка туда». Они пошли к источнику.

Когда они пришли, Сери Рама увидел, что это вовсе не вода. Это были слезы. Сери Рама промолвил: «Давай, братец, пойдем проследим, откуда течет эта вода». Пошли они вверх по течению ручейка и шли с утра до полудня. Тут Сери Рама и Лаксамана издали увидели гору, из которой вытекала вода. Сери Рама и Лаксамана удивились. Вот о чем говорили оба царевича: «То, что высится там, — явно гной из глаз. Какая воля Преславного бога может скрываться за всем этим?» Думая таким образом, Сери Рама ткнул в землю своим посохом. Сразу же образовался пруд замечательной красоты. Оба брата-царевича выкупались в этом пруду, а потом помолились Преславному богу. Затем Сери Рама подошел к тому месту, где сидел Сугрива, и сказал: «Кто ты таков, раб божий, и чего ради ты в таком виде?»

Махараджа Сугрива услышал человеческий голос и подумал: «Кто бы это мог быть и как он мог сюда добраться? Раз уж так, то лучше бы мне выйти к нему навстречу. Наверно, это волшебная помощь мне. Может быть, Преславный бог помог этому человеку!» И махараджа Сугрива вышел из груды глазного гноя. Он увидел двух юношей, изумительно красивых лицом и осанкой. Один из них был как Маха Бисну, которому никто не может противиться, а другой выглядел как орел, о сопротивлении которому нельзя даже и говорить. Видя это, Сугрива упал к ногам Сери Рама.

Сери Рама спросил: «Ну, обезьяна, как твое имя и чего ради ты спасаешься здесь в таком положении?» Махараджа Сугрива смиренно ответил: «О господин мой, царь вселенной, я тот, кого называют Сугрива, брат махараджи Балии, царя всех обезьян — макак, черных обезьян, лемурув и гиббонов, князя города Лагур Катагина». Сери Рама спросил опять: «О махараджа Сугрива, по какой причине ты спасаешься в таком месте и почему ты проливаешь слезы?» Махараджа Сугрива смиренно ответил: «О господин мой, я плачу и спасаюсь в этом месте потому, что мой злодей брат взял мою молодую жену, а меня избил, схватил и бросил сюда. Вот в чем причина. А твоя милость кто будет и чего ради ты пришел сюда?» Сери Рама сказал: «Мое имя — Сери Рама, а имя моего брата — Лаксamana. Я сын Дасараты Махараджи и внук Дасараты Чакравати. Я пришел сюда потому, что ищу свою похищенную супругу. По слухам, похититель моей супруги — махараджа Равана. Теперь я в пути, чтобы узнать, где находится его страна».

Услышав слова Сери Рама, Сугрива сказал: «Если ты, господин мой, действительно сможешь мне убить моего брата и взять назад мою супругу, то я покажу тебе город Раваны. Я выполню всякое дело, которое ты поручишь мне, и помогу тебе в борьбе с Раваной. Народ мой чрезвычайно многочислен. А сейчас я приглашаю тебя к себе».

Сери Рама согласился: «Если так, хорошо, отведи меня в дом твоего брата, чтобы я смог помочь тебе».

Сугрива был очень счастлив. Он подумал: «Брат мой махараджа Балия удивительно отважен. Даже махараджа Равана не может бороться с ним. Даже рак-саса по имени Кети Бехара, у которого три тысячи голов и шесть тысяч рук и который ловит рыбу в глубинах морских, а жарит ее на солнце, — даже он не может убить махараджу Балию. Но, по преданию, махараджу Балию убьют два человека. Если так, то следует мне испытать сперва этих двоих. Ведь я вижу, что они люди смелые и владеют волшебными силами». И махараджа Сугрива поклонился Сери Рама, говоря: «Давай, господин мой, пойдем ко мне в город».

Махараджа Сугрива повел Сери Рама и Лаксаману в лес Андана. Бор этот раскинулся на четыре йоджаны, а росли в нем только веерные пальмы. Сери Рама знал, чего хочет Сугрива. Сугрива желал испытать его и боялся, что они не убьют махараджу Балию. «Куда мы пойдем, Сугрива, и какой дорогой мы идем?» — спросил у Сугривы Сери Рама. Махараджа Сугрива отвечал: «О господин мой, если ты спрашиваешь об этой дороге, то это дорога к моему брату».

Некоторое время спустя они прибыли в лес Андана. Сери Рама увидел, что в нем множество веерных пальм, даже сосчитать нельзя. Сугрива почтительно поклонился и сказал: «О господин мой, если будет твоя милость ко мне, то пусти стрелу в эти веерные пальмы, чтобы прострелить их все мне на забаву». Сери Рама улыбнулся и сказал: «Слушай, Сугрива, если ты хочешь посмотреть, как я стреляю из лука, то идите вместе с Лаксаманой и сядьте далеко-далеко, чтобы я мог прострелить веерные пальмы». Сугрива пошел вместе с Лаксаманой, и они укрылись под защитой большой скалы. Это было примерно в ста депах от того места, откуда стрелял Сери Рама. Сери Рама спустил стрелу по имени Гандевати и сказал при этом: «Эй, Сугрива, смотри хорошенько».

Выстрелил Сери Рама, и все дикие животные и все зверье поггло, а все деревья были разбросаны. Из этой стрелы вырывалось пламя. Сери Рама издал военный клич и послал другую стрелу, и она летела с таким грохотом, как будто ударил гром. Все холмы запылали.

Пламя же вздымалось к небу. Тут махараджа Сугрива и Лаксамана потеряли сознание и не могли прийти в себя, потому что были оглушены этим громом. Еще одна стрела превратила лес в поле.

Лаксамана и Сугрива вздрогнули и поднялись. Они увидели, что все до единой веерные пальмы уничтожены. Сери Рама посмотрел на Лаксаману и Сугриву. Оба они склонились к его ногам. Сугрива же был потрясен, увидев, какой великий и могучий вождь был Сери Рама. Государь улыбнулся.

После этого Сугрива повел Сери Раму к лесу. Лаксамана увидел там семь деревьев нангка* — каждое в семь обхватов. Росли они все на спине громадной змеи, змея же была величиной с гору. Когда она извивалась, то и деревья нангка сгибались, а когда выпрямлялась, то нангка выстраивались в ряд.

Сугрива почтительно предложил: «Подойдем к этим нангка». Сери Рама подошел к тому месту, где лежала змея. Тут он увидел, что змея извивается. Сери Рама наступил ей на хвост. Змея вздрогнула и выпрямилась — все нангка стали в ряд. В это время стрела по имени Гандевати летела назад. Она пронзила весь ряд деревьев, и все они развалились.

Тогда Сугрива повел Сери Раму в город. Когда они дошли до развилки дорог, Сугрива пошел с ними в глубь леса, называемого Маркас. В этом лесу Сери Рама и Лаксамана увидели гору высотой от земли до неба. Сери Рама сказал: «О Сугрива, как называется эта гора? Она очень высока и громадна». Сугрива ответил: «О господин мой, это кость раксасы по имени Кети Бехара, убитого моим братом. У этого раксасы было три тысячи голов, шесть тысяч ног и шесть тысяч рук, а также шесть тысяч жен. Когда его жены желали купаться в море, то он набирал морской воды в руки, чтобы не мешать соленую воду с пресной. Махараджа Равана напал на этого Кети Бехара, но не одолел его. Когда же Кети Бехара встретился с моим братом махараджей Балией в этом лесу, тут ему и смерть пришла. Мой брат убил его». Сери Рама воскликнул: «Вот какую тварь создал Преславный бог!»

«О господин мой, прострели эту кость, чтобы она

рассыпалась», — попросил Сугрива. Сери Рама ответил: «Нет, я не хочу стрелять в эту кость, потому что жаль мне и моей стрелы и кости раба».

Он подошел и провел по этим костям большим пальцем ноги, и кости рассыпались и скатились в море. Так Сугрива познал силу Сери Рамы. Он удивился, очень обрадовался и припал к ногам Сери Рамы, говоря: «О господин мой, если ты так силен, то сможешь убить моего брата. Когда ты пообещал мне помощь, то я усомнился сердцем, потому что еще не знал твоей силы и мощи. Теперь я уверен, что ты мне поможешь». Выслушал его Сери Рама и улыбнулся, а затем сказал: «Ну, Сугрива, теперь немедленно отведи меня к своему брату». Так и пошли они втроем к городу Лагур Катагина.

Через короткое время они подошли к городу. Сери Рама сказал: «Сугрива, проводи меня теперь к своему брату. Как только мы дойдем до города, ты немедленно войди в него и вызови своего брата на бой. И только ты с ним схватишься, я выстрелю в него».

Выслушав эти слова Сери Рамы, Сугрива вошел в город. Входя, он воскликнул: «Эй, Балия, выходи немедленно сразиться со мной, мы поборемся один на один, потому что я уже окончил свои отшельнические подвиги».

Как только махараджа Балия услышал, что пришел махараджа Сугрива и вызывает его выйти из крепости и сразиться с ним, он подумал: «Очевидно, махараджа Сугрива очень уверен в себе и слишком высокого о себе мнения. Ишь, как он держится!»

А махараджа Сугрива опять кричит: «Эй, махараджа Балия, давай выходи из своей крепости, чтобы нам схватиться один на один, потому что я уже окончил свой отшельнический подвиг. Или, может быть, ты боишься меня? Тогда поклонись мне твоими детьми и женой».

Услышал махараджа Балия речи Сугривы и страшно разгневался. Он тут же вышел из крепости и увидел, что Сугрива стоит посреди поля. Тогда он немедленно напал на него и стал его бить и колотить. Сугрива был весь избит и окровавлен.

В это время Сери Рама хотел выстрелить в махараджу Балию, но увидел, что махараджа Баляя одного роста с Сугривой и очень похож на него. Он хотел стрелять с опушки леса, но побоялся, что поранит Сугриву из-за его сходства с махараджей Балией. Сери Рама остановился. В это время махараджа Баляя повалил Сугриву на землю. Сугрива, весь окровавленный и опухший, вскочил, вырвался и бегом бросился к опушке леса к Сери Рама. Махараджа Баляя же возвратился в свой дворец.

Как только Сугрива добежал до Сери Рама, он спросил: «О господин мой, ты же обещал, что поможешь мне. Я себя сейчас так чувствую, словно все мое тело разбито, а ты мне ничем не помог». Сери Рама ответил: «О махараджа Сугрива, как же я мог стрелять в этого махараджу Балию, когда на мой взгляд вы совершенно одинаковы? А если бы я поразил тебя?! Давай я теперь отмечу тебя, чтобы отличить».

Сери Рама взял древесный корень и привязал его к поясу Сугривы; потом взял лист арековой пальмы и привязал его Сугриве сзади пониже спины. Затем Сери Рама сказал: «Теперь иди и сцепись со своим братом * на том же месте, что и вчера».

Сугрива сейчас же побежал и вновь вызвал махараджу Балию драться. Подойдя, он закричал: «Эй, Баляя, выходи биться со мной один на один!» Махараджа Баляя, услышав, что Сугрива вызывает его сразиться, расхохотался во все горло, вышел из своего дворца, набросился на Сугриву и принялся его бить.

В то время как махараджа Баляя колотил Сугриву, Сери Рама пустил в него свою стрелу. Раджа Баляя схватил стрелу Сери Рама, говоря: «Кто это стреляет в меня, я ведь ни в чем не виноват». Сери Рама вышел из леса, показавшись и сказал: «Это я, Сери Рама, сын Дасараты Махараджи».

Махараджа Баляя воскликнул: «Как же так, ты ведь царь благородный, милосердный, мудрый, богатый и верный! Я слышал о твоей отваге, гремящей по всему свету. Почему же сейчас ты прислушиваешься к словам Сугривы, не проверяя, кто прав, а кто виноват? Ведь этот Сугрива — предатель и лжец!» Сери

Рама промолвил: «О махараджа Балия, Сугрива сказал, что ты его преследуешь, он просил у меня помощи, поэтому я побеседовал с ним и обещал ему помощь». Балия возразил: «Если ты сначала соизволишь выслушать мой рассказ так же, как и то, что тебе сказал Сугрива, то разреши мне повести речь».

Тут махараджа Балия рассказал Сери Рама все как было, с самого начала и до конца. И потом махараджа Балия добавил: «О Сери Рама, вот Сугрива сказал, что он тебе поможет. Как же он сможет это сделать?! Я же без большого труда смогу достать твою супругу».

Сери Рама сказал: «Если так, то давай сюда мою стрелу». Махараджа Балия возразил: «Как же я смогу вернуть тебе стрелу? Ведь как только я выпущу ее из руки, она опять постарается меня пронзить». Сери Рама настаивал: «Возвращай же мне стрелу».

И тогда махараджа Балия сказал: «О Сери Рама, если даже мне суждено умереть в твоих руках, я готов, лишь бы только ты стал моим другом». Он улыбнулся и продолжал: «Разве ты не знаешь обычая твоей стрелы? Раз она спущена с тетивы, то выполнит до конца все, что ты предполагал, и только после этого вернется к тебе. Ведь я точно знаю, что эта стрела сначала была оружием Маха Бисну, так как господин твой дед был сыном Маха Бисну. Я древний государь, поэтому я знаю слова санг Перабу Кала. Я такой же, как и Дасарата Чакравати и твой отец Дасарата Махараджа, они мне деды. Кроме меня, остался еще один старый государь — махараджа бегаван Дати Кутама, отец махараджи Дати Кавачи, дед махараджи Балии Кесы Дими в восточной стороне. На всем свете только он один не подчиняется махарадже Раване, о котором я говорю. Этот махараджа Равана очень любезен со мной».

Когда Сери Рама выслушал все сказанное махараджей Балией, он захотел взять стрелу из руки Балии раджи, но махараджа Балия не дал ему, а бросил стрелу на землю. Стрела взлетела вверх и, падая, пронзила махараджу Балию. Махараджа Балия сейчас же схватил Сери Раму за руку и сказал ему: «О Сери

Рама, ты действительно отважный и сильный воин, а также сын великого и отважного государя. Дай же мне твердое обещание выполнить мои слова». Сери Рама спросил: «О махараджа Балия, какое обещание ты хочешь получить от меня?» И махараджа Балия произнес: «О Сери Рама, вот обет, которому ты не изменяй и который непременно исполни. Во-первых, не отдавай мою жену Сугриве и, во-вторых, обязательно возлюби вот этих двух людей: одного зовут Анггада, а другого — Нила. Непременно держи их в своем сердце. Сугрива не сможет выполнить то, что тебе нужно, потому что он лжец. А поможет тебе мой племянник по имени сери Хануман. Он все может сделать. Вот это я возлагаю на тебя, а также поручаю тебе своего племянника и весь мой народ». Сказав все это, махараджа Балия выпустил руку Сери Рамы и испустил дух. Из него вырвалось сияние, громадное, как закат, и устремилось к небу.

Сери Рама приказал Сугриве обмыть останки махараджи Балии, а Лаксамана обтер их, Сери Рама же поливал воду. Когда омовение было закончено, Сери Рама повелел Сугриве: «Ступай, достань душистого растения келамбак *, алоэ, камфары и кестури * и все это сложи в костер, а затем предай на нем сожжению тело махараджи Балии». Затем Сери Рама с Сугривой отправился во дворец махараджи Балии.

В это время все жители города Лагур Катагина, большие и малые, старые и молодые, — все собрались и явились к Сери Раме. Была среди них тогда одна старая обезьяна по имени патех Джембуана, дядя по отцу махараджи Балии. Сери Рама повелел: «Патех Джембуана, ты будешь господином всего этого множества обезьян, а под тобой Сугрива, а под Сугривой — Хануман, а под Хануманом — Нила Анггада, а под Нилой Анггадой — сын махараджи Балии по имени Нула Нила, а под Нулой Нилой — Анггада Махабиру, а под Анггадой Махабиру — Каранг Туюл, под Карангом Туюлом — Анула Нила, под Анулой Нилой — все князья обезьян: макак, лемурув и гиббонов».

И все эти князья присутствовали и сидели перед Сери Рамой с трепетом и почтением.

ВСТРЕЧА ЧЕТЫРЕХ БРАТЬЕВ

АЛЬШЕ следует рассказ о матери Сери Рамы.

После того как Сери Рама отправился в свое странствование, царица Манду Дари очень горевала из-за разлуки со своими царственными детьми. А через некоторое время ее горе возросло, потому что исчезла супруга ее сына и он углубился

в глухой девственный лес в поисках ее. Вскоре царица Манду Дари захворала и после короткой болезни скончалась.

Как только Манду Дари скончалась, Бердана и Читрадана сообщили об этом Пуросте махареси. Пуроста махареси приказал: «Слушайте, Бердана и Читрадана! Если дело обстоит так, то отправляйтесь сообщить об этом государям Сери Рама и Лаксамане». Бердана и Читрадана поклонились и спросили: «О владыка, как нам узнать, где они? Ведь мы уже много лет не знаем, где обитель Сери Рама и Лаксаманы, и не имеем о них никаких известий!» Пуроста махареси промолвил: «Сери Рама и Лаксамана находятся в городе Лагур Катагина, в стране махараджи Балии, царя всех обезьян — черных обезьян, макак, лемуров и гиббонов. Если вы хотите встретиться с ними, то отправляйтесь туда».

Услышав эти слова, Бердана и Читрадана поклонились Пуросте махареси и вернулись посоветоваться со всеми князьями и министрами. Бердана и Читрадана сказали: «Лучше всего нам пойти поклониться государю. Все, что государь прикажет, мы выполним. Пока еще была жива царица Манду Дари, она царствовала в этом государстве, заменяя его величество государя Сери Рама. А теперь она скончалась. Что вы посоветуете?»

По окончании этого обсуждения Бердана и Читрадана приказали министру Махараме Суре: «Слушай, дядюшка, теперь ты должен следить за этим государством, потому что мы оба сейчас пойдем в город Лагур Катагина искать наших старших братьев — Сери Раму и Лаксаману». Всем остальным князьям Бердана и Читрадана приказали: «Слушайте, князья и министры. Оставайтесь охранять государство, исполняйте все, что вам скажет наш дядя, министр Махарам Сур, и делайте так, как он вам прикажет».

Отдав эти повеления, Бердана и Читрадана сделали для царицы Манду Дари золотой гроб, а затем начали готовиться, чтобы со всем войском идти к Сери Раме и Лаксамане. Они выступили со всеми раджами и направились к городу Лагур Катагина. Во время своего пути они миновали многие сотни гор, полей и дремучих лесов, много громадных и удивительных рек, они переваливали через горы и следовали по течению рек, которые быстро несли свои воды среди полей. Так они достигли города Лагур Катагина.

Когда Сери Рама получил известие, что Бердана и Читрадана прибыли к нему и к Лаксамане, он очень обрадовался и сказал: «О братец Лаксамана, давай пойдем навстречу нашим младшим братьям». Они собрались и отправились. Патех Джембуана, Сургива, Нила Анггада, Анггада Махабиру, Нула Нила и Каранг Туул — все они пошли проводить Сери Раму и Лаксаману и приветствовать Бердану и Читрадана.

Как только Бердана и Читрадана увидели своих старших братьев Сери Раму и Лаксаману, идущих их приветствовать, они немедленно спустились со своих слонов и подбежали припасть к ногам Сери Рамы и Лаксаманы. Однако Сери Рама и Лаксамана подхватили их, обняли и расцеловали. Все четверо братьев прослезились. После этого они двинулись в путь, вошли в город, а затем и во дворец. Бердана и Читрадана сели на троны у ног Лаксаманы. Затем они подошли и почтительно обратились к Сери Раме, говоря: «О государь, мы прибыли сюда сообщить твоему величеству, что матушка скончалась и что мы подготовили останки нашего отца к сожжению. Если будет на то ми-

лость твоего величества, то вернись в свое государство, где мы оба правили в городе Мандура Пура Негара, чтобы сменить государя нашего отца и чтобы мы все могли предать сожжению останки их величеств».

Сери Рама ответил: «Зачем вы говорите так? Ведь город Мандура Пура Негара был отдан отцом вам обоим! Не подобает вашему старшему брату преступать повеления государя отца». Бердана и Читрадана смиренно сказали: «Когда государь отец даровал нам обоим власть, то не подобало нам сесть на царство, потому что есть еще государь, чтобы царствовать над нами. Мы с радостью кладем к ногам твоего величества это государство».

Сери Рама промолвил: «Братья мои, не отказывайтесь больше, потому что царство это еще раньше было пожаловано вам обоим государем отцом. Я совсем не желаю, чтобы вы передавали мне это царство». Бердана и Читрадана пали ниц у ног Сери Рамы и Лаксаманы: «Если ты, государь, так приказываешь, то мы просим у тебя твои сандалии. Мы будем княжить в этом государстве, но поставим их над своей головой».

Сери Рама обнял и поцеловал обоих братьев и дал им свою обувь. Бердана и Читрадана взяли эти сандалии и поставили их на короны, а затем надели короны. Сери Рама пригласил своих братьев утолить жажду, принять участие в пире и развлечениях вместе со всеми князьями, воинами, евнухами, вестниками, военачальниками и всем народом. А после этого Бердана и Читрадана распрощались с Сери Рамой. Сери Рама объявил: «Своих братьев я делаю государями. Эти два моих брата станут царями в стране Мандура Пура Негара. Братья мои! Ставши царями, сохраняйте доброе имя и совершайте добрые дела, чтобы увеличивалась слава имени наших предков. Мир этот не вечен, но, пока имя у нас доброе, до тех пор он не погибнет и не понесет никакого ущерба. Братья мои, заботьтесь хорошенько обо всем народе, потому что царь на земле — наместник Преславного бога. Если наш внук совершит злодеяние и если сын нашего министра совершит злодеяние, за все это отвечает царь, о мои братья!» Сказав так, государь обратился ко всем ми-

нистрам и военачальникам со словами: «Слушайте, мои приближенные. Это я завещал моим обоим братьям. Если случится с их стороны какая-либо ошибка или неблагоприятие, не принимайте этого к сердцу, а терпеливо обходитесь с ними».

После этого Бердана и Читрадана распрощались и поднялись на своих слонов, а все министры сели каждый в свой экипаж. Сери Рама воссел на слона, Лаксамана сел на другого слона, на одном седле вместе с Берданой, и слон их шел впереди слона Сери Рамы. Так они отправились. Сугрива же рыдал, глядя на поезд этих четырех братьев, говоря: «Вот это настоящие братья. Если я действительно виноват, то пусть Балия раджа простит меня, потому что я старший *».

Сери Рама четыре дня и четыре ночи ехал, провожая своих братьев. Когда прошло четыре дня и четыре ночи, Сери Рама сказал: «Слушайте, братья, когда я буду свободен, я предаю огню останки государя отца и государыни матери. А сейчас я ничего не могу сделать! Мне придется отложить мой долг перед отцом и матерью, но Преславный бог лучше всех знает, в чем у меня дело».

Сери Рама обнял и расцеловал братьев, и все четверо обливались слезами. После этого Бердана и Читрадана распрощались и вернулись в свою страну. И Сери Рама тоже возвратился вместе с Лаксаманой и всеми раджами обезьян, макак и лемурув и со всем войском. Затем он вошел во дворец и вместе с Лаксаманой воссел лицом ко всем трепетавшим перед ними князьям и министрам.

Сери Рама очень горевал о своей супруге Сите Девы. С тех пор как она исчезла, он думал лишь о том, как бы напасть на город Лангга Пури и отнять свою супругу у махараджи Раваны. Как-то Сери Рама обратился к брату: «О Лаксамана, что говорит Сугрива? Как его обещание помочь мне?» Лаксамана почтительно отвечал: «О государь мой, если говорить об этом, то лучше всего мне отправиться в город Лагур Катагина побеседовать с махараджей Сугривой». И тут Сери Рама повелел: «Хорошо бы тебе поехать как можно скорее».

Лаксамана простился с Сери Рамой и пустился в путь. Через некоторое время он прибыл в город и вошел во дворец. В это время махараджа Сугрива совещался со своими внуками, с патехом Джембуаной и Нилой Аннгадой. Махараджа обратился к ним: «Теперь посоветуемся с вами относительно нашего договора с махараджей Сери Рамой, потому что уже пришло время. Этот государь изволил повелеть нам пойти к горе Гендара Паванам. Только надо, чтобы в то время, когда мы будем нападать на Лангга Пури, сопровождая Сери Раму, махараджа Сембурана ничего не знал о смерти нашего брата махараджи Балии. Если же он услышит, что махараджа Балия уже скончался, то непременно нападет на нашу страну. Он ее несомненно погубит и всех наших жен и детей заберет в плен, потому что махараджа Сембурана был другом махараджи Балии. К тому же он большой чародей. И сын его по имени Нила Бута тоже чрезвычайно отважен и тоже волшебник. От государства махараджи Сембураны до нашего царства семь месяцев пути. Махараджа Сембурана со всем своим войском может прибыть сюда в любой день. Вот чего я боюсь. Так вот, что вы мне сейчас посоветуете?»

Патех Джембуана и Нила Аннгада ответили: «Мы все сделаем, что бы ты нам ни приказал». Тогда махараджа Сугрива сказал: «Вот чего я опасуюсь. Махараджа Сери Рама надеется, что мы ему поможем, и я очень боюсь изменить своему договору с ним, потому что этот государь — сын великого раджи».

В это время прибыл Лаксамана. Махараджа Сугрива поднялся, спустился с балей вместе со всеми князьями обезьян и бегом бросился приветствовать Лаксаману. Затем он привел его на балей и посадил на украшенный драгоценными камнями и усыпанный жемчужным трон. Сам махараджа Сугрива с трепетом сел против него и всячески оказывал ему почет и уважение.

Лаксамана произнес: «О махараджа Сугрива, я прибыл сюда по приказу Сери Рамы. Как обстоит дело с твоим обещанием? Ведь ты его дал уже давно. По какой причине ты не являешься к государю? Его величество Сери Рама объявляет: „Если Сугрива не

явится ко мне немедленно, я пошлю в его страну свою стрелу. Она пронзит его шею, а также шею всех его внуков и разрушит его царство. Я все размечу вдребезги и превращу в прах. Пусть он знает меня!»

Махараджа Сугрива и все бывшие во дворце бросились ниц перед Лаксаманой. «О государь, царь вселенной, причина того, что я медлю явиться к махарадже Сери Рама, в том, что я боюсь, как бы махараджа Сембурана не напал на мою страну», — ответил Сугрива.

Тогда Лаксамана спросил: «Что же вы все мне сейчас ответите? Ведь я немедленно возвращаюсь обратно». Сугрива почтительно сказал: «О государь, если ты извинишь меня и окажешь мне милость, то я попрошу отсрочки дней на семь, чтобы собраться. Я прикажу моему главному военачальнику сопровождать тебя к его величеству, нашему старшему брату, и смиренно доложить ему, как у меня все обстоит».

Лаксамана спросил: «Кто твой военачальник?» Махараджа Сугрива приказал позвать Ханумана. Хануман немедленно явился, и Лаксамана подумал: «Вот это кто! Я уже встречался с ним».

Махараджа Сугрива, патех Джембуана и все князья склонились к ногам Лаксаманы. Государь простился с Сугривой. Со всеми князьями обезьян Сугрива отправился проводить Лаксаману за город. Когда Лаксамана и Хануман были уже далеко, махараджа Сугрива вернулся в свой дворец.

Спустя некоторое время Лаксамана и Хануман подошли к жилищу Сери Рама. Лаксамана вошел в дом Сери Рама, а сери Хануман остался снаружи на террасе. Войдя, Лаксамана склонился к ногам Сери Рама, но Сери Рама остановил его, и братья радостно обнялись и расцеловались.

«Скажи, братец, как с Сугривой?» — спросил Сери Рама. Лаксамана почтительно передал все слова и поручения махараджи Сугривы, прибавив: «Сейчас я привез с собой его главного военачальника, который остался снаружи на террасе». Сери Рама сказал: «О брат мой, приведи его сюда. Я хочу посмотреть, как он выглядит».

Лаксамана сразу же вышел и позвал Ханумана. Хануман немедленно вошел и упал к ногам Сери Рама. Сери Рама же погладил Ханумана по голове и сказал: «О Хануман, почему махараджа Сугрива не явился ко мне?» Санг Хануман почтительно рассказал, как обстоит дело. Пока Хануман рассказывал все это, из его уст сыпались звезды. Сери Рама увидел это и чрезвычайно удивился волшебным чарам Ханумана.

ПОДЧИНЕНИЕ МАХАРАДЖИ СЕМБУРАНЫ

ПУСТЯ некоторое время прибыл сам махараджа Сугрива со всем своим войском. Он явился к Сери Рама, склонился к его ногам и почтительно доложил ему, почему он запоздал со своим приходом. Сери Рама посмотрел на Ханумана и сказал: «О Хануман, отправляйся немедленно и позови махараджу Сембурану. Возьми письмо, передай ему и прикажи явиться ко мне без промедления».

Санг Хануман поклонился и ответил: «О государь, все, что ты мне приказываешь, я выполню, но меня затрудняет, что я один. Я не боюсь гнева махараджи Сембураны, но если по пути меня застигнет смерть, то кто узнает об этом и кто сообщит эту весть твоему величеству? Если так случится, то поручение, которое твое величество мне дает, окажется невыполненным».

Сери Рама обратился к махарадже Сугриве: «Что ты скажешь? Кто пойдет с Хануманом? Ведь та страна очень далеко отсюда!» Сугрива поклонился: «Ваше величество, есть кому идти с Хануманом. Я сам пойду».

Выслушав слова Сугривы, Сери Рама приказал Лаксамане составить письмо. Затем он поднялся и вошел в свой золотой дворец. Лаксамана же сел писать. Кончив писать, он почтительно поклонился Сери Рама. «Прочитай-ка письмо, я послушаю», — сказал Сери Рама.

Лаксамана прочитал: «Это письмо от махараджи Сери Рама прибыло к тебе, о махараджа Сембурана. Получив это письмо, прими его к исполнению и немедленно явись со всеми своими внуками, военачальниками и

всем своим войском изъявить мне покорность, для того чтобы твое царство не пало, и я сделаю тебя самым высоким государем из всего множества раджей обезьян. Я царь всего мира, и все князья — внуки махараджи Балии, твоего друга, — все стали моими слугами и выполняют мои повеления. Я происхожу от Маха Бисну, спустившегося на землю. Воплотившись, я стал Сери Рамой. Да будет тебе известно, что имя мое знаменито среди всех царей. Если ты не придешь и не захочешь быть преданным мне, то берегись. Сейчас же прилетит моя стрела по имени Гандевати, которую я спущу, чтобы она обвилась вокруг тебя и пронзила шею тебе, и всем твоим внукам, и всем твоим военачальникам. И весь твой народ я погублю, чтобы ты узнал силу моей руки и моих чар. Но ты приходи ко мне по-хорошему, чтобы царство твое в целости перешло к твоим внукам».

Выслушав содержание письма, Сери Рама одобрил его и сказал Лаксамане: «Поди-ка, братец, позови санг Ханумана и махараджу Сугриву». Лаксамана позвал Сугриву и Ханумана, и они оба пришли и поклонились Сери Раме. Сери Рама протянул письмо со словами: «Ступайте с этим моим письмом и передайте его махарадже Сембуране». Санг Хануман немедленно принял письмо и возложил его себе на голову*.

Санг Хануман и Сугрива откланялись и отправились вдвоем. Когда они подошли к месту привала, Хануман обратился к Сугриве: «О господин, если мы пойдем по земле, то это будет очень медленно, потому что страна Сембураны чрезвычайно далеко. Раз так, то лучше уж нам скакать по деревьям, чтобы быстрее добраться», — и они оба стали прыгать с ветки на ветку.

Через короткое время Сугрива и санг Хануман прибыли к городу махараджи Сембураны. Когда они остановились на площадке перед воротами, уже спустилась ночь. Хануман спросил махараджу Сугриву: «Дядюшка, как нам быть? Если мы скажем, что нас послал наш господин Сери Рама, то, наверное, письмо, которое мы несем, не будет принято. Поэтому лучше скажем, что мы от махараджи Балии, чтобы письмо было принято немедленно. Если мы не пойдем на эту

хитрость, то, конечно, это будет трудное дело, и махараджа Сембурана погибнет вместе со своей страной».

Договорившись так, оба уснули. Когда рассвело, санг Хануман с товарищем отправились в город. Дойдя до ворот, Хануман попросил открыть их. Сторож у ворот спросил: «Куда вы оба идете, откуда пришли и как вас обоих зовут?» Хануман ответил: «Мы послы махараджи Балии, и я, военачальник махараджи Балии, желаю явиться к махарадже Сембуране и передать ему письмо от моего государя». Привратник сказал: «О военачальник, подожди здесь немного, а я пойду сообщу министру Перкасе Муле».

Выслушав сообщение сторожа, министр пошел к махарадже Сембуране, поклонился и сказал: «Ваше величество, пресветлый государь! Перед городом стоят двое военачальников махараджи Балии с письмом. Они желают явиться к вашему величеству». Государь приказал: «Ступай, возьми письмо от моего брата и собери всех царевичей и евнухов, вестников, военачальников и весь народ и приготовь все, что требуется для церемонии приема письма, согласно этикету самых великих царей».

Министр Перкаса Мула поклонился, приказал собрать все войско, а сам отправился навстречу санг Хануману и махарадже Сугриве. Когда он подошел к санг Хануману и Сугриве, Хануман взял письмо со своей головы и протянул его Перкасе Муле. Приняв письмо, тот положил его на золотое блюдо. Были раскрыты сорок зонтов, заиграла музыка. Санг Хануман и махараджа Сугрива пошли впереди. Скоро они пришли во дворец махараджи Сембураны. В это время махараджа Сембурана сидел на золоченом троне, надев корону, усыпанную драгоценными камнями девяти цветов. От нее исходили разноцветные лучи, как от восходящего солнца.

Махараджа Сембурана сидел очень достойно во главе всех военачальников и войска. Санг Хануман протянул письмо, которое было принято вестником. Махараджа Сембурана приказал вестнику огласить письмо. Тот поклонился и стал читать письмо. Когда махараджа Сембурана услышал, что письмо это от Сери

Рамы, он потерял сознание. Очнувшись от своего обморока, он опять потерял сознание. И так до трех раз. Наконец он пришел в себя и приказал: «Перкаса Мула, спроси, имеется ли признак Маха Бисну».

Перкаса Мула поклонился со словами: «О военачальники Сери Рамы, какой признак подтверждает, что Сери Рама происходит от Маха Бисну?» Хануман ответил: «Признак тот, что у государя волшебные стрелы».

Выслушав это, махараджа Сембурана сказал: «Если так, то это не Маха Бисну. Я знаю Маха Бисну. У него три головы и четыре руки. Это и есть его признак. Одна рука держит трость, другая держит цветок Веджая Мала *, а третья — плоскую круглую плетеную корзинку с землей. Если он не таков, то он не Маха Бисну». И еще сказал махараджа Сембурана: «Эй, Перкаса Мула, прикажи выгнать военачальников Сери Рамы из города, потому что они лжецы, и замкни ворота. Сейчас я приказываю им немедленно уходить из моей страны обратно к их господину Сери Рама. Я никогда не желаю их больше видеть независимо от того, что им нужно, потому что я великий царь и мое имя знаменито во всем мире».

Так и были изгнаны из города санг Хануман и махараджа Сугрива. Пока их гнали, санг Хануман хохотал. Он вышел за ворота и остановился на месте своего ночлега. Перкаса Мула же созвал всех военачальников и все войско, чтобы выпроводить санг Ханумана и Сугриву. Санг Хануман сказал Сугриве: «Вот, почтенный дядя, что ты теперь скажешь об этом махарадже Сембуране? Он же не хочет подчиниться нашему господину Сери Рама. Спрашивает, есть ли у него признаки Маха Бисну. Но я же сам видел его стрелу! Это я и сказал махарадже Сембуране, а сейчас все наши труды пошли впустую, ничего не вышло. Я очень боюсь того, что случится, если мы вернемся к нашему государю без махараджи Сембураны. Раз такое дело, так уж я доставлю махараджу Сембурану». Махараджа Сугрива спросил: «А как же ты его доставишь?» Хануман ответил: «А вот, дядя, погляди, как во мне воплощается сила Преславного бога».

Хануман и Сугрива приняли гордый вид, и тут же все военачальники, которые сопровождали Ханумана, крепко заснули, не издавая ни звука. Хануман же и Сугрива отправились в путь и вошли в ограду дворца махараджи Сембураны. Хануман увидел, что все военачальники, которые там находились, еще бодрствовали. Он произнес заклинание, и все несшие охрану погрузились в сон. Хануман вошел во дворец махараджи Сембураны. Он увидел, что все сто шесть тысяч царских наложниц крепко спят, беспечно раскинувшись. Хануман сделал каждую из наложниц махараджи Сембураны своей наложницей, а затем пошел искать опочивальню махараджи Сембураны. Нашел ее. Государь еще крепко спал на своем ложе. Хануман увидел, что на балдахине имеется волшебный камень. Он захватил его, а затем поднял махараджу Сембурану вместе с его ложем и одним прыжком поднялся в воздух. Махараджа Сугрива последовал за ним. Так и несся Хануман некоторое время, пока не прибыл к горе Гендара Ванам. Поставив ложе снаружи, Хануман и Сугрива вошли. Их встретил Лаксамана и отвел к Сери Рама.

Государь спросил: «О Хануман, что это ты до сих пор еще не ушел?» Хануман поклонился со словами: «Государь, царь вселенной, я уже привез махараджу Сембурану». Сери Рама приказал: «Немедленно приведи его ко мне».

Санг Хануман опять поклонился, тут же отправился к махарадже Сембуране и внес его на ложе к Сери Рама. Сери Рама и Лаксамана увидели, что он лежит, не просыпаясь. Сери Рама чрезвычайно удивился волшебству Ханумана и повелел: «Немедленно разбуди махараджу Сембурану». Однако, как его ни будили, махараджа Сембурана не просыпался. Тогда Сери Рама приказал: «Возьмите мою стрелу Гандевати и смочите ее». Лаксамана немедленно взял эту стрелу и сполоснул ее, а затем сбрызнул этой водой махараджу Сембурану. Тот вздрогнул, проснулся и сел.

Тут он заметил, что находится в присутствии Сери Рама. Он очень удивился, видя перед собой не свое царство, опустил голову и молчал от смущения. Сери Рама спросил: «Ну, махараджа Сембурана, что ж ты

ничего не говоришь?» Махараджа Сембурана только взглянул на Сери Раму и опять потерял сознание. Сери Рама снова приказал сбрызнуть его водой от стрелы. Тут махараджа Сембурана пришел в себя, взглянул на Сери Раму и узнал в нем Маха Бисну, потому что Сери Рама имел все признаки Маха Бисну. Махараджа Сембурана немедленно пал к ногам Сери Рамы, говоря: «О государь мой! Я молю о прощении у ног царя вселенной, ибо мне подобает считать своим господином даже прах твоих ног. Ведь ты отмечен всеми признаками Маха Бисну! Воистину, Хануман назвал только твою стрелу, этому я и не поверил. Сейчас же я все знаю, и вот я у твоих ног!»

Теперь начинается рассказ о царице Секанде Леле — супруге махараджи Сембураны.

Когда рассвело, царица Секанда Лела пошла во дворец к махарадже Сембуране. Она увидела, что нет не только его, но даже его тронного ложа. Она пошла в покои наложниц, посмотреть, не почивает ли он там. Но и там его не было. Во дворце началась суматоха. Министр Перкаса Мула проснулся и увидел, что его государь исчез вместе со своим дворцовым покоем*. Он немедленно поднял всю стражу и вошел во дворец. А там была суматоха! Царица рыдала, а затем потеряла сознание. Жены министров сразу sprыснули ее водой. Она пришла в себя и приказала немедленно позвать к ней ее сына Нилу Буту. Нила Бута пришел к матери. Она обратилась к нему: «О сын мой, плод моего сердца и свет моих очей! Отец твой похищен военачальником Сери Рамы и унесен даже вместе со своим тронным ложем. Если ты, мой сын, не отправишься за своим отцом, то он уже не вернется. Я же непременно умру, потому что так люблю твоего отца!»

Услышав слова своей матери, Нила Бута чрезвычайно разгневался и стал похож на льва, который бросается на добычу, и на взвившегося змея. Он поклонился матери и сразу же вышел. Тут он встретил раджу Хавару. Нила Бута сказал: «О раджа Хавара, если ты согласен отправиться к горе Гендара Ванам, то следуй за мной, потому что я больше не могу задерживаться». И Нила Бута взвился в воздух, превратив-

шись в золотую муху, и полетел к горе Гендара Ванам. Когда Нила Бута прилетел к горе Гендара Ванам, он увидел, что его отец все еще беседует с Сери Рамой. Нила Бута подлетел к уху махараджи Сембураны и сказал: «О государь мой, я прибыл сюда, чтобы отвезти тебя обратно и, кроме того, чтобы убить этих двух обезьян». Махараджа Сембурана ответил: «Не говори так, ибо эти два человека пользуются немалой славой в глазах Преславного бога. Вот они, признаки Маха Бисну, и я уже склонился перед ними и стал его слугой, потому что мне привелось их увидеть во всей полноте, и ты немедленно подчинись Маха Бисну». Услышав слова своего отца, Нила Бута немедленно превратился в обезьяну и присел на корточки перед Сери Рамой позади своего отца.

Когда Сери Рама заметил его, он спросил у махараджи Сембураны: «О махараджа Сембурана, кто это сидит позади тебя?» Махараджа Сембурана поклонился со словами: «Государь, это мой сын по имени Нила Бута. Он пришел за мной».

Отец приказал Ниле Буте склониться перед Сери Рамой. Нила Бута поклонился. Сери Рама очень обрадовался, что он приобрел военачальника храброго, отважного и одаренного волшебной силой. Поэтому он приказал: «Махараджа Сембурана! Ты человек пожилой, и тебе не надо утомляться, утруждать себя и пребывать в тяжелом труде. Лучше возвращайся домой в свое царство. Если же ты меня любишь, то отдай мне своего царственного сына Нилу Буту». Махараджа Сембурана поклонился со словами: «Приказ вашего величества я выполню, потому что я ваш раб, ниже праха под вашими ногами». Сери Рама сказал: «Если так, то возвращайся немедленно к себе домой и приготовь все, потому что я хочу вскоре идти войной на страну Лангка Пури».

После этого махараджа Сембурана и Нила Бута припали к ногам Сери Рамы и поднялись в воздух. И путь, требующий семь месяцев, они одолели за семь дней. Когда они прибыли в свое царство, то сбежалось все войско, с радостью видя возвращение своего царя. Махараджа Сембурана пришел в свой дворец, и цари-

ца Секанда Лела поклонилась ему в ноги. Махараджа Сембурана сказал: «Я очень счастлив, царица, что моим господином стал Сери Рама. Сердце подсказывает мне, что, услышав от Ханумана о том знаке, который я видел, я сам отправился к Маха Бисну. Сейчас же дело обстоит так. Я отдал своего сына Нилу Буту служить Сери Раме и выполнять все, что он прикажет. Теперь я приготовлю весь народ, оружие, слонов и коней для царевича Нилы Буты, так как Сери Рама собирается вскоре пойти войной на махараджу Равану в Лангка Пури».

Царица почтительно отвечала: «О государь! Когда Хануман унес тебя, я подумала, что ты убит Сери Рамой, и чуть с ума не сошла. Я приказала позвать раджу Хавара и сказала ему: „Посмотри: не написано ли в звездах, куда военачальник Сери Рамы унес государя?“ Раджа Хавара посмотрел в своих звездочетных книгах и увидел, что с твоим величеством ничего не случилось, что наш сын Нила Бута быстро доставит тебя обратно в наше царство в полном здоровье и что тебе не грозит смертельная опасность».

После этого махараджа Сембурана воссел на своем троне в окружении всех князей, министров и военачальников, ел, пил и наслаждался со всеми вельможами и всем войском. По окончании пира он позвал министра Перкасу Мулу и приказал ему все готовить и собирать войско. Когда все князья, военачальники и все войско вместе с оружием было собрано посреди площади Катагина Пурва, раджа Сембурана приказал: «Вот, Перкаса Мула, здесь находится народ с восьми морей. Народ с четырех морей я посылаю сопровождать моего сына, а народ с других четырех морей и всех их военачальников я оставляю охранять нашу страну. Ведь кто знает: не нападет ли махараджа Равана на нашу землю?» И государь продолжал, обращаясь к сыну: «Дитя мое, плод моего сердца! Теперь как можно скорее отправляйся к нашему господину Сери Раме, чтобы государь не прогневался и не объявил нас предателями. Ведь он рассчитывает на нас».

Нила Бута почтительно ответил: «О государь, царь вселенной, я точно исполню твои приказания».

Государь же дал своему сыну и всем сопровождавшим его военачальникам смену одежды как милостивый дар.

Нила Бута припал к ногам своей матери. Мать обняла его и поцеловала, говоря: «Береги себя хорошенько».

Нила Бута отправился со всем народом и со всеми своими военачальниками. Были выбраны семь военачальников, которые пошли вперед. Спустя некоторое время Нила Бута дошел до горы Каранг Кемала. Все махареси, спасавшиеся на этой горе, приветствовали Нилу Буту. Они привели его в свою обитель и угощали там. После этого Нила Бута распрощался с махареси по имени Берма Сакти и затем отправился в сопровождении всех военачальников и всего своего войска к жилищу Сери Рамы на горе Гендара Ванам.

ХАНУМАН ОТПРАВЛЯЕТСЯ В ЛАНГА ПУРИ

ОСЛЕ ТОГО как махараджа Сембурана вернулся домой, махараджа Сугрива простился с Сери Рамой, чтобы вернуться в свой город Лагур Катагина и приготовиться к выступлению. Прибыл патех Джембуана, Нила Ангада, Ангада Махабиру, Каранг Кегуол*, Нула Нила, раджа Гунунг Сина, санг Карана, Индера, санг Дурмула и раджа Джабал Гири, а всего было народу два раза столько, сколько можно охватить одним взглядом. А кроме этого, пришли еще три брата — князя обезьян: одного из них звали санг Нала, другого — санг Кемендах — князя горы Мали Сина¹ — и с ними народу столько, сколько можно охватить взглядом трижды. После этого появился еще князь обезьян Кермаджа с двумя братьями — одного звали санг Кердах, другого — Кермах Сура. А еще прибыл санг Варта — это князь горы Индари Сегара. С ним было народу двести лакс*. Потом пришли еще четыре брата — князя обезьян. Одного звали санг Перкаса, другого — санг Керта, третьего — санг Панаса и четвертого — санг Парта Мала — все князя горы Махарамма — и с ними народу триста лакс. Затем пришли еще пять братьев — царей обезьян. Одного звали санг Данта Керма, другого — санг Нарджума, третьего — Пантала, четвертого — санг Пупас Мандах и пятого — Кобит — князя горы Индера Самали и горы Паранта Баю, а с ними народу четыреста лакс. Затем прибыли опять же князя обезьян — два брата: одного звали Пурус, а другого — Дарпада Джакса, князя горы Индера Суласи, и с ними громадное количество народу, сколько можно охватить взглядом в тридцать раз. За-

¹ В тексте третий брат не назван.

тем пришел князь обезьян горы Мали Кесна. Царство его чрезвычайно велико, и народа в нем великое множество. Расположено это царство на востоке, князя же зовут махараджа Бакдурана. У него два сына. Один зовется санг Сура, другой — санг Перджангга. Это знаменитые и великие войны. Все эти князья, собравшись, прибыли в город Лагур Катагина со всем своим неисчислимым множеством народа. Под громкие звуки музыки махараджа Сугрива выступил с ними и отправился по дороге к горе Гендара Ванам.

В это же время махараджа Нила Бута шел со всем войском четырех морей с таким шумом и грохотом, словно небо падало на землю. Разведчик махараджи Нилы Буты встретил разведчика махараджи Сугривы и спросил его: «Эй, откуда вы с войском и как зовут вашего предводителя?» Разведчик Сугривы ответил: «Мы — военачальники и войско из города Лагур Катагина. Имя нашего князя махараджа Сугрива. Мы идем к государю Сери Раме на гору Гендара Ванам. А ты кто, и как зовут твоего князя, и куда вы идете?» Этот военачальник ответил: «Мы — военачальники и войско махараджи Сембураны, сопровождаем государева сына по имени Нила Бута и идем к государю Сери Раме, к горе Гендара Ванам».

После этого разведчики пошли вместе. Пройдя некоторое время, они увидели множество очень красивых знамен всех цветов. Под раскрытым зонтом, отделанным тридцатью тремя жемчужинами, ехали князь обезьян, князь макак, князь лемурув и князь гиббонов и все военачальники махараджи Сугривы, каждый на своей колеснице. Следом за ним показался отряд с украшенным бриллиантами зонтом. Под этим зонтом ехал сын махараджи Балии с семнадцатью золотыми стеблями сахарного тростника в сопровождении отборных военачальников и всего войска под веселые звуки музыки. Дальше появился махараджа Сугрива на белом слоне, верховом слоне махараджи Балии. Потом показались восемь прекрасных зонтов. Следом за махараджей Сугривой под звуки музыки двигались патех Джембуана и внуки махараджи Сугривы в сопровождении всего своего неисчислимого войска. Все это мно-

жество движущегося народа казалось текущей водой и разбивающимися о берег волнами, а шум от этого идущего войска был подобен реву бури.

Махараджа Сугрива встретился с Нилой Бутой, сидящим на белом верховом слоне с черными клыками. Рядом стояли четыре зонта, украшенных алмазами. Махараджа Сугрива увидел, что на Ниле Буте надета тяжелая корона, сияющая драгоценными камнями, и что его сопровождают все лучшие военачальники. Махараджа Сугрива и Нила Бута вместе прибыли к горе Гендара Ванам и предстали перед махараджей Сери Рамой.

В это время Лаксамана и санг Хануман сидели на серебряном балее. Лаксамана сейчас же пошел к Сери Рама и сообщил ему о прибытии Сугривы и Нилы Буты. Сери Рама немедленно вышел и сел на серебряном балее. Как только все раджи увидели Сери Раму, они тотчас пали ниц, приветствуя его, после чего каждый из них с трепетом и почтением опустился на свое место перед государем. Сери Рама обратился к махарадже Сугриве: «Есть ли среди раджей такие, которые могут читать по звездам и магическим книгам? Тогда я прикажу посмотреть на Ситу Деви в Лангка Пури, жива ли она еще или, может быть, уже нет».

Махараджа Сугрива подошел и с поклоном сказал, что патех Джембуана весьма сведущ в науке о звездах и чтении магических книг. Государь обратился к патеху Джембуане: «Посмотри же в книгах гаданий, каково положение Ситы Деви и как держит себя с ней махараджа Равана».

Сери Рама разговаривал с патехом Джембуаной, а слезы капали из его глаз при воспоминании о Сите Деви. Патех Джембуана подошел, поклонился и немедленно открыл свои вещие книги. Он увидел, что с царевной Ситой Деви все благополучно, и почтительно доложил Сери Рама: «Махараджа Равана ни разу не смог подойти близко к вашей супруге. Когда Равана захотел приблизиться к ней и был уже в сорока депах, Сита Деви пригрозила ему, что покончит с собой. Однако ей очень тяжело, потому что госпожа любит ваше величество».

Сери Рама очень горевал. Он пожаловал дары патеху Джембуане и приказал махарадже Сугриве: «Сейчас же пусть кто-нибудь отправится в Лангка Пури повидать Ситу Деви, чтобы получить точные сведения о ней».

Но никто не ответил на призыв Сери Рамы. В это время санг Хануман сидел рядом с Лаксаманой, но он молчал. Сери Рама вновь заговорил: «Махараджа Сугрива, Балия раджа говорил мне, что у него есть племянник по имени санг Хануман. Кто это?» Махараджа Сугрива поклонился со словами: «Ваше величество, это вот та маленькая обезьянка, которая сидит в самом углу террасы. Хануман очень грязный, у него течет из глаз и из носа, поэтому я и не подпустил его близко к тебе».

Сери Рама повелел Лаксамане позвать Ханумана. Хануман подошел и сел около Сери Рамы. «О Хануман, — сказал Сери Рама, — можешь ли ты быстрыми прыжками пробежать этот путь, который требует трех месяцев, чтобы повидать Ситу Деви в Лангка Пури?» Хануман поклонился со словами: «Какую бы работу твое величество ни приказал мне выполнить, я сделаю ее со всем старанием. Если бы у меня была тысяча жизней, я бы их все бросил к ногам твоего величества. Но если будет такая твоя милость ко мне, то я бы попросил, разреши мне поесть с одного листа с тобой*». Сери Рама молча опустил голову и подумал некоторое время, а затем сказал: «Хорошо, но сейчас я останусь здесь варить рис, а ты пойди выкупайся далеко в море, а когда вернешься, мы вместе будем есть рис».

Санг Хануман вскочил и побежал купаться в море. Через полчаса он вернулся и весь его мех был еще мокрый. В правой руке он держал девять драгоценных камней, а в левой — всевозможные благовония в доказательство того, что он примчался из Бахар Сулу*. Все это санг Хануман передал Сери Раме. Лаксамана размешал рис и положил его на лист банана, а затем провел указательным пальцем черту по самой середине листа, так что на листе образовался рубец. Сери Рама и Лаксамана ели с одной стороны листа, а Хануман — с другой. Вот почему листья банана имеют жилку как раз посередине и во всю длину листа.

После того как они поели, Сери Рама снял с пальца кольцо и отдал его Хануману со словами: «Если Сита Деви не поверит тебе, покажи ей это кольцо как знак от меня». Хануман взял кольцо и сунул его за щеку. Затем он припал к ногам Сери Рамы и вышел. Он хотел сделать большой прыжок и оперся о землю, но земля не выдержала и осела вниз. Тогда Хануман влез на громадное дерево и приготовился к прыжку, но дерево рухнуло. Хануман поднялся на громадную скалу, но как только собрался прыгнуть, она раскололась. Хануман прибежал доложить обо всем этом государю. И Сери Рама сказал: «О Хануман, обопрись на мою руку для прыжка». Хануман сжался, стал худенький, ростом в одну пядь, поклонился Сери Раме, стал лицом к Лангка Пури и прыгнул, оттолкнувшись от руки Сери Рамы. Во время прыжка Хануман уронил в море свое семя, и царь-рыба проглотила это семя.

Хануман же одним прыжком долетел до дома махареси по имени Кангиран и упал на него. Махареси угостил сери Ханумана, сварив ему маленький горшочек риса. Хануман подумал: «Мне бы едва хватило двухсот или трехсот таких горшочков, чтобы насытиться». Махареси сказал: «Вот, сын мой, поскорее съешь этот рис — мое скудное угощение, потому что я к тебе очень расположен». Хануман стал есть рис и не смог покончить даже с этим маленьким горшочком. Он удивился чарам махареси и сказал: «Дай мне человека, который покажет мне дорогу!» Затем он простился с махареси и отправился с его слугой в Лангка Пури. Когда они дошли, то слуга махареси вернулся обратно, Хануман же принял вид берахмана, подошел ко дворцу раджи Раваны и увидел колодец. Тут Хануман сел под деревом маджа*. Он увидел сорок придворных девушек, которые пришли к колодцу за водой. Каждая несла золотой ведерный горшок.

Хануман спросил: «Слушайте, девушки, кому это вы все носите воду?» Девушки ответили: «Тут живет одна царевна по имени Сита Деви, жена Сери Рамы, которую похитил махараджа Равана. Эту воду мы несем для ее купания*». Как только Хануман услышал это, он произнес заклинание над одним из этих горшков.

Все девушки пошли домой. А девушка, которой принадлежал этот горшок, не могла его поднять. Девушка удивлялась, что это случилось. Каждый раз, когда она ходила за водой, она всегда поднимала его, а сейчас не могла. Хануман предложил: «Девушка, хочешь я помогу тебе поднять горшок?» Девушка согласилась: «Помоги, берахман, чтобы мне поскорее вернуться. Как бы царица не рассердилась на меня за долгую отлучку». Хануман сейчас же поднял горшок и бросил в него кольцо Сери Рамы, которое он держал за щекой, и девушка унесла горшок.

Придя к царице, девушка вылила на нее воду. Колечко упало на колени Ситы Деви. Увидев колечко Сери Рамы, она спросила: «Девушки, кого вы видели там, где брали воду?» Девушки ответили: «О госпожа, когда мы наполняли водой горшки, то под деревом маджа около колодца сидел какой-то махареси». Сита Деви распорядилась: «Подите позовите этого берахмана и приведите его сюда». Девушки пошли и позвали берахмана, и он немедленно предстал перед Ситой Деви.

Она приказала ему сесть и спросила его: «О берахман, кто ты такой, и откуда ты пришел?» Берахман ответил: «Я пришел из города Лагур Катагина. Меня послал господин твой супруг Сери Рама повидать тебя». Сита Деви спросила: «Что ты можешь рассказать о Сери Раме?» Берахман ответил: «Господин твой супруг сейчас сидит, погруженный в свои мысли. Он все время думает о тебе, царица. Все время ждет и ни о чем не желает говорить, а только хочет услышать вести о тебе. Поэтому Сери Рама и приказал мне расспросить у тебя, царица, как ты живешь». Сита Деви воскликнула: «О берахман, как тебя зовут? Так это Сери Рама приказал тебе идти сюда?» Берахман ответил: «Меня зовут Хануман, я племянник махараджи Балии, царя всех обезьян — макак, лемуров. Сери Рама признал меня своим сыном, и, по словам твоего супруга, ты, госпожа, мне мать: „Твоя мать Сита Деви, так же как и та твоя мать, что родила тебя“». Сита Деви сказала: «К сожалению, я поклялась, что меня не коснется ни один мужчина, кроме Сери Рамы. Если бы не это, о сын мой Хануман, то я обязательно дала бы

тебе пососать своего молока, потому что ты мне принес весть от Сери Рамы».

В то время как Сита Деви произносила эти слова, из груди ее брызнуло молоко. Она сейчас же собрала его в банановый лист и очень удивилась. Вот что сказала Сита Деви: «О Хануман, ты на самом деле мой сын от Сери Рамы». Она подала Хануману свое молоко в листе банана. Хануман сразу взял его, выпил, а затем с радостью бросился к ногам Ситы Деви. Потом она взяла свою еду, два плода манго, и дала их Хануману. И Хануман съел эти манго, а потом спросил у Ситы Деви: «О госпожа, где находится это манговое дерево?» Сита Деви ответила: «Это манговое дерево растет в саду махараджи Раваны, оно огорожено со всех сторон железным забором, и над ним натянута медная сетка, чтобы никакое живое существо не могло поесть плодов этого манго, и сотня раккас днем и ночью, не двигаясь, охраняет этот сад». Хануман попросил: «Покажи мне это манговое дерево, я пойду возьму его». Сита Деви указала: «Вон то дерево, что стоит в чане, связанном золотыми обручами».

Хануман пошел к этому манговому дереву, превратился в маленькую обезьянку ростом в локоть и забегал под это дерево. Там валялось много сухих листьев, сломанных веточек и осыпавшихся листочков, и все это он вымел из-под мангового дерева. Когда раккасы, которые охраняли манговое дерево, увидели это, они сказали: «Ах ты маленькая обезьянка, откуда ты взялась? Это ты очень хорошо сделала». Хануман ответил: «Я всегда живу в этой местности. Разве вы меня никогда не видели? Вы просто не узнали меня». Раккасы сказали: «Очень хорошо, сметай все осыпавшиеся веточки и все опавшие листья, а мы тебе дадим какой-нибудь манго». Санг Хануман с раннего утра выметал весь сад. Все раккасы, глядя на старания Ханумана, были им очень довольны.

Однажды махараджа Равана пожаловал раккасам хмельного питья. Выпили они, и, напившись допьяна, все свалились и заснули под манговым деревом. Когда Хануман увидел, что все раккасы смолкли, потому что пьяны до потери сознания, он влез на манговое дерево

и сожрал все его плоды. Покончив с плодами, он уничтожил все побеги и цветы. Когда же с этим покончил, то слопал еще и все листья, а затем сломал и дерево.

Наутро, после того как манговое дерево уже свалилось, все раксасы проснулись. Когда они увидели, что произошло, то стали спрашивать: «Это чья же работа?» Сейчас же они принялись звать маленькую обезьянку. Хануман спустился. Раксасы принялись его расспрашивать: «Ах, маленькая обезьянка, ты не видала, кто это погубил манговое дерево?» Хануман ничего не ответил им, тогда раксасы связали его и притащили к махарадже Раване, почтительно докладывая ему: «О ваше величество, эта обезьянка оборвала все манговое дерево, плоды которого идут на твой стол, и вырвала его с корнем».

Махараджа Равана очень удивился, глядя на эту маленькую обезьянку, у которой было столько задора, чтобы вырвать такое громадное дерево. «Ах, маленькая обезьянка, неужели это вправду ты выдернула манговое дерево?» — спросил махараджа Равана. Хануман ничего не ответил, и махараджа Равана приказал: «Убейте эту обезьянку».

Подбежали все раксасы, одни стали колоть Ханумана копьями, другие дротиками, третьи старались проткнуть его кинжалами, еще кто-то рубил мечом; нашлись и такие, которые били топорами и дубинками. А Хануману — хоть бы что! Ни одного волоска не сбили с него. Наоборот, Хануман выпустил свой хвост, завил его кольцами, стал огромным, уселся на свой свернутый столбом хвост и оказался гораздо выше, чем махараджа Равана *, который сидел на своем троне. Тут уж брат раджи Раваны по имени Бибисанам вскочил со своего места, подошел и почтительно обратился к радже Раване: «О государь, царь вселенной, надо очень призадуматься над тем, что сделала обезьянка. Ведь из древних преданий и книг предсказаний известно, что именно обезьяны уничтожат Лангка Пури». Махараджа Равана спросил: «Каким же способом мы можем убить эту маленькую обезьянку, когда никакое оружие ее не берет?» Хануман ответил ему сам: «О махараджа Равана, если ты желаешь меня убить

и если захочешь, чтобы я умер, то возьми каин, оберни вокруг моего тела и хвоста, затем облей этот каин маслом и зажги. Тогда я и умру».

Услышав такие слова Ханумана, раджа Равана приказал обернуть хвост и тело Ханумана каинами, взяв для этого несколько сот их. И еще он приказал: «Облейте его маслом». Ханумана обернули каинами и смочили их маслом. Но этого оказалось мало. Тогда казначей открыл несколько складов каинов и обернул Ханумана всеми этими каинами. Когда все было сделано, махараджа Равана приказал: «Подожгите эту обезьяну».

Подожгли. Огонь запылал, и каины вспыхнули. Однако на теле Ханумана ни один волосок не начал тлеть. Наконец запылал тот каин, который еще держался на конце его хвоста. Хануман вспрыгнул на балки, державшие крышу дома и тронного зала, выскочил наружу и пошел скакать по всем домам города Лангка Пури. Сжег все дотла, ни одного дома не осталось, кроме, конечно, дома Ситы Деви. Покончив с этим, Хануман отправился купаться в море Кальзум*, нырнул и потушил огонь у себя на хвосте.

В это время жители города Лангка Пури пришли в страшное смятение и не знали, что им делать. Все их жилища превратились в пепел. Не осталось ни одного дома. Махараджа Равана был в страшном горе: Хануман сжег его дворец и весь город. Махараджа Равана приказал своему вестнику пойти позвать махареси Калу Индери, который живет на небе. Махареси немедленно прибыл к махарадже Раване. Махараджа Равана тут же приветствовал махареси, привел его и усадил рядом с собой. «Если ты меня любишь, господин мой, я прошу тебя помочь построить дворец и восстановить мой город, так как они сгорели», — обратился к нему махараджа Равана. Махареси отвечал: «Хорошо, пусть будет так». Он вознес молитву Преславному богу. После того как он кончил молиться, в одну ночь дворец раджи и дома всех жителей поднялись сами, со всеми укреплениями и воротами на все четыре стороны, со рвом вокруг города. Таковы были волшебные силы этого махареси. Город окружали сте-

ны в семь рядов, и каждая стена была в семь деп толщиной. Вся постройка была замечательно красивой. Махараджа Равана пожаловал махареси дары, и тот распрощался и вернулся на небо.

Дальше следует рассказ о Ханумане. Выкупавшись в море Кальзум, он пришел к Сите Деви и сказал: «О мать моя, давай я доставлю тебя к Сери Раме». Сита Деви отвечала: «О сын мой Хануман, я поклялась, что никакой мужчина, кроме моего мужа, не прикоснется к моему телу. Сери Рама отважен, никто не может сопротивляться ему, и слава его гремит по всему миру. Если его жену похитили, то подобает ли, чтобы ее освобождал не он, а кто-нибудь другой? Ведь люди скажут, что государь Сери Рама совершенно опозорен. Я не желаю этого. Пусть он убьет Равану и своей отвагой возьмет меня. Воистину он самый славный человек на свете. Вот, мой сын, чего желает мое сердце, а ты передай все, что я сказала, Сери Раме».

Получив такое приказание Ситы Деви, Хануман отклонялся ей со словами: «О государыня, для того чтобы прибыть сюда, я оттолкнулся от руки государя Сери Рамы. Только так я смог прыгнуть сюда».

Сита Деви промолвила: «О сын мой Хануман, поднимись на гору Кетагаран*. Там есть черная скала со следами ног пророка Адама. Оттуда ты и оттолкнись. Ведь когда пророк Адам спускался с неба, то он спустился именно на это место». Затем Сита Деви обняла и поцеловала Ханумана и дала ему шкатулочку для Сери Рамы. Хануман отправился к этой горе. Он нашел скалу, на которой остались следы ног пророка Адама, спускавшегося на землю. Хануман пал ниц и поклонился этой скале, обнял и поцеловал ее. Затем он сжался и превратился в маленькую обезьянку ростом в локоть, взобрался на скалу, оттолкнулся от нее, и звук этого толчка раскатился, как гром.

Хануман прыгнул прямо в город Лагур Катагина пред лицо Сери Рамы. Он все рассказал ему с самого начала и до того, как он вернулся. Потом Хануман взял шкатулочку Ситы Деви и протянул ее Сери Раме. Царь принял ее и открыл. В шкатулке оказался благоухающий нард. Хануман передал Сери Раме также

все поручения Ситы Девы. Сери Рама обрадовался, услышав, что Сита Деви жива, и сказал: «Все, что ты сделал, превосходно. Только слишком жестоко было сжечь дома жителей Лангка Пури. Мне очень жаль этот город».

Хануман промолчал. Сери Рама обратился к нему: «Что ты теперь посоветуешь? Ведь надо перевезти наших воинов, которых сотни тысяч, а государство Лангка Пури лежит посреди моря». Хануман ответил: «О государь, царь вселенной, по-моему, нам надо построить плотину на этом море, и она послужит нам мостом, чтобы перебраться в Лангка Пури». Сери Рама распорядился: «Очень хорошо. Пойди собери весь обезьяний народ в городе Лагур Катагина».

ПОКОРЕНИЕ МАХАРАДЖИ ДЖАИ СИНГИ

ОГДА СТАЛИ лагерем, Сугрива и Нила Анггада явились к Сери Рама и почтительно доложили: «Теперь, когда весь народ собран, его так много, что он занимает место в пять йоджан. Кроме того, войска всех князей моего дома расположились на трех йоджанах. Войска же четырех морей моего брата

Нилы Буты заняли еще три йоджаны. Каждое войско стоит посреди поля». Сери Рама сказал: «Было очень хорошо найти какой-нибудь мыс, чтобы можно было немножко ближе строить дамбу». Сери Рама приказал двум военачальникам Нилы Ангады — одному по имени санг Дару, а другому по имени санг Дапара — в сопровождении четырехсот человек отправиться на поиски, и они пошли искать такой мыс.

Они поднялись на гору и увидели пещеру в несколько этажей, как дом. В пещере сидел какой-то махареси, перед которым стояла прялка, и пряд нитку. Санг Дару и санг Дапара подошли к нему и спросили: «Как твое имя, господин?» Махареси ответил: «Мое имя махареси Сахгентала. Название этой горы Азудаха, а равнина перед ней называется Нарудаха. А я живу и спасаюсь на этой горе уже семьсот лет. И я не какой-нибудь ничтожный человек. Я из тех, которые прядут оранжевые нити, сделанные Бетарой Индерой, чтобы оградить пруд, где купаются все богини и небесные девы. По моей молитве Преславный бог сотворил четырех человек, которым я приказал жить вместе со мной. Сейчас я повелею этим людям отнести в страну Берджентака плоды манго — почетный дар князю ракас радже Джае Синге. Он уже давно стремится попасть на небо, потому что хочет захватить всех

богинь и всех небесных дев и сделать их своими придворными демушками. А вы все откуда пришли сюда?»

Санг Дару рассказал о том, что ему приказал Сери Рама. Тогда махареси приказал им обоим — санг Дару и санг Дапаре — сесть на ладонь его левой руки. Продолжая пряхсть, он поднял свою левую руку к небу. Оба военачальника воскликнули: «Мы видим громадный остров посреди моря прямо против этого мыса». После этого они спустились с ладони махареси Сахгенталы. «Скажите, дети мои, за каким делом Сери Рама стремится в Лангка Пури?» — спросил махареси. Санг Дару ответил: «Разве ты не знаешь, что махараджа Равана похитил его супругу и бежал с ней в свое царство? Вот за нею наш господин и желает отправиться». Махареси попросил: «Прошу вас обоих передать мой почтительнейший поклон Сери Рама. Не сочтет ли за благо Сери Рама прийти сюда, чтобы убить махараджу Джаю Сингу и сына его по имени Сура Нала? Все божества будут возносить молитвы Великому Преславному богу о счастье Сери Рама, о том, чтобы он одержал победу над махараджей Раваной и махараджей Джаей Сингой». Санг Дару и санг Дапара пообещали: «Передадим».

Они вернулись домой и отправились вдвоем к Ниле Ангаде доложить обо всем, что видели, и передать ему поручение махареси Сахгенталы. Нила Ангада в свою очередь передал это Сери Рама. Сери Рама приказал позвать Сугриву и отдал такое распоряжение: «Завтра утром мы двинемся к горе Азудаха, ты же созови народ, как подобает».

Сери Рама и Лаксамана выступили в путь вместе с князьями обезьян, и черных обезьян, и макак, и лемуров, и гиббонов, и со всеми их войсками. И шли они по дремучему лесу с таким непрерывным шумом, словно гром гремел в небесах. Долго ли, коротко ли — прибыли они к горе Азудаха. Санг Дару и санг Дапара тотчас же известили махареси Сахгенталу, дали ему знать, что прибыл Сери Рама. Махареси Сахгентала пришел к Сери Рама и с почтительным поклоном рассказал ему обо всем, так же как рассказывал санг

Дару и санг Дапара. Сери Рама вымолвил: «Хорошо, если будет такая милость ко мне от Преславного бога, то я сделаю это, уничтожу раджу Сингу и раджу Суру Налу».

Махареси знал, что Сери Рама происходит от Маха Бисну. Сери Рама отдал приказ махарадже Сугриве, Ниле Аннгаде, Хануману и Ниле Буте убрать все деревья на горе Азудаха, чтобы не осталось ни единого ни на склонах до самого подножия, ни вокруг горы, и все их свалить в море, потому что он хотел построить дамбу. Хануман, Нила Бута и все князья отправились рубить большие деревья и бросать их в море в том месте, где будет строиться мост.

Когда прошло четыре дня, все большие деревья были уже в море. Не осталось ни одного. Так все было чисто, как на песчаном морском побережье. В это время махареси Сахгенталя провел Сери Раму в эту горную страну. Там они увидели громадное озеро, опоясанное белым камнем, и многие сотни золотых и серебряных чанов, полных всевозможных не виданных на земле плодов. Махареси взял эти плоды, служившие пищей Бетаре Индере, и сказал: «О государь, откушай всех этих фруктов. А вот тебе разные цветы, которые цветут только один раз в месяц, чтобы мне не пришлось отдать их на разграбление махарадже Джае Синге и сыну его Суре Нале. Иначе он все это уничтожит и сделает многих небожителей своими рабами, потому что теперь он уже готов напасть на небо. Он желает захватить всех пери* и небесных дев, а всех богов сделать своими слугами. Если будет милость Преславного бога, то в твоих руках смерть и Джай Синги и его сына».

Сери Рама ответил: «Хорошо, я сперва прикажу им воздать должное всем небожителям. Если они не захотят этого сделать, то у нас будет все наготове».

Сери Рама повелел санг Дару и санг Дапаре: «Возьмите с собой сотню лакс народу, ступайте к махарадже Джае Синге и передайте ему о моем намерении. Если махараджа не пожелает изменить свое поведение по отношению ко всем небожителям, то я не буду с ним

любезничать, а приложу все силы, чтобы совершить благо для всех богов и небожителей, насколько мне дарует Великий Преславный бог».

Оба посла откланялись и отправились со своими войсками. Через короткое время они пришли в страну Берджентака. После того как об этом был извещен махараджа Джая Синга, обоих послов ввели к нему. Когда они оказались перед ним, раджа Джая Синга сказал: «Говорите, послы, за каким делом Сери Рама приказал вам прийти ко мне». Санг Дару и санг Дара поклонились и передали радже Джае Синге все, что приказал им сказать Сери Рама. Раджа Джая Синга ответил: «Слушайте же и сейчас же передайте Сери Рама. Зачем он приказал сказать мне такие невежливые речи, да еще грубым языком? Все эти обезьяны, макаки, лемуры, на которых он полагается, — все они будут съедены мною. И если их даже две-три тысячи, то все же у него нет ни одного такого полководца, как мой, который его, наверное, разобьет. Пусть Сери Рама не вмешивается в мои дела, а сперва занимается своим делом. Ведь махараджа Равана забрал его жену! Если он будет вмешиваться в мою жизнь, то у него самого ничего не выйдет».

Оба посла вернулись и явились к Сери Рама. Они довели до Сери Рама каждое слово, сказанное махараджей Джае Сингой. Выслушав все, Сери Рама отдал приказание махарадже Сугриве, Ниле Ангаде и всем князьям: «Оставайтесь здесь и стройте мост, чтобы нам перейти в Лангга Пури. Я же вдвоем с братом и с сыном Хануманом отправлюсь к махарадже Джае Синге». — «О государь, не марай своих ног походом в царство Берджентака. Прикажи мне вдвоем с моим братом напасть на этого раджу Джаю Сингу», — почтительно обратился к Сери Рама Нила Ангада. Сери Рама ответил: «Пусть будет так. Я согласен с твоим желанием».

Нила Ангада возглавил народ, расположившийся на четырех йоджанах, и выступил в путь к стране Берджентака. Когда махараджа Джая Синга услышал, что Нила Ангада идет на него со своим войском, он послал гонцов пригласить своих младших братьев ма-

хараджу Берму Куасу и махараджу Джалуку из города Перанг Канди, а также махараджу Маду Силана и махараджу Берму Берани из города Перкат Бая помочь ему в войне. Гонцы отправились, прибыли к князьям, явились к ним и, поклонившись, доложили им то, что приказал махараджа Джая Синга. Все четверо раджей в полной готовности отправились вместе со своими военачальниками и войсками.

И вот прибыли они в страну Берджентака. Махараджа Джая Синга немедленно вышел приветствовать царских сыновей, своих младших братьев. После встречи они вошли во дворец и воссели на тронах. Как только они сели, были внесены блюда. Государь и все прибывшие князья вместе со всеми министрами и военачальниками сидели рядами и принимали участие в трапезе. После того как они поели, принесли всевозможные сладости. По рядам пошли чаши с питьем. Все княжичи и все министры, военачальники и весь народ опьянели, как от цветов дурмана, и заснули. На следующее утро махараджа Джая Синга со всеми князьями, военачальниками и войсками выступил из города навстречу войскам Нилы Аннгады.

Когда оба войска увидели друг друга, то поднялся гул, словно небо упало на землю. Обе стороны вступили в яростный бой. Через короткое время кровь лилась по земле и тела воинов громоздились друг на друга, как громадные холмы. День склонился к ночи, и войска обеих сторон вернулись на свои места — есть, пить и наслаждаться.

На следующее утро Нила Аннгада вместе со своим войском прибыл на равнину, которая служила местом боя. Вся равнина была так заполнена войсками, что негде было поставить ногу. Все военные кличи гремели, словно гром грохотал по небу. Когда раксасы услышали это, они испугались и взволновались, и все князья вздрогнули и очнулись от сна. Махараджа Джая Синга с раксасами выступил из города. Они увидели неисчислимое войско Нилы Аннгады, и оба войска, смешавшись, вступили в бой. Нила Аннгада захватил в плен махараджу Суру Налу, махараджу Берму Куасу и раджу Джалуку и связал их. Махараджа Джая Син-

га и все подчиненные ему князья побежали в город. Их преследовали до тех пор, пока они могли бежать. А потом махараджа Маду Силан и махараджа Берани бросились ниц перед Нилой Анггадой со словами: «О государь, мы все будем верны тебе, а тем более Сери Рама, которого мы признаем своим господином».

Нила Анггада приказал, чтобы махараджа Маду Силан и махараджа Берани привели своих первых министров, воинов, вождей и все войско. Когда все собрались, Нила Анггада выступил со своим войском и всеми взятыми в плен князьями и их войсками. Через некоторое время они прибыли к месту, где находился Сери Рама. Нила Анггада подбежал припасть к ногам Сери Рама и поклонился ему своей победой. Сери Рама произнес: «Хорошо! Ты, Нила Анггада, победил три страны, ты и владей ими, тебе же жалуется и дочь махараджи Маду Силана по имени Деви Нила Варти».

Сери Рама приказал убить взятых в плен князей, но раджу Маду Силана и раджу Берани Сери Рама не казнил, потому что они сами отвели от себя злую участь, а также потому, что один из них стал тестем Нилы Ангады.

Теперь пойдет рассказ о том, как Сери Рама переродил море плотиной, как мостом, чтобы перебраться в страну Лангка Пури.

Хануман схватил несколько гор и бросил их в море. Когда он добрался уже близко к острову Лангка Пури, то дошел до такого глубокого места, что пришлось бросить туда несколько тысяч гор, и все они погрузились на дно, а вода фонтаном забила в небо. Сери Рама разгневался, схватил свою стрелу по имени Гандевати и выстрелил ею в море. Из глубины морской поднялась дева изумительной красоты. Сери Рама спросил: «Кто ты такая, девушка, и зачем ты пришла сюда? Или ты хочешь помочь мне?» Девушка ответила: «О государь, Сери Рама! Твой дед махараджа Маха Бисну увидел, что ты пускаешь свои стрелы в морскую глубь, и повелел мне рассказать тебе, что через это место вода проходит насквозь внутрь земли, туда, где находится вода по имени Ма'ульхят *. Если ты желаешь, чтобы все твое войско было храбрым и

отважным, неуязвимым и недоступным смерти от оружия, то прикажи ему испить этой бьющей фонтаном воды, потому что источник ее в руках твоего деда Маха Бисну». Произнеся эти слова, дева вновь погрузилась в морскую глубь. Сери Рама же приказал всему своему войску испить этой воды. Хануман бросил в нее гору, и вода брызнула к небу. Все войско собирало эту воду, и каждому досталось по капельке.

День перешел в ночь. Когда вновь рассвело, все радостно продолжали трудиться. Таким образом плотина достигла Лангка Пури.

НАЧАЛО ВОЙНЫ

АССКАЗЫВАЕТСЯ о том, как махараджа Равана, похитив Ситу Деви, поместил ее в некоем саду. В этом саду было семь дворцов, каждый из драгоценных камней — бирюзы, опала, мрамора, сапфиров, алмазов, волшебных камней и жемчугов. Двор вокруг этих дворцов был сделан из зеркал работы подземных жителей. Махараджа Равана приказал жечам князей раксас и семи царевнам раксас состоять при царевне Сите Деви. Возглавляла всех этих придворных прислужниц дочь махараджи Бибисанама по имени Деви Сери Джати.

Воистину такая красота была перед очами Ситы Деви, но в сердце ее не было счастья. Она непрерывно горевала и обливалась слезами. Когда махараджа Равана пришел к Сите Деви, она хотела покончить с собой. От жалости к Сите Деви махараджа Равана не приблизился к ней, и так было всякий раз.

Но однажды наступил день, когда махараджа Равана пожелал Ситу Деви и пришел к ней. Сита Деви сказала: «Как ты можешь желать меня, когда Сери Рама еще жив! Ты можешь это сделать, если он умрет, но в таком случае изволь принести мне сюда его голову». Махараджа Равана ответил: «Хорошо, если так, я пойду и убью Сери Раму».

Раджа Равана вернулся к себе во дворец. Он приказал своему гонцу позвать Калу Сакти и Пурву Секали. Когда они пришли, махараджа Равана отрубил им головы, надел на эти головы короны и приказал отнести их к Сите Деви. Когда махараджа пришел к дому Ситы Деви, она приказала Деви Сери Джати выйти и узнать, в чем дело. Деви Сери Джати спросила: «О государь, разве ты уже достал голову Сери Рамы,

что пожаловал сюда?» Махараджа Равана отвечал: «Вот я принес голову Сери Рамы и голову Лаксаманы. Во время войны с махараджей Сери Рамой трупы громоздились, как горы, а кровь образовала море, в котором туши слонов и коней лежали островами, а все колесницы погрузились в глубину этого моря крови. Вот так-то. Уж очень яростно я сражался на этот раз». Деви Сери Джати сказала: «Действительно, это головы Сери Рамы и Лаксаманы. В таком случае пойдите, ваше величество, и семь раз выкупайтесь с лимонным соком. А завтра утром, после того как вы вымоетесь и натретесь благовониями, приходите сюда». Раджа Равана сказал: «Хорошо», — и вернулся во дворец.

Деви Сери Джати принесла обе головы к Сите Деви. Сита Деви вздрогнула, зарыдала и выхватила свой кинжал по имени Петерам *, но Сери Джати тут же схватила ее за руку, говоря: «Не убивай себя, ведь еще недостоверно, что это голова твоего светлейшего супруга. Может быть, это и не так. Дай я схожу на поле битвы и посмотрю на твоего государя». — «Да, пойд!» — согласилась Сита Деви.

Деви Сери Джати отправилась. Через некоторое время она пришла туда, где был Сери Рама. Сери Рама спросил ее, по какому делу она пришла к нему, и Деви Сери Джати рассказала о том, что случилось с Ситой Деви. Тогда Сери Рама снял с себя пояс и, подавая его Деви Сери Джати, сказал: «Вот мой пояс, сотканный Ситой Деви. Это знак, что я еще жив. Отнеси его и поклонись им Сите Деви». И Сери Рама приказал Хануману немедленно доставить Деви Сери Джати домой. Хануман посадил ее себе на бедро, и они оба быстро добрались до сада Ситы Деви. Деви Сери Джати вошла в сад, а Хануман вернулся к себе.

Как только Сери Джати вошла к Сите Деви, она поклонилась и воскликнула: «Этот раджа Равана — величайший лжец! Вот знак того, что его величество твой супруг Сери Рама еще жив!» Сита Деви промолвила: «Ты действительно дошла до Сери Рамы, потому что этот пояс я сама ему выткала».

Как раз в это время прибыл махараджа Равана.

Девы Сери Джати немедленно вышла к нему. Махараджа Равана спросил: «Что думает Сита Деви? Придет ли она меня своим супругом? Ведь Сери Рама уже мертв». Девы Сери Джати с поклоном отвечала: «О государь, ты представил голову 'вовсе не Сери Рамы. Я только что пришла оттуда, где Сери Рама восседает на глазах всего своего войска, прокладывающего мост через море».

Услышал махараджа Равана почтительные слова Девы Сери Джати, страшно рассердился, обнажил свой меч и хотел ее заколоть, но Девы Сери Джати убежала к Сите Девы. Махараджа Равана гнался за ней до самой опочивальни Ситы Девы. Сита Деви испугалась, поклонилась и воскликнула: «Государь, великий махараджа, убей меня, а не Девы Сери Джати. Ведь она пошла потому, что я ей приказала, а вовсе не по своему желанию».

Махараджа Равана помолчал немного, а затем приказал переселить Ситу Девы в крепость из хорасанской стали*, поручив одновременно одному из своих министров по имени Виса Карнаксан расставить вокруг этой крепости всех своих раксас и стеречь Ситу Девы. В то же время махараджа Равана отправил министра по имени Сукасарана повидать Сери Раму и разведать, что он делает и как велико его войско. Сукасарана отклонялся и отправился в путь. Он превратился в обезьяну и пробрался для разведки в лагерь Сери Рамы. Разглядев все войско и то, что делает Сери Рама, Сукасарана вернулся в Лангка Пури и явился к махарадже Раване.

«Ну, Сукасарана, что ты высмотрел?» — спросил его государь. Сукасарана почтительно ответил: «О государь мой, великий махараджа! По мнению твоего слуги, сейчас не существует в мире государя подобного тебе, царь вселенной. Однако все же еще больше, видимо, величие Сери Рамы. Когда я увидел Сери Раму, то я испугался, потому что его образ неопишуем. Во всем мире нет ни одного человека из всех созданных Великим Преславным богом, который был бы подобен Сери Раме обычаем, обликом и цветом*. Он держится, как тигр, готовый к прыжку. Стрела его по имени

Гандевати обладает великим волшебством и может сразить ряды сотен тысяч воинов. Лаксамана и все военачальники Сери Рама бесконечно храбры и отважны и так же обладают волшебной силой».

Махараджа Равана страшно рассердился на Сукасарану. Сукасарана сейчас же убежал домой. Махараджа Равана же приказал своему сыну Гангге Маха Сура разрушить тот мост, который Сери Рама строил. Гангга Маха Сура созвал всех рыб в море и приказал им разрушить всю плотину. Как только Хануман увидел, что рыбы разрушают плотину, он спустился в море и своим хвостом взбил волны так, что вся вода в море превратилась в ил. Все рыбы в море опьянели, будто отведали зелья. Хануман же приказал всему обезьяньему войску схватить этих рыб и съесть. Вдруг Хануман увидел краба, огромного, величиной почти с остров Лангга Пури. Этот краб подполз к плотине, захватил ее своими клешнями, и плотина разорвалась надвое. Хануман был раздосадован. Он опустил свой хвост в море, и краб сейчас же защемил его. Когда Хануман почувствовал, что краб держится крепко, он выдернул хвост из воды и зашвырнул краба далеко на землю, может быть, в трех днях пути от середины леса. Краб стал биться, и в лесу образовалась квадратная площадка. Все войско обезьян накинулось на краба, убило его, но не смогло доесть до конца. Плотину же Нила Анггада починил.

Сери Рама собрал совет и хотел выступить и напасть на государство Лангга Пури. В это время к нему подошел патех Джембуана и с поклоном сказал: «О государь, я прочел в звездах, что сегодня тебе не надо выступать, потому что махараджа Равана построил еще один дворец и святилище Бетары Берахмы с семнадцатью зонтичными крышами, высотой до самого неба. Раз махараджа Равана увидел, что ты, государь, уже готов, и раз он установил зонты, ты не медли и выстрели в острие этого зонта-крыши, которое сияет, как солнце». Сери Рама очень огорчился и сказал: «Ведь если я так сделаю, то я разрушу здание Бетары Берахмы, и он прогневется на меня». Патех Джембуана ответил: «Это не беда, потому что ты, государь,

внук Маха Бисну. Бетара Берахма не может обойти приказ Маха Бисну».

Сери Рама послушался патеха Джембуаны и задержался. А на следующий день он выступил с раннего утра. Сери Рама сел верхом на Ханумана, который принял образ обезьяны величиной с гору, с тысячью голов и двумя тысячами рук. Все эти две тысячи рук держали что-нибудь. Сорок рук держали зонты, сорок рук были заняты крисами* и луками, сорок рук держали мечи, еще сорок — копья, сорок — стрелы и сорок — щиты. А в сотне его рук были музыкальные инструменты, которые играли разные напевы. Сев на Ханумана, Сери Рама пустился в путь с махараджей Сугривой, с Нилой Аннгадой, Нилой Бутой и сыном махараджи Балии. Лаксамана шел сзади, замыкая весь строй войск.

Все воинство Сери Рамы прибыло к берегу государства Ланγκα Пури. В это время махараджа Равана сидел в своем дворце, который он только что построил и покрыл зонтичными крышами. Махараджа Бибисанам указал махарадже Раване на всех князей и военачальников Сери Рамы. При виде шествующего Сери Рамы махараджа Равана испугался и задрожал, глядя на снаряжение Сери Рамы и обезьяну, на которой он ехал. Сери Рама же двигался к тому месту, где была построена крепость и поставлен дворец.

Махараджа Равана сидел перед всеми своими раджами, собравшимися, чтобы воевать с Сери Рамой. Старый министр по имени Бибисанам поклонился ему и сказал: «О государь, царь вселенной, я склоняюсь к ногам твоего величества и молю о пощаде и милости, потому что мне кажется, что следовало бы вернуть Ситу Деви Сери Раме; и пусть он станет героем-военачальником во дворце твоего величества и прославит твое имя. Если царь вселенной не вернет супругу Сери Раме, то без сомнения погибнет слава твоего величества во всем мире. И до конца дней твоих люди будут звать тебя похитителем жен. Почтительно докладываю тебе об этом, государь, царь вселенной».

Услышав речь раджи Бибисанама, махараджа Равана чрезвычайно рассвирепел, так что его нельзя было

узнать. Лицо его побагровело, как у обезьяны, которая хочет броситься на врага, и он выгнал раджу Бибисанама вон.

Раджа Бибисанам с позором покинул дворец махараджи Раваны и вернулся домой. С наступлением ночи он позвал свою супругу и двух сыновей и вместе с ними отправился к Сери Рама. Сери Рама же, услышав, что прибыл Бибисанам, сам вышел ему навстречу. Раджа Бибисанам пал к ногам Сери Рама, и Сери Рама сразу обнял его и поцеловал. Затем он спросил: «Почему ты, господин, покинул махараджу Равану?» Раджа Бибисанам рассказал все, что произошло между ним и раджей Раваной.

Сери Рама чрезвычайно обрадовался приходу Бибисанама. И махараджа Бибисанам со всей своей семьей радостно сел около Сери Рама*.

Следует рассказ о махарадже Раване. Его сын Индера Джата подошел к нему и поклонился со словами: «О государь, царь вселенной! Если будет на то твоя воля, то возврати Сери Рама его супругу по имени Сита Деви. И пусть прославится твое царское имя».

Выслушав почтительную речь Индеры Джаты, махараджа Равана промолчал. На следующий день он приказал, чтобы десять военачальников, взяв с собой сто лакс войск, с оружием в руках напали на Сери Рама. Когда войска приблизились к месту, где расположился Сери Рама, Сери Рама и Лаксамана сидели рядом и разглядывали этих военачальников. Каково-то будет схватка с ними?!

Хануман и Нила Анггада двинулись навстречу военачальникам и со страшным грохотом и гулом вступили в бой со всеми ста лаксами раксас. Хануман захватил в плен четырех военачальников Раваны, двоих он схватил ногами, а двоих — руками. Нила Бута и Нила Анггада взяли в плен четырех военачальников раксас, а Анггада Махабиру, Нула Нила, Каранг Ту-юл и Каранг Беранг — еще двух. Войско же раджи Раваны, эти сто лакс, продолжали драться с восемью военачальниками Сери Рама. Тогда Хануман поймал всех раксас и перебил всех воинов, так что не осталось ни одного.

Услышав эту весть, махараджа Равана приказал позвать Кумбу Керну. Кумба Керна крепко спал, все время задышался и храпел. Сто человек пришло будить его, а он никак не мог прийти в себя. Тогда четыре придворные девушки влезли ему в ноздри и стали дергать за волоски в носу. Тут Кумба Керна чихнул, и все четыре придворные девушки выкатились кубарем из его ноздрей. После этого вестники начали выщипывать волосы, которыми обросли его ноги. Кумба Керна вздрогнул и проснулся. Вестники привели его к махарадже Раване. «Что ты мне теперь посоветуешь?—спросил его махараджа Равана.—Ведь Сери Рама уже напал на нас!» Кумба Керна поклонился и ответил: «Государь мой, царь вселенной! Сери Рама — не простой человек. Ведь он убил Джагини, сразил Агая Гандаю, уничтожил страшную змею, казнил Гагак Суру, убил махараджу Балию. По-моему, следовало бы вернуть Сери Раме его супругу, чтобы твое имя, государь, прославилось в устах людей».

Махараджа Равана разозлился и приказал собрать всех своих военачальников и все свои войска. Затем он выступил против Сери Рамы. Они встретились, и началось сражение. Шум и военные кличи военачальников гремели так, что казалось, будто небо вот-вот грохнется на землю.

Битва продолжалась два дня, и множество военачальников с обеих сторон уже пало, но никто еще не был разбит.

На следующий день махараджа Равана сказал Кумбе Керне: «Если ты убьешь Сери Раму, то половину моего царства я отдам тебе». Кумба Керна выступил с десятью военачальниками. Дойдя до середины поля, он закричал, вызывая Сери Раму: «Эй, Сери Рама, если ты храбр и смел, выходи на середину поля, сразись со мной и ты почувствуешь силу моей руки. Поклонись своей женой махарадже Раване и моли о пощаде у ног царя вселенной».

Сери Рама очень разгневался. Он взял свои стрелы и вышел один на средину поля. Когда он подошел к Кумбе Керне, тот немедленно поднял свою дубину и подбежал к Сери Раме, чтобы его ударить, но Сери

Рама тут же выстрелил в него, поразил его в шею, и голова Кумбы Керны кувырком полетела на землю. Тело же его рухнуло с таким грохотом, будто громадное дерево упало на землю. Сери Рама обратился ко всем военачальникам Кумбы Керны со словами: «Отнесите его дубинку назад к махарадже Раване». Военачальники рассердились, подняли дубинки и вступили в схватку. Когда они встали в ряд, Сери Рама выстрелил и одной стрелой пронзил всем десяти шеи, и все они упали. Сери Рама же, подняв дубинку Кумбы Керны, бросил ее в войско раджи Раваны. Тысячи людей были убиты ударом этой дубинки. И голову Кумбы Керны Сери Рама тоже швырнул в войско махараджи Раваны, и многие тысячи людей были перебиты. После этого Сери Рама вернулся в свой лагерь. Махараджа Равана тоже возвратился к себе во дворец в большом горе, потому что умер его брат.

Когда прошло сорок дней, Сери Рама приказал Хануману отнести махарадже Раване письмо. Вот что было в нем написано: «Если махараджа Равана желает жить со мной в дружбе, то пусть возвратит мне мою супругу, царицу Ситу Деви. Если же махараджа Равана не вернет мне мою супругу, я перебую тысячи тысяч лакс народу».

Хануман прибыл к махарадже Раване и подал ему письмо. Махараджа Равана сказал: «О Хануман, если бы я хотел отдать Ситу Деви Сери Рама, то, конечно, отдал бы ее ему, как только он пришел. А теперь все двадцать шесть моих военачальников уничтожены, и брат мой Кумба Керна убит, и сотни лакс моего войска пали. Это Лаксамана затеял все дело, потому что пожелал мою сестру Суру Пандаки. Сына ее Дерсу Сингу он убил, а сестре моей отрезал нос и уши*, поэтому мое сердце исполнено жаркого гнева против него, и это чувство не уменьшается. Если Сери Рама желает получить свою супругу обратно, то пусть отдаст мне связанным своего брата Лаксаману».

Тогда Хануман рассказал махарадже Раване, что Лаксамана убил сына Суры Пандаки нечаянно, и объяснил, почему она сама была покалечена. Обо всем этом Хануман рассказал махарадже Раване. Когда тот вы-

слушал все, что сказал Хануман, он расвирепел и сказал: «Скажи Сери Раме, что я не верну ему его супругу, а если его сердце чего-нибудь пожелает, то я здесь. Немедля возвращайся, Хануман, и передай эти слова Сери Раме». Хануман встал и, не прощаясь с махараджей Раваной, вернулся к Сери Раме. Он передал ему все, что сказал махараджа Равана. «Хорошо. Равана хочет показать мне свою храбрость. Здесь мы и подождем его», — сказал Сери Рама.

ПАТАЛА МАХИРАНИ ПОХИЩАЕТ СЕРИ РАМУ

АДЖА РАВАНА приказал четырьмя министрам: «Идите и приведите сюда моего сына Буту Бису* из каменной кладовой». Министры подняли Буту Бису из глубины земли вместе с той каменной кладовой, где он жил.

Когда Бута Биса явился пред лицо махараджи Раваны, тот обнял его и поцеловал: «О сын мой, плод сердца моего! Уж если Преславный бог соизволил сделать тебя таким, то ты будешь моим преемником на престоле государства Лангка Пури», — сказал он.

Махараджа Бибисанам немедленно отправился к Сери Рама и, вбежав к нему, поклонился со словами: «О государь, царь вселенной! У махараджи Раваны есть сын по имени Бута Биса. Все, на что он взглянет, вспыхивает огнем и превращается в пепел. Поэтому махараджа Равана выковал из золота маленькие золотые чаши и закрыл ими глаза этого сына. Однако я вычитал в звездах, что сейчас махараджа Равана вывел сына из его подземного каменного хранилища и завтра доставит на поле боя, чтобы он обратил в пепел все твоё войско. Как только раджа Равана откроет его закрытые очи, то, без сомнения, все, на что он взглянет, запылает и испепелится».

Сери Рама немедленно приказал сделать громадное зеркало, высотой в рост человека и отполировать его. Зеркало сверкало и переливалось сиянием. Это зеркало дали Хануману, передав ему слова Бибисанама.

Когда рассвело, махараджа Равана собрал всех своих сыновей, князей и министров, благородных воинов, евнухов, вестников, военачальников и все войско. Когда

все собрались, махараджа Равана выступил из города под грохот и звон музыкальных инструментов. А гул и шум военных криков был такой, словно остров Ланг-ка Пури сдвинулся с места. Махараджа Равана поставил Буту Бису на ноги и повернул его лицом к Сери Рамае. Два министра подошли с обеих сторон, чтобы открыть глаза Буты Бисы. В это время Хануман своим хвостом выдвинул перед Бутой Бисой громадное зеркало. Бута Биса взглянул и увидел в зеркале себя. Взгляд его, отраженный зеркалом, упал на него самого и обратил его в пепел. А тех двух министров, которые открывали глаза Буты Бисы, Хануман поймал своим хвостом, затем переломил им шеи и швырнул их головы в свиту махараджи Раваны. Они попали в древко зонта махараджи Раваны, и оно переломилось. Махараджа Равана задрожал от изумления и некоторое время стоял молча, а затем страшно рассердился на раджу Бибисанама, потому что понял: под всем этим кроется именно его знание и хитрость.

В это время патех Джембуана схватился с Перастамой и взял его в плен. Тогда махараджа Равана приказал всему своему войску идти против воинов патеха Джембуаны. Увидев это наступление, Сери Рама повелел всему обезьянъему войску выступить на помощь патеху Джембуане. Вскоре связанный Перастама был доставлен к Сери Рамае. Сери Рама похвалил патеха Джембуану и привлек к себе его сердце. Перастаму же он приказал посадить в тюрьму.

А пока что Хануман быстро выскочил на середину поля боя, удлинил свои руки и стал хватать войско раксас по двести воинов сразу. Все войско махараджи Раваны сразу рассыпалось. Все разбежались, кто куда. Хануман же поклонился Сери Рамае двумя сотнями раксас.

День сменился ночью, а на следующий день сыновья махараджи Раваны и министры его заговорили о том, что надо вернуть Сери Рамае царевну Ситу Деви. Махараджа Равана побагровел так, что его нельзя было даже узнать. Весь он как бы пламенел огнем. «Теперь я прикажу украсть Сери Раму, потому что хочу убить его своей хитростью, — сказал он. — Ведь если я

него стрелять, то его не ранишь, если колоть его оружием, на нем не будет ни пореза, ни укола. Жги его огнем — он не сгорит, брось в море — и там он не погибнет».

И вот сын махараджи Раваны по имени Патала Махирани принял вид Ханумана, чтобы украсть Сери Раму сонного. Военачальники, охранявшие Сери Раму во дворце, увидев Паталу Махирани, решили, что это Хануман. Было уже далеко за полдень, и они задремали. Тогда Патала Махирани взял своего зелья, натер им лица стражей, и они тут же потеряли сознание. А Патала Махирани вошел во дворец Сери Рамы и нашел его еще спящим. Он поднял Сери Раму вместе с ложем, вышел, взвился в воздух и прибыл в свой дворец. Сери Раму же он положил в храме идола по имени Судамани.

В это время Хануман захотел войти к Сери Раме. Увидев, что вся стража спит, он чрезвычайно рассердился. Хануман разбудил военачальников, и они страшно испугались, говоря: «Ты же сам только что прошел во дворец».

Войдя во дворец, Хануман увидел, что Сери Рамы нет. Остались только Лаксамана и махараджа Бибисанам. Он их разбудил и поднял шум во дворце Сери Рамы. Узнав, в чем дело, Лаксамана залился слезами, как человек, которому суждено сейчас умереть.

«Клянусь Великим Преславным богом, я не вернусь, если не найду государя Сери Раму!» — воскликнул Хануман. Он поднялся в небо и спустился в глубь земли в поисках своего господина Сери Рамы, но нигде не нашел его. Но тут Хануман встретил царицу Ибу Рани*, которая набирала воды в золотой кувшин. «О госпожа царица, зачем ты набираешь эту воду?» — спросил ее Хануман.

«Чтобы выкупить моего сына, — ответила царица. — У меня есть сын по имени Атанг Рани. Махараджа Патала Махирани собирается убить его вместе с Сери Рамой, потому что прочел в звездах, что мой сын станет царем в этой стране». Хануман спросил: «О царица, не можешь ли ты унести меня в этом кувшине?» Ибу Рани удивилась: «Как же ты сможешь поместиться

в нем?». Хануман ответил: «Ты, царица, конечно, понимаешь: все большое может стать маленьким».

«Если можешь, войди в этот кувшин, — согласилась Ибу Рани, — но Хануман Туганггах взвешивает все, что вносят в эту железную крепость, и сравнивает с тем, что выносят. Впрочем, скажи мне сперва: как твое имя?» — «Я военачальник Сери Рамы, имя же мое Хануман», — отвечал он. Тогда Ибу Рани так обратилась к нему: «Обещай, что, если сможешь, сделаешь царем моего сына, — и я внесу тебя». — «Хорошо, я сделаю его царем», — пообещал Хануман.

Хануман превратился в маленькую ящерицу и юркнул в кувшин. Ибу Рани вошла с кувшином в железную крепость. Когда Хануман Туганггах увидел ее, он сказал: «О Ибу Рани, давай я сперва взвешу этот кувшин». Когда же он взвешивал, чашка весов сломалась и кувшин упал на землю. Хануман вывалился из кувшина на спину, а затем встал на землю и стал такого же роста, как и раньше.

Хануман Туганггах спросил: «Ты кто такой?» — «Нетрять много слов. Я тот, кого твое сердце желает», — промолвил Хануман. Он посмотрел направо и налево и увидел, что под рукой нет никакого оружия. Тогда он повалил одну из свай железной крепости и ударил ею Ханумана Туганггах, но тот даже не почувствовал удара. А ведь Хануман совершенно разломал один угол здания железной крепости! Затем Хануман и Хануман Туганггах схватились руками и зубами, но ни один не смог пересилить другого. Так они боролись некоторое время, и оба устали.

Но ведь перед Хануманом никто не мог устоять на земле, поэтому он подумал: «Очевидно, Великий Преславный бог сделал этого военачальника таким же, как я. Он и похож на меня, да и отвагой мне равен. Кто бы это мог быть?» И Хануман спросил: «О витязь, скажи мне, кто ты такой, откуда ты и какого ты рода?»

«Я сын Ханумана, и мое имя — Хануман Туганггах», — ответил Хануман Туганггах. Хануман удивился: «Разве у Ханумана есть сын?» Хануман Туганггах объяснил: «Когда Сери Рама приказал сери Хануману

отправиться в Лангка Пури повидать Ситу Деви, то, прыгая из Лагур Катагина в Лангка Пури, Хануман выронил свое семя в море. Царь-рыба по имени Джандана * проглотила это семя и забеременела, а через некоторое время она разрешилась от бремени. Она отправилась к громадному утесу на берегу моря и там породила меня. Об этом услышал Гангга Маха Сура. Он явился на то место и взял меня, приказав всячески выхаживать. Меня отдали Патале Махирани. Все это государство передано мне. Все в нем мне подвластно. Вот только не встречал я махараджу Сери Раму и моего отца сери Ханумана, а все остальное имею, потому что махараджа Патала Махирани меня очень любит».

На это сери Хануман ответил: «А ты действительно мой сын». Хануман Туганггах припал к ногам своего отца Ханумана, а Хануман обнял и поцеловал своего сына со словами: «Я прибыл сюда в поисках Паталы Махирани, потому что сегодня на заре он похитил Сери Раму». — «Подожди здесь. Я пойду и приведу Сери Раму», — предложил сын. Но Хануман возразил: «Не ходи, сын мой. Наш род — не изменники». И добавил: «Оставайся здесь и сторожи эти ворота. Я сам пойду». И Хануман вошел в ограду дворца Паталы Махирани.

Он увидел Сери Раму еще спящим на своем ложе. Хануман схватил всех бывших там ракас и свернул им шею, так что лица их смотрели назад, но один из ракас убежал к Патале Махирани. Хануман же взял ложе Сери Рамы и вынес его.

Как только Патала Махирани услышал, что санг Хануман пришел за Сери Рамой, он сейчас же выскочил в погоню за Хануманом и заревел, как буря. Приблизившись к Хануману, он вступил с ним в бой. Но Хануман швырнул его в небо, и он упал на землю. Несколько храбрых военачальников напали на Ханумана но не могли осилить его, потому что он всех швырял в небо.

После битвы Хануман сказал: «О сын мой, Хануман Туганггах! Ты оставайся здесь. Пока жив Патала Махирани, не стремись сделаться раджой». Он взял ложе Сери Рамы и унес его. Когда он прибыл, Лаксамана увидел его и отвел во дворец. Махараджа Бибисанам

взял розовой воды, произнес над ней заклинания и обтер ею лицо Сери Рама, потому что, захватив Сери Рама, Патала Махирани намазал его лицо каким-то сонным зельем. После того как махараджа Бибисанам обтер лицо Сери Рама, государь вздрогнул и проснулся. Все бывшие во дворце были очень счастливы и припали к ногам Сери Рама. Вечером же все веселились и с наслаждением пировали.

Как только рассвело, со стороны лагеря махараджи Раваны донеслись звуки боевого барабана. Сери Рама вышел на поле битвы и один напал на Паталу Махирани со всем его войском. Он спустил стрелу и поразил Паталу Махирани в шею, и голова его выпала из колесницы. В колеснице же осталось множество его стрел. Сери Рама взял их и принялся посылать во врагов, а те падали десятками тысяч.

Хануман Туганггах и все князья, подчинявшиеся Патале Махирани, прибыли выразить свою покорность Сери Рама. Сери Рама же был очень доволен, когда он увидел Ханумана Туганггаха, вылитого Ханумана. Сери Рама погладил его по голове и пожаловал ему свое ожерелье из драгоценных камней восьми цветов, а хвост Ханумана Туганггаха был весь усажен кольцами с волшебными камнями. Был он весь белый, как серебро, и с человеческим лицом, только покрытым волосами.

БОРЬБА С ИНДЕРОЙ ДЖАТОЙ

ЭТО ВРЕМЯ махараджа Равана собрал на совет все свое войско и спросил: «Что вы мне посоветуете? Кто может бороться с Сери Рамой?» Никто не отвечал. Первый министр почтительно склонился и сказал: «О государь, кто же сумеет бороться с Сери Рамой? Ведь его высочество, ваш младший брат, уже по-

гиб, и семеро светлейших ваших сыновей погибли *, и сорок ваших знаменитейших военачальников скончались, а от войска вашего осталась только небольшая часть. Так кого же вы пошлете, ваше величество? Остался только один возможный противник для Сери Рамы — это ваш светлейший сын, раджа-небожитель. И если этот царевич не победит, то, несомненно, уже окуталось мраком государство Лангка Пури и погибло. Вот так, государь, царь вселенной. Я прошу пощады у ваших ног, но, если возможно, лучше бы возвратить Ситу Деву».

Выслушав покорнейшую речь первого министра, махараджа Равана рассвирепел, вспыхнул, как огонь, и взглянул на него, как лев, приготовившийся к прыжку.

Индера Джата подошел и поклонился: «О государь, прошу пощады и милости, но в его речи есть смысл. Ведь весь мир пришел в беспорядок! Твой младший брат и твои сыновья погибли, и все из-за одной-единственной женщины».

Махараджа Равана воскликнул: «Значит, из-за Ситы Девы умер мой брат и погибли мои дети! Так пусть же будет убита сама Сита Девы!» Индера Джата поклонился, говоря: «О государь, царь вселенной. Как обесславлено будет твое имя! Ты похитил жену у мужа уже двенадцать лет назад. Сейчас ее муж пришел войной, убил твоего брата, царевичей и всех военачаль-

ников! Мы не можем бороться с Сери Рамой, и поэтому ты хочешь убить эту женщину! Каким бесконечным позором покроется твое имя, государь, во всем мире!»

Махараджа Равана сказал Индере Джате: «За отшельнические подвиги у меня есть одна заслуга. Принесем жертву моему скиту. Вот то, на что я надеюсь. Если бы эта жертва была уже принесена, то не умерли бы ни мой брат, ни мои сыновья. Даже змея, которую застрелил Сери Рама, была бы еще жива». Индера Джата спросил: «Раз так, что же нам сделать, чтобы Сери Рама прекратил эту войну?» — «О сын мой, сделаем женщину, похожую на Ситу Деви, и ты убьешь ее, — ответил махараджа Равана. — Когда Сери Рама услышит, что Сита Деви умерла, он, конечно, будет очень удручен. Из-за своего горя он прекратит войну. Мы тоже перестанем сражаться и немедленно совершим жертвоприношение».

Выслушав приказ махараджи Раваны, Индера Джата разыскал красивую женщину и убил ее*, а затем разгласил по стране, что умертвил Ситу Деви. Тайну же этого никто не знал. Прослышав об убийстве, все люди в Лангка Пури огорчились до слез. А Индера Джата вместе со всем войском, захватив также всех слонов, коней и колесницы, отправился совершать жертвоприношение возле скита Раваны.

В это время Хануман, став невидимым, пришел в Лангка Пури, чтобы послушать, что делается в этом государстве. Он услышал громкие рыдания. В городе говорили, что Сита Деви скончалась, убитая раджей Раваной. Хануман в горе немедленно вернулся. Он пошел к Сери Рама и припал к его ногам. Сери Рама поднял его со словами: «О Хануман, отчего ты такой расстроенный? Что ты видел и где? Что ты слышал, расскажи мне». Хануман ответил: «О государь, царь вселенной! Напрасны все твои труды. Я услышал весть о том, что супруга твоя Сита Деви скончалась, убитая раджей Раваной».

Услышав слова Ханумана, Сери Рама потерял сознание и не мог прийти в себя. Лаксамана подошел к нему. Все военачальники в большом горе выслушали

эту весть. Через некоторое время махараджа Бибисанам пришел к Сери Рама. Он увидел, что Сери Рама лежит навзничь без сознания. Махараджа Бибисанам сейчас же взял розовой воды и обрызгал Сери Рама лицо и все тело. Сери Рама опомнился и залился слезами. «О государь, царь вселенной, не горюй так тяжело, — сказал ему махараджа Бибисанам. — По-моему, супруга твоя Сита Деви не скончалась. Нам надо продолжать войну». Лаксамана прибавил: «О государь, сперва мы оставили город Мандура Пура Негара и пришли в лес. Затем царица Сита Деви была похищена махараджей Раваной. Мы пришли с войной в Лангка Пури. А теперь мы слышим такую весть о Сите Деви. По-моему, нам надо немедленно войти в крепость Лангка Пури, уничтожить всех, кто носит имя ракаса, чтобы не осталось ни единого. Если придет Равана, потопим его в глубинах морских. Если он сбежит от нас в седьмую глубь земли *, — будем его преследовать и под землей. Если поднимется в небесные пространства, и там мы найдем его. Когда бы мне повелели, я бы сейчас бросился делать это».

После того как Лаксамана сказал такую речь, подошел и махараджа Сугрива. Он рассказал свой сон, словно бы только что проснулся. А сон был такой: «Стоит дворец, в котором горит зажженный светильник. Я шел и повстречался с Раваной. Я толкнул его в грудь, и он упал вниз лицом. Царица Сита Деви вместе с твоим величеством поднялась на колесницу и сделала круг по крепости Лангка Пури. Вот, государь, что я видел в Лангка Пури». Тогда махараджа Бибисанам предложил с поклоном: «О государь, хорошо бы приказать Хануману отправиться к твоей светлейшей супруге Сите Деви». И прежде чем Сери Рама успел распорядиться, Хануман воскликнул: «О государь, разреши мне пуститься в путь к твоей супруге царице Сите Деви». Сери Рама сказал: «Немедля иди повидать Ситу Деви, сын мой, и скорее возвращайся».

Хануман поклонился и направился в город Лангка Пури. Он обратился птицей и подлетел ко дворцу Ситы Деви. Он увидел, что Сита Деви сидит, горюя и заливаясь слезами. Хануман тут же полетел назад. По

пути он встретил толпу монахов* и махареси, направлявшихся к какой-то обители. Хануман услышал, как эти люди говорили: «Махараджа Равана приказал Индере Джате совершить жертвоприношение в бывшей обители Раваны».

Услышав это, Хануман немедленно вернулся к Сери Раме, поклонился ему и сказал: «О государь, царица, твоя супруга Сита Деви жива и пребывает в большом горе». И Хануман рассказал Сери Раме все, что видел.

Горе Сери Рамы сменилось радостью, и он приказал Бибисанаму¹ сделать все, что нужно, чтобы жертвоприношение Индеры Джаты не состоялось. После этого Лаксамана простился со всеми военачальниками и пустился в путь. Через некоторое время он прибыл к месту жертвоприношения и со страшной яростью набросился на собравшиеся там войска. От стрел Лаксаманы погибли многие тысячи воинов, пали многие тысячи слонов и коней и были разбиты тысячи колесниц. Не счесть, сколько раксас он убил, но их было очень много. С одной стороны стрелял из своего лука Лаксамана, а с другой стороны бил своей палицей Хануман. Происходила эта битва на берегу моря. Кровь текла, как речная вода. Трупы раксас, слонов, коней и разбитые колесницы падали в море, и вода в море побагровела, как кровь.

Индера Джата же продолжал возносить молитвы. Махараджа Бируи и военачальник Бакерма закричали ему издали: «О государь, время ли теперь молиться? О чем ты, государь, молишься, когда все твоё неисчислимое войско уже погибает? Если ты не выйдешь немедленно, то все царское войско будет уничтожено до конца. Лаксамана ворвался в Ланга Пури».

Индера Джата разгневался и сказал: «Не смейте входить и говорить со мной. Если даже все мое войско погибнет и никого не останется в живых, я не прерву своего жертвоприношения. Когда же я закончу его, все умершие немедленно воскреснут!»

Хануман приказал своему сыну Хануману Тугангаху набрать громадных камней. Сам же он наломал

¹ Так в тексте. Далее говорится только о Бибисанаме.

гор и стал швырять их туда, где Индера Джата приносил свою жертву и возносил молитвы. С четырех сторон это место окружили четыре тысячи берахманов, которые возливали растопленный говяжий жир*. Здесь и настиг их частый дождь из каменных глыб. Все берахманы, не ожидая дальнейшего, бросились бежать от этого места. Жертвоприношение было прервано и не достигло своей цели. Индера Джата рассердился. В это время Лаксамана начал пускать свои стрелы и засыпал ими обитель, где Индера Джата приносил свою жертву. Огонь на алтаре потух, и даже дым от огня растаял, так что и следов не осталось. От падающих гор потемнело небо. В гневе Индера Джата вышел, чтобы вступить в бой. Он тут же поднялся на небо, пришел к своей супруге Кемале Деви, обнял, поцеловал ее и сказал: «О супруга, дыхание мое, свет моих очей, плод моего сердца. Оставайся в благополучии, я же ухожу и больше не вернусь».

Супруга его залилась слезами. Причитания всех небесных дев зазвенели по всей земле, как жужжание шмелей. А Индера Джата взял розовой воды и обтер ею лицо супруги, сказав: «Успокойся, сестрица*, встань, свет моих очей. Лучше пошутить и поиграть со мной, потому что сегодня я кончаю с любовью». Царица Кемала Деви вздрогнула, поднялась и сказала: «Увы, братец! Если ты умрешь, то и я последую за тобой и умру. Зачем мне жить!» Индера Джата промолвил: «Давай, госпожа сестрица, пойдем купаться. Ведь пока мы с тобой еще вместе».

Царица вымыла голову своему супругу, а Индера Джата вымыл ей голову. Они выкупались вместе, а небесные девы обмахивали их желтыми платками*. Когда они выкупались, то оба сменили одежду, натерлись прекраснейшими благовониями и надели украшения, которые носят жених и невеста.

Индера Джата, изумительно прекрасный, воссел на трон, украшенный драгоценностями, жемчугами, сияющими и переливающимися самоцветами, и посадил свою супругу к себе на колени в присутствии небесных дев. Лицо царицы Кемалы Деви было так же несказанно прекрасно. Им подали рис и остальную трапезу.

Индера Джата сам взял горсть рису и вложил в рот своей супруге. Но царица Кемала Девы не могла проглотить этот рис. Индера Джата сказал: «Душа моя, плод сердца моего, сегодня я, твой супруг, кормлю тебя, купаю тебя, сажаю тебя к себе на колени и ношу тебя на бедре. Кушай же сестрица».

Услышав слова своего супруга, царица Кемала Девы лишилась чувств. Индера Джата прослезился, обнял и поцеловал ее со словами: «Проснись, сестрица, душа моя, приди в себя, госпожа, потому что я хочу проститься». Царица Кемала Девы все еще была в забытьи, хотя Индера Джата обращался к ней с ласками, шутками и даже слезами. Царица Кемала Девы не приходила в себя. Причитания небожителей разливались подобно шуму волн морских, и махараджа Равана услышал их.

Индера Джата приказал своим вестникам украсить его летающую колесницу. Он вспомнил о своей дочери, царице Индере Кесуме Девы, и приказал, чтобы кормилица принесла ее. Кормилица принесла царицу. Индера Джата поцеловал дочь со словами: «Прощай, душа моя, плод сердца моего!» Матери же царицы Кемалы Девы он сказал: «Увы, матушка, я поручаю тебе мою дочь, твою внучку! Береги ее хорошенько, потому что я ухожу и больше не вернусь». Мать царицы Кемалы Девы тоже лишилась чувств. Подошла Читра Тамандана, поклонилась и сказала: «О государь, уже много богов и небожителей погибло от стрел Сери Рамы и Лаксаманы. Сам мангкубуми * скончался, пораженный стрелой Лаксаманы, а удары Ханумана разрушили его колесницу. Военачальники обезьян убили множество раксас».

Когда Индера Джата услышал слова своей вестницы и узнал обо всех этих смертях, он чрезвычайно рассердился. Он поднял свою супругу и передал ее прислужницам. Затем он издал военный клич, и все три его головы * вытянулись из шеи. Военный клич Индеры Джаты прогрехотал, как гром. Остров Лангка Пури содрогнулся. И вот Индера Джата вскочил в свою летающую колесницу и понесся на поле битвы.

Услышав эти кличи Сери Рама, вздрогнул, вышел

и сел на свою колесницу. Он понял, что наступает тяжкая минута. Индера Джата спустился на середину поля боя, покалывая коней своей колесницы *. Тысяча зеленых коней, что влекли его колесницу, летели, как молния, а крики всех окружающих мамбангов грохотали, как гром. Остров Лангка Пури зашатался. Кажалось, наступает крушение мира. Даже солнце заслонил Индера Джата. Все войско Сери Рамы взволновалось. Вот Индера Джата скрылся в облаке, и сам Лаксамана погнался за ним. И куда бы Индера Джата ни направился, Лаксамана преследовал его. Вслед за Лаксаманой выступил Хануман, и вот он уже приблизился к Индере Джате. Едва Лаксамана оказался близко к вознице, управлявшему колесницей Индеры Джаты, как эта колесница рухнула на землю. Звук этого падения раскатился громом. Увидев, что его возница свалился на землю и умер, Индера Джата окутал тьмой свою колесницу. Лаксамана послал стрелы во всю тысячу зеленых коней, которые влекли колесницу, и все кони подошли от этих стрел. Тотчас же Индера Джата почувствовал, что потерял свою силу.

Тогда выстрелил Лаксамана. Он попал в колесницу Индеры Джаты и разбил ее. Хануман схватил огромную гору и швырнул ее в Индеру Джату. Тот упал на землю, но вскочил, схватил свой лук и выстрелил в Сери Раму. Сери Рама сейчас же отклонил стрелу Индеры Джаты и в ответ спустил стрелу по имени Гандевати. Она поразила Индеру Джату в правое плечо, и его правая рука упала на землю. Одной из оставшихся рук Индера Джата опять выстрелил в Сери Раму, но Сери Рама отклонил и эту стрелу и немедленно послал свою волшебную стрелу. Она пронзила все три правые руки Индеры Джаты, и они упали.

У Индеры Джаты не осталось больше уловок. Он кинул свой лук в Сери Раму, левой рукой схватил трезубец по имени Терисула и бросился на войско Сери Рамы. Впав в амок, Индера Джата перебил множество воинов. Увидев это, Сери Рама прострелил ему левое плечо и отрезал все три левые руки. Оружие Индеры Джаты упало на землю, и он стоял без рук, как обрубок. И вновь спустил свою стрелу Сери Рама,

прострелил ему шею, и она вместе с головами скатилась на землю. Индера Джата рухнул, и земля содрогнулась, как от землетрясения. Море взвыгало волнами. В небе стало слышно, и солнце стало видно. Все прояснилось, и земля изменилась. Город Лангка Пури покачнулся, как будто перед падением. Гремел гром, небо бороздили молнии, и все окуталось туманом. Небожители засыпали Индеру Джату цветами. Казалось, что с неба падает цветочный дождь.

Сери Рама приказал, чтобы все его войско пришло взглянуть на труп Индеры Джаты. Все обезьянье войско шумело, как гром в небе, но крик их был непрерывным. Подошел Ангада, отрубил головы Индеры Джаты и отнес их к Сери Рама. Лаксамана, Хануман и все военачальники явились к Сери Рама. Сери Рама встал, взял Лаксаману за руку, посадил его рядом с собой, обнял и поцеловал. «Хотя я и приобрел все царства земли и неба, но это для меня значит меньше, чем то, что мой брат пришел невредимым», — сказал Сери Рама. Он взял в руки голову Индеры Джаты и отправился швырнуть ее махарадже Раване. Но махараджи Раваны нигде не было видно, потому что он не знал, что его сын умер, а думал, что он еще сражается. Сери Рама воскликнул громким голосом: «Эй, Равана, вот уже все твои дети перебиты! Возвращай мою супругу, чтобы я простил твой грех и не выгнал тебя из дому и из твоего царства. И я сам вернусь в свое государство».

Услышал махараджа Равана, что сын его убит, вскрикнул, выбросился из своей колесницы и покатился по земле. Он застонал и запричитал всеми своими десятистами пастями. «О государь Индера Джата! Во всем мире все боги в небесах не могли сопротивляться тебе, да и какие же мамбанги сумели бы выдержать взгляд твоих очей? Разве не я сам послал тебя? Значит, я сам и убил тебя! О сын мой, свет очей моих, плод сердца моего, горе мне! Пусть погибнут все четыре мира, потому что ты свет очей и сердца твоего отца! Что можно еще сказать, о сын мой Индера Джата? Я сам убил тебя!» Так причитал он, катаясь по земле. Потом он отправился на поле битвы взять труп своего

сына. Махараджа Равана распростерся возле трупа Индеры Джаты. Он увидел, что нет ни одной из его трех голов. Махараджа Равана страшно горевал, потом обхватил труп своего сына, обнимал его, целовал, обливал слезами и горько печалился.

Сери Рама, Лаксманана, все военачальники и все войско — все рыдали от сострадания, глядя на махараджу Равану, корчившегося от горя посреди поля, и оплакивали Индеру Джату. Вдруг один из них рассмеялся при виде того, как все десять пастей махараджи Раваны стонали одновременно. Перестав рыдать, махараджа Равана вернулся к себе во дворец.

Дальше следует рассказ о лежавшей без чувств супруге махараджи Индеры Джаты, царице Кемале Деви.

Услышав военный клич Индеры Джаты, она вздрогнула, пришла в себя и поднялась. Никто не сообщал ей о смерти мужа, она залилась слезами и опять потеряла сознание. Пришла ее мать, в слезах и с причитаниями стала брызгать на царицу розовой водой. Царица опомнилась, мать обняла ее и поцеловала. Царица заплакала, причитая: «Горе моей головушке, горе моей короне! Исчезло то, что я ищу, пропало то, что я ищу. Где теперь мой супруг, где мне найти моего господина? На какой равнине, на какой горе может быть мой господин? В каком лесу, на каком поле остался мой супруг? Как жене найти мужа? Зачем, господин, ты покинул супругу несчастной! Зачем, обнимая меня, ты исчез из моих глаз! Куда ты исчез, где мне тебя увидеть? Горе мне в одиночестве. Муж мой мудрый и хороший, с кем сравнить мне тебя, мой супруг? Увы, насытилось сердце дикого зверя, что поедает своих детей, как носорог! Горе мне, государь! Дети наши остаются в сиротстве и нищете на чужих руках, пленниками, на посмешище людям».

Прощалась царица с матерью, хотела идти искать себе смерти. Горько заплакала мать, обнимала и целовала дочку свою, утешала ее ласковыми словами. Царица Кемала Деви схватила крик, чтобы заколоть себя. Обхватила ее мать обеими руками и воскликнула: «Не убивай себя, доченька, а если ищешь смерти, лучше походи на поле битвы!»

Царица Кемала Девы и все небесные девы спустились на поле боя, где сражался Индера Джата. Как увидела Кемала Девы тело своего супруга без голов и без рук, так и пала она на землю без сознания и без чувств. Когда же пришла в себя, обняла она труп мужа и стала его целовать, восклицая: «Увы, господин мой, душа моя, пропала моя опора! Сколько сотен раз ты вступал в бой от востока и до запада, с юга и до севера! Не умер ты и даже не был ранен. Никогда не бывал ранен или хотя бы оцарапан, а теперь вот случилось такое, и все из-за какой-то похищенной женщины! Весь мир в волнении, горит страна Лангка Пури, гибнут все четыре мира*, и господин мой скончался! И все оттого, что помешался кто-то от любви к женщине — супруге-царевне Сите Девы».

Услышал раджа Равана, ее свекор, плач невестки, рассердился он великим гневом, схватил свой меч по имени си-Амук* и вскочил на свою колесницу, чтобы полететь убить царицу Кемалу Девы. Министры бросились останавливать его разумными словами. Кинул махараджа Равана свой меч в ножны, повалился на землю и покатился к телу Индеры Джаты. Схватил он тело Индеры Джаты, поднял его на свои десять голов и понес во дворец с плачем и причитаниями. И звук его голоса раскатывался по всему дворцу. Все, кто был в царстве Лангка Пури, забились в свои дома, но этот плач грохотал, как морская волна, и все небожители рыдали, словно гром гремел в небе. Махараджа Равана отдал приказ своим министрам и всем военачальникам собрать слонов, коней и колесницы. Когда это было сделано, стали предавать сожжению тело Индеры Джаты. Все двинулись процессией под звуки музыки. Царица Кемала Девы в это время нарядилась во все свои украшения, как под венец, и вступила в процессию впереди всех небесных дев. Прибыв к месту сожжения, махараджа Равана приказал сложить костер из красного дерева, келамбака, мускуса и алоэ. Царица Кемала Девы поднялась на помост, чтобы с помощью кормилиц и мамушек броситься в огонь.

Когда Индера Джата и царица Кемала Девы сгорели, пепел их положили в золотую шкатулку, укра-

шенную драгоценностями, жемчугом и самоцветами. Раджа Равана приказал построить золотой храм с цветочным узором из алмазов, опалов и кораллов. В этот золотой храм положили прах Индеры Джаты и Кемалы Деви. Затем махараджа Равана в глубокой печали вернулся к себе.

Когда махараджа Равана вошел во дворец, царица Манду Даки припала к его ногам, заливаясь слезами и говоря: «О государь, царь вселенной, если твое величество будет милосерден и пощадит меня, твоего слугу, если тебе угодно мое обращение, то давай вернем Сери Раме его супругу! Подумай, государь, смог ты или не смог овладеть ею — все едино. Но сейчас, государь, из-за нее и ты в такой горе, и сын твой и его супруга погибли!» Махараджа Равана ответил ей: «О Манду Даки, я знаю, почему ты это советуешь. Если бы я смог овладеть Ситой Деви, то, разумеется, вознес бы ее выше тебя. Вот почему ты уговариваешь меня вернуть Ситу Деви Сери Раме». Царица Манду Даки поклонилась и сказала: «Ты неправ, государь, царь вселенной! Ведь я желаю величия и славы твоей, которые ты потерял из-за этой женщины».

Махараджа Равана приказал позвать Ситу Деви. Сита Деви пришла и села в сорока депах от него. Махараджа Равана спросил: «О Сита Деви, угодно ли тебе, чтобы я возвратил тебя Сери Раме?» Сита Деви поклонилась, отвечая: «О государь, великий махараджа! Если ты возвратишь меня Сери Раме, то получишь награду такую же, какую получил, встретившись с пророком Адамом в то время, когда ты предавался отшельнической жизни. Твое царское величие возрастет».

Махараджа Равана рассердился и приказал ответить Ситу Деви обратно в ее комнату.

ЛАКСАМАНА ПОРАЖЕН СТРЕЛОЙ РАВАНЫ

ОГДА ПРОШЛО сорок дней после смерти Индеры Джаты, махараджа Равана созвал всех своих министров, чтобы решить, как вести войну с Сери Рамой. Он спросил: «Кто же может сопротивляться Сери Раме в войне и кто в состоянии убить Сери Раму и Лаксаману?» Никто не ответил на вопрос

махараджи Раваны, но каждый молча в страхе опустил голову. Махараджа Равана приказал Джама Ментери * отправиться к горе Анта Пура Индера и позвать махараджу Банду Налу *, который уже триста лет предавался подвижнической жизни. Приготовив все для путешествия, Джама Ментери пустился в путь. Он нашел махараджу Банду Налу еще отшельником. Оба они почтительно поклонились друг другу, а затем сели рядом. Джама Ментери рассказал о борьбе махараджи Раваны с Сери Рамой. Рассказал он и о том, что махараджа Равана приказал ему позвать махараджу Банду Налу. Махараджа Банда Нала не захотел внять этому зову, потому что еще не закончил своих подвигов и не достиг того, ради чего предавался им. Джама Ментери стал его уговаривать, умолять и восхвалять, так что тот уже не мог устоять. Банда Нала подумал: «Ну что ж, пойду! После встречи с махараджей Раваной я вернусь продолжать свой подвиг, пока не закончу его». Он сказал: «О отец мой, я сделаю то, что ты просишь, потому что я и сам очень хочу встретиться с моим братом махараджей Раваной».

На следующий день оба отправились в путь. В городе Лангка Пури их встретил махараджа Равана, который принял махараджу Банду Налу очень приветливо и с большим почетом. Он ввел его в крепость и под-

нялся с ним во дворец. Махараджа Равана воссел на престол вместе с махараджей Бандой Налой и семь дней и семь ночей потчевал его и оказывал ему всевозможные знаки почета. Во время этой встречи и пира громко и весело играла музыка.

Развеселившись, все, в том числе князья и царевичи, по очереди выходили плясать, весело вызывали друг друга на танец, образуя сложные фигуры и передавая по кругу заздравные чаши. Сияли и переливались красками кубки, украшенные алмазами, жемчугами и другими самоцветами, наполненные всевозможными напитками: араком *, рисовой водкой, вином и шербетом. Пошли вкруговую и подносы с лакомствами всевозможных сортов, которые все время сменялись новыми и подавались всем собравшимся.

Теперь продолжается рассказ о Сери Рама. К нему пришел с поклоном махараджа Бибисанам и сказал: «О государь, царь вселенной! Я услышал о том, что махараджа Банда Нала в сопровождении Джамы Мен-тери прибыл по приглашению махараджи Раваны, чтобы сражаться с нами. Слух идет, что он очень храбр и отважен и притом большой волшебник». Сери Рама улыбнулся. Махараджа Бибисанам заговорил опять: «Уже завтра утром он выйдет на бой с нами. Так это написано и в моих волшебных книгах». Сери Рама ответил: «Я сам буду сражаться с махараджей Бандой Налой».

На рассвете махараджа Равана и махараджа Банда Нала выступили из крепости Лангга Пури и в сопровождении своего неисчислимого войска прибыли на поле битвы. Хануман попросил у Сери Рама разрешения и со всеми своими военачальниками отправился на средину этого поля и ударил по войскам махараджи Раваны. Бой шел со страшным шумом. Били дубинками, рубили мечами, кололи копьями, метали громадные скалы, дрались и просто кулаками и ногами. Не выдержало войско раксас. Очень многие из них были избиты и бежали без оглядки. Увидел это махараджа Банда Нала, рассвирепел и заорал Сери Рама, чтобы тот сам вышел на бой. Хануман же сказал: «Сперва я тебя поколочу».

Махараджа Банда Нала разозлился еще больше и принялся пускать свои волшебные стрелы. Он выпустил стрелу огненную, стрелу ветреную и стрелу дождевую. Хануман швырнул в него множество скал и громадных гор, но махараджа Банда Нала отвел их, и ни одна не задела его. Когда же день сменился ночью, обе стороны вернулись обратно в свой стан отдыхать. Так воевали они день за днем. Когда прошло три дня и Банда Нала все еще не был ранен Хануманом, он возвысил голос и закричал: «Эй, Сери Рама, если ты действительно храбрый и отважный человек, всем известный и знаменитый, покажи свое оружие, чтобы я мог увидеть его волшебство!»

Едва Сери Рама услышал слова махараджи Банды Налы, он не медля ни минуты выхватил свою стрелу по имени Гандевати, прицелился из своего лука и спустил ее. Прокатился по небу глухой гром, брызнул дождь, и загорелась вечерняя заря. Это было предвестием смерти махараджи Банды Налы. Все его тело ослабело, и силы оставили его. Так Сери Рама спустил свою стрелу. Она прогремела, как гром, сверкнула жгучей молнией. Махараджа Банда Нала испугался, стрела пронзила его шею. Голова Банды Налы упала на землю, туловище же его покатилося по земле уже без головы. Все военачальники Сери Рама испустили ликующий клич, и он раскатился таким громом, что казалось, дрожит сама земля. Сери Рама сам возвысил голос: «Эй, махараджа Равана, есть у тебя еще военачальники, которым ты прикажешь бороться со мной? Ведь я их жду на этом поле. Если у тебя больше нет военачальников, выходи сам сразиться со мной один на один, и нечего губить такое большое войско. Если же ты боишься биться со мной, то возврати мне мою супругу Ситу Деви, чтобы я простил тебе всю твою вину».

Махараджа Равана приказал одному из своих военачальников объявить, что государь на семь дней выходит из боя, потому что хочет вывезти и похоронить тело своего брата махараджи Банды Налы. Махараджа Равана обрядил тело своего брата так, как требовалось, вынес его в торжественном шествии и предал сожжению. Пепел же собрал в высокую золотую шка-

тулку, которую затем торжественно перенесли в золотой храм и зарыли там.

Следует рассказ о том, как махараджа Равана советовался о продолжении этой войны.

Джама Ментери подошел с поклоном и сказал: «О государь, царь вселенной, разве у тебя нет сына, которого ты послал в глубь земли? Пусть он сразится с Сери Рамой, может быть, ему удастся убить его. Его зовут Мула Патани». Махараджа Равана вспомнил о Муле Патани. Он сам отправился в глубь земли, потому что Мула Патани обитал под седьмой глубиью земли. Сила у Мулы Патани была такая, что, испей он морской воды, море высохло бы, а хлопни он ладонью по горе, гора превратилась бы в пыль. Махараджа Равана отправился к нему. Придя, он его обнял и поцеловал и вывел из-под земли к себе во дворец. Там он угощал его едой и вином и пожаловал ему пятьсот корон и тысячу браслетов.

Надел Мула Патани на себя панцирь, на свои пятьсот голов надел пятьсот корон, а тысячу рук украсил тысячей браслетов и этой тысячей рук взял тысячу разных видов оружия. Когда Мула Патани так оделся и вооружился, махараджа Равана приказал привезти громаднейшую колесницу и десять тысяч слонов, которые должны были везти эту колесницу. Загремела музыка. Мула Патани поднялся на колесницу и выехал на середину поля.

Войска обеих сторон вступили в бой со всей силой и яростью и сражались, пока не было перебито неисчислимое множество воинов. Как только Мула Патани увидел Сери Раму, он забросал его всем своим оружием. Сери Рама отвел все это оружие и выстрелил в Мулу Патани. Он отрезал ему сотню голов, и они скатились на землю. Потом выстрелил ему в плечи и отрезал две сотни рук. После этого Сери Рама пустил стрелу ему в бедра и отрезал две сотни ног. Тут Сери Рама услышал голос с неба, который говорил: «О Сери Рама, застрели Мулу Патани одной стрелой, а не двумя, потому что ему уготована смерть от твоей руки». Прозвенела стрела, которую Мула Патани спустил в Сери Раму. Тогда Сери Рама подбежал к окружающим

Мулу Патани воинам и послал свою стрелу, которая поразила Мулу Патани в шею. Все его головы скатились. «О Сери Рама, выстрели в меня еще раз, чтобы я сразу умер», — попросил Мула Патани. Сери Рама улыбнулся и сказал: «Именно потому я и выстрелил в тебя один раз. Второй раз я не буду стрелять». И тут Мула Патани рухнул на землю, и земля задрожала.

Хануман ударил по колеснице Мулы Патани и убил всех десять тысяч слонов, которые в нее были впряжены, а самую колесницу разбил. Тогда все раксасы взмолились: «О махараджа Равана, царь вселенной! Почти все войско подземного царя уничтожено, а сам Мула Патани пал от руки Сери Рама, и множество твоих военачальников, государь, перебито. Образовалось море крови шириной в сотни йоджан. И все трупы раксас, слонов и коней прибило к берегу около города Ланγκα Пури».

Махараджа Равана страшно рассвирепел. Он немедленно вышел и поднялся на свою колесницу, запряженную тысячей коней и тысячей летучих львов. Над ней было поднято множество флагов и несколько сотен раскрытых зонтов. Так, с грохотом, он прибыл на поле боя. Его увидел Лаксамана, возле которого стояло множество воинов и все его военачальники. Лаксамана выступил вперед. И тут его поразило оружие махараджи Раваны, поразило в самое сердце. Лаксамана упал, но Хануман сейчас же подхватил его.

Когда Сери Рама увидел, что случилось с Лаксаманой, он бросился к нему, поднял и обнял его в страшном горе. Махараджа Бибисанам сказал: «Если его не вылечить сейчас же, то это оружие начнет расти, выпускать корни, листья, ветви. Если тогда попробовать вырвать это оружие, то разорвется вместе с ним и сердце твоего царственного брата, потому что это оружие засело глубоко в сердце царевича».

Хануман помчался к горе Анджани, чтобы найти там целебный корень для лечения Лаксаманы. Уже наступила ночь, и луна скрылась, так что Хануман не мог достать корень, который он искал. Тогда он вырвал из земли всю гору, думая: «Только бы мне не

задержаться», — и помчался с громадной быстротой. Сери Рама был в глубоком горе, потому что Хануман задерживался. Когда же Хануман прибыл, неся гору, Сери Рама обрадовался и сказал: «О сын мой Хануман, ступай достань камень, чтобы крошить лекарство*. Он под кроватью махараджи Раваны и Манду Даки».

Сери Рама сам взял корень, который надо было приложить к ране Лаксаманы, чтобы его вылечить. Самую же гору Хануман бросил в море и прыгнул на нее, чтобы попасть во дворец махараджи Раваны. Он увидел, что дверь заперта на ключ. Тогда он превратился в зеленую муху, пробрался через замочную скважину и отпер замок. Дверь открылась, и Хануман вошел в дворцовый покой. Он связал волосы махараджи Раваны и царицы Манду Даки, а потом взял камень, на котором крошат лекарство, и отнес его Сери Рама. Раджа Бибисанам взял целебный корень, настругал его, приложил к ране Лаксаманы и тотчас же вырвал из сердца Лаксаманы оружие Раваны. Лаксамана ожил. Сери Рама очень обрадовался, когда увидел, что его брат жив.

МАХАРАДЖА РАВАНА ГИБНЕТ В БОЮ

АХАРАДЖА РАВАНА вздрогнул и очнулся от сна. Он почувствовал, что его волосы связаны с волосами Манду Даки, и никак не мог их развязать. Хануман же воскликнул: «Эй, махараджа Равана, вот ты хвастался своей храбростью, отвагой и волшебством. Сегодня ночью я приходил в твой дворец,

взял камень, чтобы настругать лекарство для Лаксаманы, и связал твои волосы с волосами твоей супруги. Почему же ты тогда не очнулся? Если бы я не страшился своего господина Сери Рама, то убил бы тебя. Но мой господин Сери Рама запретил мне делать это. А Лаксамана сейчас уже оправился от своей болезни».

Махараджа Равана рассвирепел и воскликнул: «Эй, госпожа царица, шлепни меня по голове!» Царица Манду Даки ударила его, и связанные волосы развязались. Но именно потому-то Сери Рама и смог победить махараджу Равану! Ведь того ударила по голове женщина.

Махараджа Равана выкупался с лимонным соком, а выкупавшись, надел свою обычную одежду и свое боевое снаряжение. Он пришел на поле боя под звуки всех музыкальных инструментов и в сопровождении всех своих военачальников и войска. Шум от этого шествия был оглушающий. Равана еще не успел дойти до Сери Рама, а уже перебил очень много его воинов. Военачальники Сери Рама с яростью бросились на войско махараджи Раваны. Не сосчитать множества убитых с обеих сторон!

Спустилась ночь, и войско Сери Рама возвратилось в свой стан с победой и радостью. Когда рассве-

ло, махараджа Равана отправился принести жертву вместе со всеми бику и берахманами для того, чтобы Сери Рама ослабел от дыма этой жертвы. Хануман же решил помешать этому. Он стал швырять в Равану холмы и горы, но никак не мог оторвать его от молитвы.

У махараджи Раваны был один министр по имени Маха Деви Ментери, который посоветовал: «Эй, Хануман, поди-ка возьми супругу махараджи Раваны по имени Манду Даки и принеси ее к нему, чтобы он прервал свою молитву». Хануман одним прыжком вскочил во дворец махараджи Раваны. Увидев царицу Манду Даки, он схватил и унес ее на своем бедре, поддерживая шарфом, сложенным в семь слоев. Он принес ее к махарадже Раване и сказал: «Эй, раджа Равана, неужели тебе не стыдно? Ты великий раджа, я взял твою супругу, а ты все молчишь. Если ты действительно мужчина, давай сразимся».

Махараджа Равана услышал голос и открыл глаза *. Увидев, что его супруга сидит на бедре у Ханумана, махараджа Равана вскочил, выхватил из ножен свой кинжал и закричал. Хануман же прыгнул на место жертвоприношения и разбросал все ногами. После этого Хануман побежал играючи, унося на бедре царицу Манду Даки. Махараджа Равана страшно рассвирепел. Хануман развязал свой шарф и спустил царицу, а потом вернулся к Сери Раме. Махараджа Равана же вернулся в свой дворец с царицей Манду Даки в большой досаде, потому что не смог закончить по своему желанию начатую жертву.

Было уже совсем светло. Махараджа Равана пришел на средину поля битвы. Там он лицом к лицу столкнулся с Сери Рамой. Сери Рама промолвил: «О махараджа Равана, что ты все носишь свое оружие? Приходи ко мне, я тебя со всем твоим оружием угощу лакомой едой и питьем». Махараджа Равана ответил: «О Сери Рама, ты только подожди немножко. Не удастся тебе сделать со мной то, что ты сделал со всеми остальными твоими противниками». Махараджа Равана кинул в Сери Раму свой дротик и пустил в него стрелу. Сери Рама отвел и то и другое,

а затем сам послал свою стрелу Гандевати в махараджу Равану. Он отхватил ему восемь голов, но все восемь выросли снова. Такова была волшебная сила махараджи Раваны.

Наконец они остановились. У обоих невыносимо болело все тело, и каждый вернулся в свой стан. Когда рассвело, махараджа Равана опять отправился на поле боя на своей колеснице. В нескольких сотнях своих рук он держал оружие, и все его метнул в Сери Рама. Но ни одно из них не задело Сери Рама. Сери Рама же выстрелил в головы махараджи Раваны и разбил девять голов. Хануман немедленно подхватил их и отнес к царице Манду Даки. Как только царица Манду Даки увидела эти девять мертвых голов, она узнала головы своего супруга. Манду Даки взяла каин, закутала им голову и заплакала. Хануман же схватил волшебный меч махараджи Раваны, которому тот поклонялся, и бегом принес его Сери Рама. Тут пропала вся сила махараджи Раваны.

В это время Сери Рама выстрелил в маленькую головку Раваны * пониже правого уха, и она упала. Махараджа Равана же грохнулся на землю, потому что не было у него сил стоять. После этого Сери Рама взял из рук Ханумана меч и коснулся им махараджи Раваны, говоря: «О махараджа Равана, если бы ты с самого начала вернул мою супругу, то я непременно стал бы у тебя военачальником. А тогда твое величие и слава, которые даровал тебе Преславный бог, умножились бы в десять раз. Теперь же ты узнал меня и почувствовал силу моей руки». Махараджа Равана ответил: «О Сери Рама, какие ты произносишь слова! Ведь это мужская черта и обычай таков! А если бы у меня была еще сила, ты бы не мог так говорить. Но моя воля все-таки исполнилась, а что ты сейчас еще можешь мне сказать? Я все получил *, а сейчас уходи отсюда, а то ты меня опять убьешь *».

Тут Сери Рама ударил своим мечом махараджу Равану и разрубил его надвое, так что нельзя было уже сомневаться в его смерти.

После этого Сери Рама со всеми военачальниками и со всем войском вошел в крепость Ланга* Пури. Его

сопровождали Лаксамана, махараджа Бибисанам, махараджа Сугрива, Хануман, Нила Бута, Анггада Нила, Хануман Тугангах, Анггада Маха Биру, Нула и Каранг Туул, и от грохота их военных кличей содрогнулся город Лангка Пури. И вот Сери Рама вошел во дворец Ситы Девы. Царевна, увидев его, сейчас же спустилась из своего покоя и побежала припасть к ногам Сери Рама. Сери Рама промолвил: «О госпожа царевна, не дотрагивайся до меня, я боюсь, что махараджа Равана касался тебя». Сита Девы поклонилась и ответила: «О государь мой, никогда не касался меня махараджа Равана. Я всегда была от него на расстоянии сорока деп. Я поклялась, что никакой другой мужчина не коснется меня. Только ты один, государь, сможешь дотронуться до моего тела. Если же ты, государь, не веришь, то какой же клятвой мне поклясться в своей верности тебе?»

Ответил ей Сери Рама: «О Сита Девы, если таково твое слово, то войди в пылающий огонь, и я поверю тебе».

Сери Рама позвал Ханумана и вошел с ним в сад. Он приказал достать келамбака, алоэ и сандалового дерева и сложить из них костер перед покоем Ситы Девы, а затем взять мускуса, амбры и шафрана, высыпать все это на дрова и облить костер маслом. Царевну Ситу Девы посадили на золоченый трон и поставили его на этот костер. Сери Рама же воссел на другом троне и приказал поджечь костер с четырех сторон. Когда костер запылал ярким пламенем, Сита Девы встала на своем троне, обратила свой взор на Сери Раму и поклонилась ему из самой середины пламени. Огонь пылал некоторое время, потом потух. И пламя не только не поглотило Ситу Девы, но даже трон ее не накалился. Когда Сери Рама увидел, что Сита Девы не сгорела, он спустился со своего трона, бросился к ней, схватил ее на руки, обнял и поцеловал, а затем отнес ее в золотой дом. Он приказал даянгам взять розовой воды, шафрана и нарда и выкупать Ситу Девы. Когда Сита Девы выкупалась, то вместе с Сери Рамой воссела на трон, усыпанный драгоценными камнями, жемчугом и самоцветами. И тогда все же-

ны и наложницы махараджи Раваны, все его даянги и первары *, многие тысячи и десятки тысяч сели перед махараджей Сери Рамои. Все жители Лангка Пури стали украшать свой город. Сладко зазвенели музыкальные инструменты во всем многолюдном собрании.

Сери Рама возвеличил Джаму Ментери, посадив его на трон такой же высоты, как и его собственный, управление же государством Сери Рама не только не изменил, но даже укрепил его по сравнению с прежним.

СЕРИ РАМА ИЗГОНЯЕТ ЦАРИЦУ СИТУ ДЕВИ

АК СЕРИ РАМА жил в городе Лангка Пури и стал весьма знаменит среди всех раджей, которые подчинялись махарадже Раване. Все они прибыли к Сери Рама в город Лангка Пури. Сери Рама же приказал всем раджам, которые помогли ему в этой войне, вернуться в свои государства. Но раджи не желали расстаться с Сери Рамой. Сери Рама пожаловал дары всем раджам, министрам, военачальникам и всему войску.

Братья Сери Рамы, Бердана и Читрадана, прибыли в город Лангка Пури вместе со своими семьями и военачальниками. Сери Рама собрался встречать обоих своих младших братьев. Он отправился вместе с Ситой Деви и всем своим войском и десятками десятков тысяч женщин, сопровождавших Ситу Деви, чтобы приветствовать супруг Берданы и Читраданы. Сери Рама и Лаксамана встретились со своими братьями, и все четверо бросились друг другу в объятия. Сита Деви приветствовала Кикиви, сестру Сери Рамы, и супруг Берданы и Читраданы. И все с изумлением смотрели на Ситу Деви, которой не было равной на этой земле.

Все наслаждались на берегу моря. Сери Рама приказал ныряльщикам набрать в море жемчугов, и он получил их громадное множество, крупных, с куриное яйцо. А были и такие, которые по величине равнялись гусиному яйцу. Все их он пожаловал Бердане и Читрадане. Сери Рама привел обоих братьев забавляться у подножия горы пророка Адама. Он приказал своим людям копать землю и искать драгоценные камни, и они нашли слоновую кость, опалы, изумруды, сапфиры,

цветистые яшмы, бирюзу и всевозможные самоцветы. Их он тоже пожаловал своим младшим братьям. Они оба подошли к нему, поклонились и сказали: «О государь, мы хотели бы увидеть самого махараджу Равану, потому что слышали, что он еще жив. Говорят, будто он живет у подножия горы Серендиб*».

И вот Сери Рама, приказав Хануману и махарадже Бибисанаму позаботиться обо всех женщинах, отправился со своими братьями в путь. Когда они подошли к подножию этой горы, то увидели махараджу Равану, опирающегося на скалу. Все его тело было изрублено мечом Сери Рамы. Кровь его и гной, выливаясь, превратились в реку.

Сери Рама спросил: «О раджа Равана, как твои дела сейчас?» Махараджа Равана ответил: «Что ты у меня спрашиваешь? Таков уж мужской обычай. Ведь мое желание исполнилось. Я своего добился*. Что ты теперь скажешь?»

После этого Сери Рама вернулся со своими братьями, их супругами и свитой во дворец.

Была у Сери Рамы младшая сестра по имени Кикви Деви. Он выдал ее замуж за махараджу Бибисанаму. Все во дворце и в городе Лангка Пури весело справляли свадьбу. Спустя некоторое время в гости к Сери Раме прибыли махареси Кали с царицей Манурам Деви. Махареси Кали рассказал о том, как он нашел Ситу Деви в шкатулке. Царица Манду Даки сказала Сери Раме: «О государь, если все действительно так, как рассказал махареси Кали, то, очевидно, Сита Деви — моя дочь от махараджи Раваны. Вот махараджа Бибисанам знает все».

Было приказано позвать его. Махараджа Бибисанам пришел и рассказал все, что произошло с Ситой Деви. Махареси Кали достал шкатулку. Как только царица Манду Даки и махараджа Бибисанам увидели ее, им стало ясно, что Сита Деви — дочь царицы Манду Даки. Махараджа Бибисанам поклонился и сказал: «Достоверно, что эта железная шкатулка моей работы, и в звездах я прочитал, что супруг Ситы Деви убьет махараджу Равану».

Сери Рама приказал Сите Деви поклониться ца-

рице Манду Даки. Сита Девы прибежала и припала к ногам Манду Даки, убедившись, что это ее мать. Молоко Манду Даки брызнуло в рот Ситы Девы. Сери Рама сказал: «О матушка Манду Даки, ты действительно будто бы моя мать, словно ты меня породила». И Сери Рама немедленно спустился, отвел Манду Даки наверх во дворец, приказал ее выкупать и пожаловал ей одежду, как это полагается по обычаю всякого великого раджи.

Царица Манду Даки стала управлять всеми делами дворца Сери Рама. Все придворные девушки и вся женская прислуга дворца были поставлены под ее начало.

Когда Бердана и Читрадана прожили уже год в городе Лангка Пури, они стали просить Сери Раму отпустить их обратно домой в город Мандура Пура Негара. Сери Рама проводил обоих братьев до середины моря и затем приказал махарадже Бибисанаму и Ниле Аннгаде сопроводить их до самого их города.

Возвращаясь обратно в Лангка Пури, Бибисанам взошел по дороге на одну гору. Он увидел, что это место удивительно красиво и другого такого нет. У самой вершины были сотни источников с прекрасной, чистой водой, водопадами скатывающейся к подножию. Спустившись с горы, он прибыл в город Лангка Пури, явился к Сери Рама и передал ему поклон от Берданы и Читраданы. Рассказывая о своей поездке, Бибисанам рассыпался в похвалах красоте горы Маха Рапарита. Тогда Сери Рама приказал Лаксамане построить на этой горе новый город. Лаксамана отправился, взяв с собой министров и умелых строителей, а также несколько десятков тысяч народу. Поработали они там некоторое время и построили новый город — с семью крепостями и семью замечательно красивыми дворцами из золота, мрамора и самоцветов. Когда постройка города была закончена, Сери Рама приготовился переселиться туда. А в городе Лангка Пури он оставил царствовать Джаму Менгери. Выбрал Сери Рама лучших людей, взял их с собой, и Сита Девы тоже переселилась с ним.

Когда Сери Рама и Сита Девы выступили, то дви-

гались они торжественным шествием, окруженные всем своим бесчисленным воинством, под звуки громко заливавшихся музыкальных инструментов. Шум был такой, что, казалось, город Лангка Пури закачался. Вступив в крепость, Сери Рама возрадовался сердцем. Он приказал разыскать по всему миру красивых мужчин и женщин, богатых и знатных людей, ученых, отшельников, людей мудрых и предусмотрительных, храбрых и отважных, а также таких, которые были большими умельцами, и таких, которые владели волшебными чарами, и тех, что знали всевозможные забавы, которые радуют сердца человеческие. Сери Рама повелел приглашать их переселиться в только что построенный им город. Когда эти люди прибывали, государь жаловал каждому из них дары, соответствовавшие их положению и знаниям. Всем им было указано подobaющее место как во дворце, так и вне его.

В городе только и говорили о том, какую каждый из них получил работу и чем каждый наслаждается благодаря справедливости махараджи Сери Рамы. Город этот получил название Дурья Пура Негара. В его дворцах была тысяча комнат, и все — роскошно украшенные.

Когда царица Сита Деви сидела со всеми царевнами, она была прекраснее небесных дев. Тело ее светилось, как только что начищенное золото, а лицо сияло, как сверкает восходящее солнце, так что глаз не выдерживал. И все царевны, сидевшие перед ней, щурились.

Сери Рама назначил Ханумана предводителем всех своих военачальников, Лаксаману он поставил наследником своего царства, махараджу Бибисанама — своим наместником, а Даргама Бугу и Пери Бугу — первыми министрами.

Уже некоторое время Сери Рама жил с Ситой Деви. Однако у них не было детей. Он приказал гонцу обратиться к махареси Кали и попросить у него целебное средство. Махареси Кали дал ему два маленьких волшебных камешка и сказал: «Один камешек пусть проглотит Сери Рама, а другой камешек пусть он отдаст проглотить моей дочке Сите Деви». Гонец откланял-

ся и отправился домой. Вернувшись, он сразу же явился к Сери Рама и с поклоном передал ему распоряжение махареси Кали. Сери Рама проглотил один камешек, а второй дал Сите Деви, и она тоже проглотила. Вскоре после этого Сери Рама был чрезвычайно обрадован, узнав, что его супруга забеременела.

Когда прошло пять месяцев, к Сите Деви пришла Кикуви. В это время Сери Рама восседал на троне в присутствии всех своих военачальников. Кикуви Деви спросила Ситу Деви: «О государыня, как выглядел махараджа Равана? Вот говорят, что у него было десять голов и двадцать рук. Не видала ли ты, царица, махараджу Равану рассвирепевшим?» Сита Деви ответила: «Я его видала один раз, когда он меня похитил». Кикуви Деви попросила: «Царица, нарисуй его на этом веере. Я очень хочу увидеть, как этот государь выглядел». Сита Деви сказала: «Я не хочу рисовать его, потому что это не дело для меня. Правда, он мне отец, но он стал врагом моего супруга Сери Рама». Но Кикуви Деви продолжала просить: «Ах, царица, нарисуй его, потому что мне очень хочется посмотреть, как он выглядел».

Тогда Сита Деви нарисовала на веере махараджу Равану, как он разговаривал, когда сердился. Нарисовала и отдала веер Кикуви Деви. После этого Сита Деви пошла в свою опочивальню отдыхать и прилегла на постель. В это время вернулся Сери Рама со своего совещания. Когда Кикуви Деви увидела идущего Сери Рама, она испугалась, что плохо сделала, уговорив Ситу Деви нарисовать портрет махараджи Раваны. Кикуви Деви схватила этот веер и положила на грудь Ситы Деви. Сита Деви в это время крепко спала и ничего не слыхала. Когда Сери Рама подошел к Сите Деви, он увидел изображение махараджи Раваны, нарисованное на веере. Веер лежал на груди Ситы Деви, на ее сложенных руках, как он был на нее положен, когда она спала. Сери Рама спросил: «Кто нарисовал на веере это лицо?» Кикуви Деви поклонилась и отвечала: «О, государь, государыня-сестричка сама нарисовала его, а нарисовавши, легла почивать, обнявшись с веером».

Тут Сери Рама в страшном гневе немедленно разбудил Ситу Деви. Сита Деви вздрогнула и вскочила. «Слушай, Сита Деви, — обратился к ней Сери Рама. — Зачем ты нарисовала изображение махараджи Раваны, да еще спишь, обнявшись с ним? Хотя он и твой отец, но все-таки тебе не подобает так держаться по отношению к нему. Я так понимаю, что ты томишься по нему. По-моему, такая женщина, как ты, неверна своему мужу. До меня сейчас только дошло, что ты все время обманываешь меня».

Сита Деви испугалась и посмотрела направо на Кикиви Деви. Сери Рама же в гневе продолжал: «Хотя он и был твоим отцом, все равно твое поведение неприлично. Ведь когда-то он хотел взять тебя в жены! И притом он мой враг. Ведь я столько времени с ним сражался! Уж если тебе хотелось выйти за него замуж, зачем ты вышла за другого?» Сита Деви с поклоном отвечала: «О государь, сестрица Кикиви Деви хотела посмотреть, как выглядел махараджа Равана. Я нарисовала его изображение на веере, который сестрица мне дала, а нарисовавши, вернула его ей обратно. Я заснула и не знаю, кто положил на меня веер, потому что очень крепко спала».

Сери Рама воскликнул: «Это совсем не так! Просто ты тоскуешь по махарадже Раване, нарисовала его изображение, а потом взяла его с собой спать. Сейчас же уходи из моего дворца, потому что ты меня обманываешь! Очевидно, у тебя не осталось никакой любви ко мне. Видно, что твое сердце полно любви к другому. Уходи отсюда, не задерживаясь, а то я снесу тебе голову!»

Услышав слова Сери Рама, Сита Деви испугалась, склонилась к его ногам и спустилась на землю, но сейчас же вернулась обратно и опять припала к ногам Сери Рама со словами: «Пусть Великий Преславный бог рассудит меня с тем, кто сказал тебе такое! Рисовала на этом веере я, но по просьбе Кикиви Деви, а тому, кто положил мне этот веер на грудь, и тому, кто сказал тебе эти лживые слова, пусть не позволит говорить Великий Преславный бог. Пусть этот человек не сможет произнести ни одного слова! И если я уйду

из города Дурья Пура Негара виноватой, то пусть все животные отпускают меня с радостью. Если же я уйду из этого города неповинной, то пусть все животные в этой стране тоскуют по мне, оттого что я ушла отсюда».

Наложив такое заклятье, Сита Деви ушла, взяв с собой сорок своих придворных девушек, и направилась в город Дарвати Пура в царство махареси Кали.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ИТА ДЕВИ шла со своими девушками. Однажды махареси Кали услышал весть, что царица Сита идет к нему. Он немедленно вышел из своего города ей навстречу. Встретивши Ситу Деви, махареси Кали увел ее с собой и ввел в свой дворец. Он спросил ее: «Дитя мое! Мне кажется, что ты пришла с разби-

тым сердцем. Почему?»

Сита Деви рассказала все, что с ней случилось, и как рассердился на нее Сери Рама. Все это она рассказала махареси Кали, склонившись к его ногам. Махареси Кали сказал: «Живи у меня, дитя мое. Когда твой супруг захочет, чтобы ты к нему вернулась, ты уйдешь обратно к нему».

Сита Деви поселилась в городе Дарвати Пурва. Еще некоторое время она ждала ребенка, и, когда исполнилось ее время, Сита Деви родила удивительно красивого мальчика. Через некоторое время ребенок подрос. Дедушка его, махареси Кали, не разлучался с ним ни на один день. Государь назвал своего царственного внука Тилави. Куда бы ни шел махареси, ребенок шел с ним и никогда его не оставлял. Случилось как-то, что махареси Кали отправился купаться в одном источнике перед своим святилищем. Тилави тоже пошел с ним вместе. Вошел махареси в воду и забыл о Тилави. И все служанки, которые стояли и держали полотенца, тоже забыли о Тилави, потому что глядели, как махареси Кали молился, купаясь. А Тилави в это время вернулся домой к матери. Потом махареси спросил у прислужниц, куда ушел Тилави, и все прислужницы, которые подавали махареси одежду, отвечали: «Царственный внук только сейчас был здесь. Я совсем не помню, куда он девался», или: «Я совсем не видела,

куда он исчез, потому что он только что стоял здесь, на берегу реки». Махареси Кали воскликнул: «Если так, то совершенно ясно, что ребенок упал в реку. Что же я скажу его матери? Как я могу вернуться домой и взглянуть в лицо его матери, если ребенок ее погиб?»

Тут он взял пучок молодой травы куса *. После этого он сел под святилищем и принес жертву этому пучку-кусы. И как только он это сделал, куса превратилась в мальчика, как две капли воды похожего на Тилави. Махареси Кали взял мальчика за руку и вернулся домой вместе с ним. Тут он увидел, что Тилави сидит рядом со своей матерью Ситой Деви.

Сита Деви спросила: «Какого мальчика ты привел, отец? Ведь он совершенно на одно лицо с твоим царственным внуком Тилави». Махареси рассказал, в чем дело, и Сита Деви сказала: «Если так, то я буду любить этого мальчика так же, как я люблю Тилави». И стал этот мальчик жить вместе с Тилави. Ему дали имя Куси. И оба они не разлучались никогда, куда бы они ни шли.

Так Сита Деви прожила у махареси Кали двенадцать лет. В городе Дурья Пура Негара все эти годы ни одно животное, ни большое, ни малое, не подавало голоса. Птицы не пели. А Кикуви Деви не могла выговорить ни одного слова. Сери Рама сказал: «О брат мой Лаксамана, во всем со мной согласный! Мне теперь ясно, что Сита Деви ни в чем не виновата. С тех пор как она ушла из нашей страны, ни одно животное у нас, ни большое, ни маленькое, не издает ни единого звука. Сама Кикуви Деви уже двенадцать лет не может говорить, онемела. По-моему, мне надо пойти за Ситой Деви».

Сери Рама приказал Хануману и махарадже Бибисанаму: «Я оставляю страну на вас обоих — все хорошее, и все дурное, и всех людей, живущих в этой стране». Затем Сери Рама вместе с Лаксаманой отправились в город Дарвати Пурва. Через некоторое время они приблизились к этому городу. Когда махареси Кали увидел, что пришел Сери Рама, он сейчас же спустился из своего дворца навстречу Сери Рама и вме-

сте с ним вернулся во дворец. Махареси Кали привел обоих мальчиков, Тилави и Куси, и сказал: «О государь, Тилави и Куси убили множество раксас». Сери Рама ответил: «Если так, то я думаю, они смогут заменить меня». Махареси Кали промолвил: «Это ты правильно сказал».

Сери Рама хотел пойти к Сите Деви. Махареси Кали сказал ему: «Я не запрещаю этого, но если ты предполагаешь вернуться к Сите Деви, то иди к ней так, как когда-то ты шел, чтобы порадовать меня, старика, мое сердце и очи». Сери Рама ответил: «Как ты скажешь, батюшка, так я и сделаю, потому что ты мне как отец».

И вот они опять пировали четырнадцать дней и четырнадцать ночей, как полагается перед свадьбой. Затем Сери Рама, Сита Деви и Лаксамана пришли проститься с махареси Кали, но махареси Кали сказал: «Я сам пойду вместе с вами проводить вас и Ситу Деви».

После этого Сери Рама привез Ситу Деви обратно в город Дурья Пура Негара.

Ежедневно несколько десятков лакс купцов и богатейших иноземных торговцев приходили приветствовать Сери Раму и Ситу Деви и поклониться им. Кроме золота и серебра, они приносили и складывали грудой всякую утварь, имущество и самые красивые и разнообразные одежды. Сери Рама отдавал все это махареси Кали, ничего не оставляя себе, кроме того, что было поднесено Сите Деви. После этого махареси Кали вернулся к себе домой. Как только Сита Деви возвратилась в государство Дурья Пура Негара, все живые существа в стране запели от радости. Кикуви Деви пришла и поклонилась Сери Раме и Сите Деви, чтобы просить прощения и пощады. И как только она склонилась перед ними, то сразу же обрела способность говорить. Сери Рама сам был очень счастлив и приказал, чтобы весело играли все музыкальные инструменты.

Царствование Сери Рамы было очень справедливым. Всеми способами он улучшал свои города и все свое оружие, обучал своих сыновей разным забавам и всякому волшебству. Великий Преславный бог даровал

Сери Рама, чтобы во всем мире не было ни одного человека, чье царство было бы больше его страны или который был бы справедливее, мужественнее, отважнее и царственнее его. Сына своего Тилави он женил на царевне Индере Кусуме Деви — дочери Индеры Джаты — и посадил его на царство в государстве Дурья Пура Негара. Сына своего Куси он женил на дочери Гангги Маха Суры, которую звали Гангга Сурани Деви, и посадил его на царство в государстве Лангка Пури.

Сери Рама возвел патеха Джембуану на трон государства Келбуран Гангса. Нилу Анггаду он сделал раджой государства Анта Пура Негара *, Нулу Нилу — раджой государства Индера Паста *, Нилу Буту — раджой государства Мерду Вангса. Нулу и Нилу он возвел на трон государства Астина *, Анггаду и Махабиру сделал царями государства Манду Гапура. Каранг Туял был им назначен раджой государства Пура Негара. Все его тридцать три военачальника были им сделаны раджами небольших княжеств. Каждому из этих раджей Сери Рама пожаловал по прекрасной супруге, выбранной им из всех жен и дочерей убитых им князей ракас.

Через некоторое время Сери Рама построил маленький городок в обители отшельников и переселился из города Дурья Пура Негара в этот новый городок, который он назвал Айодья Пура Негара. Он жил там вместе с Лаксаманой и санг Хануманом. Махараджа Сери Рама и Сита Деви жили в счастье и взаимной любви в этом городе и царствовали совершенно спокойно до тех пор, пока их внуки не стали великими государями.

Так рассказывает эту историю даланг, которому она принадлежит *.

Конец

ПРИМЕЧАНИЯ

К стр. 17

Манду Дари. — В индийской Рамаяне Вальмики имя матери Рамы — Мандодари. Малайцы разбили это длинное имя на два — Манду Дари, так же как, например, индийское имя сестры Раваны Шурпанакха стало в «Сказании» Сура Пандаки. По индонезийским анимистическим представлениям, Манду Дари, видимо, — душа бамбука.

Махараджа — титул князя или государя; встречается и как составная часть имени.

Сери (по-санскритски *шри*) — букв.: «блаженный», «благословенный», обязательное дополнение к именам царей, богов и святых.

Пророк Адам. — Упоминание имени Адама в индонезийском эпосе объясняется влиянием ислама. Мусульмане считают Адама в числе 200 пророков, бывших до Мухаммеда.

Первый министр — титул, а не должность. При дворе может быть и несколько первых министров.

К стр. 18

Нард — растение, из которого делают благовония, особенно для ритуальных целей.

К стр. 19

Преславный бог — Девата Мулия Райя, главный бог, стоящий выше всех богов, упоминаемых в «Сказании о Сери Раме». Об этом боге не сообщается никаких подробностей, но к нему апеллируют и боги, и люди, и раксы. В брахманизме таким богом был Брахма, но его очень часто подменял бог Вишну. Однако при этом ни тот, ни другой не имели такого характера единого всемогущего бога, как Девата Мулия Райя. Может быть, здесь мы встречаемся с результатом некоторого влияния идеи всемогущего единого Аллаха на малайца-рассказчика.

«...посадил на бедро». — Индонезийцы носят детей не на руках, а на бедре, придерживая рукой или подвязанным шарфом.

Праздник бодрствования. — Перед свадьбой у малайцев устраивается пир, который длится несколько суток в зависимости от положения жениха и невесты. Каждый уставший гость может лечь и выспаться, когда захочет. Самая церемония венчания совершается в последний день пира.

Серунай — духовой инструмент, род зурны или гобоя.

Балия Дари. — В «Сказании о Сери Раме» Балия Дари заменила Кайкею, вторую жену отца Рамы в индийской Рамаяне. Однако в малайском сказании она не супруга Дасараты Махараджи, а только преданная ему наложница.

К стр. 20

«Обратился к звездам» — т. е. стал гадать по звездам. См. также прим. к стр. 103, гороскоп.

Пуроста — индонезийское произношение санскритского слова *пурохит*, что значит домашний жрец. Это значение в «Сказании о Сери Раме» уже утеряно. Здесь Пуроста — имя отшельника, наставника Дасараты. В индуизме отношения ученика и наставника являются самыми священными и близкими.

К стр. 21

Молитвы рису и пшенице. — В жертву богам приносятся прежде всего рис и пшеница, т. е. хлеб — основной продукт питания. Свою молитву Пуроста обращает к духу риса и духу пшеницы.

Ребаб — струнный смычковый инструмент, по форме напоминает скрипку, но при игре кладется не на плечо, а на колени сидящего на земле музыканта; распространен во всей Южной Азии; *кечапи* — струнный инструмент, род лютни или гуслей; *данди* — струнный инструмент, род лютни; *бангси* — духовой инструмент, род продольной флейты; *сердам* — род маленькой флейты; *копок* — род варгана; *черачап* — ударный инструмент, род маленького гонга, несколько меньшего размера, чем *чананг* — очень звонкий маленький гонг, которым подают условные сигналы; *сангка* — род ударного инструмента; *мадели*, или *мадали*, — ударный инструмент типа барабана (?); *кетрём* — музыкальный инструмент типа гонга (?); *гёнтери*, или *гёнтари*, — духовой инструмент, трубка из кокосового листа; *негара* — ударный инструмент, род литавр; *серунай* — духовой инструмент типа зурны или гобоя; *гендеранг* — большой военный барабан, род *набата*.

«...сел поклониться жертве». — В Индонезии молитвы произносятся сидя на земле, так как малаец выражает свое почтение не вставанием, а, наоборот, стремлением оказаться ниже лица или предмета, которому хочет оказать почтение.

Равана — десятиголовый и многорукий демон, царь *раксас* (см. прим. к стр. 44, *раксаса*). По преданиям, в давние времена он был сослан своим отцом на остров Лангка (Цейлон) за буйное поведение. Однако по договору с пророком Адамом он получил власть над всеми четырьмя мирами (небом, землей, подземным царством и морем) при условии, что он будет править справедливо. Впрочем, это условие он много раз нарушал. В другом месте «Сказания» говорится, что обещание было дано не пророку Адаму, а Преславному богу. Это, по-видимому, более ранний вариант, возникший до проникновения ислама.

Гагак — по-малайски ворон. *Гагак Сура* — дед или бабка Раваны (из текста «Сказания» пол. неясен). В другом месте встречается *раксаса* в образе ворона под именем *Гагак Насир*. Из текста неясно, является ли он мужем Гагак Суры (тогда Гагак Сура — бабка Раваны) или же Гагак Сура и Гагак Насир — одно и то же лицо мужского пола.

К стр. 22

Брахман — индонезийская форма индийского слова брах-

мая. Брахман — член высшей индийской касты. То обстоятельство, что рассказчик заставляет царя молиться и приносить жертву вместе с буддийскими монахами и индуистскими брахманами, показывает, что индонезиец не видел разницы между буддизмом и индуизмом.

К стр. 23

«...даровал смену одежды». — Этот дар — обычная форма выражения милости государей и вождей в Индии и Индонезии, так же как пожалование русскими князьями шубы или кафтана со своего плеча или варяжскими вождями золотого браслета с руки.

Кшатри — воины, вторая каста индийской кастовой системы. Здесь это слово употреблено после слов «знатным воинам», так что по существу оно не нужно и подчеркивает только желание рассказчика показать свои знания индийских терминов и вместе с тем дает ему возможность несколько удлинить список лиц, получивших щедроты государя.

Дерево белого нагасари — *Mesua ferrea*.

Махареси — сан индуистских отшельников. В тексте «Сказания» понятие *махареси* часто смешивается с понятием *биксу* (см. прим. к стр. 232). Такое смешение вполне понятно, так как сам рассказчик уже во время написания рукописей, лежащих в основе нашего перевода, был мусульманином и, говоря о далеких для него временах, не делал различия между буддизмом и индуизмом. Слово *махареси* — индонезийская форма санскритского слова *махариши* (*маха* — великий, *риши* — мудрец); словом *риши* — мудрец — в Индии назывались брахманы, вступившие в четвертый период своей жизни — созерцательной жизни в лесу, период отшельничества. Только очень немногие особенно выдающиеся *риши* получали титул *махариши*. Индонезийцы заимствовали только последний титул — *махариши*, а первый — *риши* — уже не понимали. Поэтому, например, встречающееся в индийской *Рамаяне* имя *Кашьяпа Риши* они восприняли в форме *Ки Субрису*, отделив первый слог имени, наподобивший существующий на Яве и ныне почетный титул *Ки* (почтительная форма обращения к старшим), и соединив конец имени с непонятым словом «*риши*» в «*Субрису*».

К стр. 24

Бегаван — сан отшельника (от санскритского слова *bhagavan*).

К стр. 25

«...тело его было цвета зеленого изумруда». — В индийской мифологии *Рама* — одно из воплощений (аватаров) бога Вишну. В индийской иконографии Вишну во всех своих воплощениях изображается зеленого цвета. Поэтому изумрудный цвет тела *Сери Рамы* подтверждает его происхождение от Вишну.

Лаксманана в индийской *Рамаяне* называется *Лакшман*.

Бердана в индийской *Рамаяне* называется *Бхарата* и является сыном *Кайкеи* — младшей жены отца *Рамы*.

Читрадана. — В индийской *Рамаяне* этому имени соответствует *Шатругхна* — сын *Кайкеи*, младшей жены отца *Рамы*.

Кикуди Деви. — В индийской *Рамаяне* у *Рамы* такой се-

стры нет, но имя ее — Кикиви — очевидно, является малайским отражением имени второй жены отца Рамы — Кайкейи.

Девы (по-санскритски — «богиня») — часто встречающийся титул женщины. Является также составной частью многих женских имен, как *Дева* — мужских.

К стр. 26

«...горбатая рабыня». — В тексте не указано, является ли эта фигура горбуном или горбуньей, но поскольку в индийской Рамаяне это рабыня, а не раб, поскольку она живет в покоях царицы и царица жалуется ей смены своей одежды, переводчик счел правильным перевести малайское выражение *budak bungkok* (горбатый слуга) как «горбунья».

К стр. 27

Балей — терраса на сваях для приема гостей и для отдыха. Во дворце служит аудиенц-залом, расположена обычно у передней стороны здания. Иногда построена как отдельное здание, предназначенное для больших приемов. В таком случае над балеем возводится крыша на столбах, а вокруг всей его площади — перила. На балее стоит один трон для государя, и сам балей называется золотым (*балей кенчана*), серебряным (*балей перак*) или слоновой кости (*балей гадинг*) — в зависимости от материала, которым отделан стоящий на нем трон.

Если раджа принимает другого раджу или лицо, которому желает оказать особый почет, то приказывает поставить трон и для него, указывая при этом высоту второго трона, так как наиболее почетное лицо должно сидеть выше остальных. Все придворные, а также лица, присутствующие на аудиенции или собрании, сидят на полу на корточках, чтобы не оказаться выше государя.

К стр. 29

Балейронг — то же, что *балей*.

К стр. 30

Даки — букв.: «щепотка кожной грязи». Манду Даки — волшебный двойник царицы Манду Дари.

Ки Сибриссу — см. прим. к стр. 23 (*Махареси*).

Маха Бисну, *Махабисну* — малайское название бога Вишну, часто встречающееся в «Сказании» в значении главного бога. См. также прим. к стр. 19 (*Преславный бог*).

К стр. 31

«...трех сыновей в виде птиц». — Христианское подвижничество по существу отличается от восточного (индийского, индонезийского). Христиане молятся, постятся и изнуряют свою плоть всевозможными аскетическими упражнениями, чтобы вымолить у бога прощение собственных грехов, чтобы наказать себя за них и, таким образом, искупив их при жизни, избежать ада в загробной жизни. Ведь христианство знает только одну короткую жизнь на земле, а после смерти ожидает либо вечного ада, либо вечного рая. Индуизм, буддизм и некоторые другие религии Востока считают, что существует переселение души, т. е. наличие бесконечной цепи жизней каждой отдельной души, причем судьба каждой жизни является результатом добрых и

злых действий этой души в ее предыдущих жизнях. Всякое действие непременно должно принести свою награду или искупление в какой-нибудь из последующих жизней. Избежать этого нельзя, да и незачем: ведь и награды и наказания не вечны, а соразмерны деяниям. Бесполезно и вымаливать прощение и стремиться искупить грех в этой жизни. Подвижник в индуизме или буддизме предается аскетической жизни для того, чтобы, накопив таким образом заслуг, вынудить богов предоставить ему какие-нибудь сверхъестественные силы или права, волшебное неотразимое оружие, небесную деву в жены, умение предвидеть будущее и т. п.

Ранджак, си-Ранджак — малайское произношение имени демона Хираньякша (по-санскритски). В одном из своих прежних рождений Хираньякша был сторожем у ворот дворца Вишну. Он не пропустил во дворец нескольких мудрецов, и они прокляли его, после чего Хираньякша родился демоном. Когда во время своего третьего воплощения (в виде кабана) Вишну своими клыками поднял из воды землю, Хираньякша потребовал ее себе во владение и за это был убит Вишну. Первый слог имени этого демона — *хи* — по-малайски произносится *си* и напоминает малайский префикс пренебрежения; отсюда *си-Ранджак*. Упоминание *си-Ранджака* в «Сказании» показывает, что малаец-рассказчик был знаком с легендами и о других воплощениях Вишну, кроме *Сери Рамы*.

«...сидел, свесив ноги, на пороге своего дома». — Старинный индонезийский дом строился на высоких сваях, поэтому сидевший на пороге дома находился выше, чем люди, стоявшие во дворе. Равана возмущен тем, что *Ки Субрису* не спускается вниз, чтобы приветствовать его, и этим показывает, что не считает себя ниже его, махараджи *Раваны*.

«Разве ты не знаешь приличий?» — В тексте буквально: «говорить ты, что ли, не умеешь?»

Маха Бирю — гаруда (мифический орел). В индийском эпосе «Махабхарата» рассказывается, что мать его попала в рабство к своим племянникам — змеям. Они соглашались вернуть ей свободу, если ее сын гаруда доставит им луну, на которой есть амрити — волшебное божественное питье, дающее бессмертие. Гаруда *Маха Бирю*, преодолев множество опасностей, схватил луну, спрятал под крыло и полетел за своей матерью. Однако боги во главе с Вишну напали на него в пути, чтобы не дать возможности змеям разделить бессмертие небожителей.

К стр. 33

«...кроме тебя, читатель». — Это обращение к читателю было, по всей вероятности, внесено составителем выпущенного издательством «Balai Pustaka» свода «Сказания о *Сери Раме*». Такого рода вставки часто встречаются у современных составителей произведений восточного фольклора.

К стр. 34

Индера Джата — старший сын *Раваны*.

Патала Махирани (в двух вариантах «Сказания» — *Патала Махараян*) — второй сын *Раваны*, царь подземного царства.

К стр. 35

«...государственные копьа». — Каждое индонезийское государство имело свои государственные эмблемы (подобно скипетру и державе). В числе этих эмблем обычно были государственный зонтик, который раскрывался над государем в особо торжественных случаях, государственное копье, государственный меч, иногда — государственный кинжал, а также ряд других предметов, различных в разных государствах.

Гантанг — мера веса, около 3,1 кг.

К стр. 36

«...махараджа Бибисанам». — Хотя Бибисанам и раксаса, он отличается справедливостью и благородным характером, почему, естественно, в конце концов переходит из лагеря своего брата Раваны в лагерь Сери Рамы.

К стр. 38

Бидадари — небесные девы.

К стр. 39

«...махареси Кали». — В Рамаяне Вальмики ему соответствует царь Джанак — отец царевны Ситы Девы.

К стр. 44

Руанг — основная комната дома между четырьмя угловыми столбами, поддерживающими крышу; между входом в дом и руангом, а также между руангом и задней и боковыми стенами дома имеется еще пространство, занятое иногда кладовыми, иногда комнатой, в которой спят дочери и т. д.

Раксаса (иногда сохраняется индийская форма женского рода — раксаси) — демон, чудовище. Раксасы громадны, безобразны и злобны. Их царь — Равана. В «Сказании», так же как и в индийской Рамаяне, они являются злым началом.

К стр. 45

«...алмазного поджаренного риса». — Алмазный — лучший сорт риса, зерна которого не склеиваются между собой при варке и поджаривании.

К стр. 46

Мерак Эмас — золотой павлин, который жил с Вишну на горе Бимачалам во времена отшельничества Вишну.

Лотос — цветок, посвященный богу Вишну, поэтому Рама, как воплощение Вишну, на нем и восседает. В индийской иконографии раскрытый цветок лотоса является тронем бога Вишну.

«...простерся у ног Сери Рамы». — Весь этот эпизод с Ногой Перталой Секандой Девой производит впечатление вставленного специально, чтобы подтвердить, что Сери Рама — воплощение Вишну, и дать понять, что праведным людям это становится ясно сразу.

К стр. 50

Берма Раджа — малайзирванная форма санскритского слова брахман. Берма Раджа имел сына Читру Баху, отца Раваны. Таким образом, с отцовской стороны Равана брахманского происхождения, но с материнской — он раксаса. То, что он царь раксас и воплощает в себе злое начало, является одним из доказательств древнего матриархата в Индонезии и в Индии.

Нанка — род плодового дерева (*Artocarpus integrifolia*) его кислые плоды употребляются в пищу.

«...змея *Сурангини*». — В других индонезийских эпосах, как, например, в «Сказании о чудовище *Боме*», эта змея называется *Талака*.

Депа — мера длины, около 2 м.

К стр. 52

«*А тебя мне на один зуб не хватит*» — букв.: «а что до тебя, то я и не замечу тебя, даже в щели между зубами мне тебя недостаточно».

К стр. 55

«...*карлик, который хотел достать луну*». — До луны так далеко, что до нее не достать даже великану, а тем более карлику.

К стр. 56

«...*сестрица*». — Обычное обращение индонезийцев к жене — *адинди*, что значит младшая сестрица, а жена обращается к мужу как *анда* или *канда*, что значит старший брат. Это пережиток матриархата, когда дети оставались в роде матери. Мужчины могли иметь детей в разных родах, только не в своем, и поэтому легко могли жениться на своих единокровных сестрах, только не на единокровных. Именно поэтому женитьба *Рамы* на *Сите*, которая в малайском сказании является его единокровной сестрой, не вызывает никакого возмущения у индонезийцев, а попытка *Раваны*, который может быть и отцом *Ситы*, воспринимается как преступление, как возможное кровосмешительство.

К стр. 57

Бетра Гирц — название бога *Шивы*, который, кроме этого случая, в «Сказании о *Сери Раме*» не выступает, поскольку сама *Рама* яна вишнуйского происхождения.

Бетра Брахма — малайская форма имени бога *Брахмы*. В брахманизме это высший бог — глава божественной триады (*Брахма*, *Вишну*, *Шива*). *Брахма* создал мир, *Вишну* его сохраняет и оберегает, *Шива* уничтожает. Однако в отличие от *Вишну* и *Шивы* *Брахма* очень редко действует. Активными членами триады являются либо *Вишну*, либо *Шива*. В индуизме образовались два направления, одно из которых считает верховным богом *Вишну*, а другое — *Шиву*. Поэтому храмов богу *Брахме* строилось чрезвычайно мало, и в современной Индии имеются только два храма *Брахмы*: один в *Покхаре* (древняя *Пушкара*) около *Аджира*, а другой в *Идаре*. В *Индонезии* же сохранился знаменитый храм *Брахмы*, украшенный богатой скульптурой, в том числе геральдиками, иллюстрирующими эпизоды из «Сказания о *Сери Раме*».

К стр. 62

«...в *раю Индеры*». — В малайском эпосе слово *индера* имеет несколько значений: 1) бог *Индера* — индонезийское произношение имени индийского бога *Индра*; 2) небожитель; 3) собственное имя одного из обезьяньих князей, пришедших на помощь к *Сери Раме* для борьбы против *Раваны* за *Ланга Пури*.

К стр. 63

«...царял о замыслах этих царевичей». — Такова вещая

шудрость Сери Рама, что он провидит чужие намерения, в данном случае намерения своих врагов.

К стр. 64

«...сестричку». — Сери Рама любовно называет Ситу Деви сестричкой, хотя она ему еще не жена, а только невеста.

К стр. 66

Государственный зонт — см. прим. к стр. 35 (государственные копы).

Сири — ползучее растение, бетелевая лоза. Бетелевой эта лоза названа по ее индийскому названию — бетель. Жевать сири — распространенный обычай как в Индонезии, так и в Индии. Для этого берется листок сири, посыпается гашеной известью, сверху кладется кусочек ореха арековой пальмы, мелко нарезанный табак, кусочек смолы растения гамбир, затем листок свертывается в пакетик со всем, что на него положено, и жуется, давая приятное освежающее вкусовое ощущение. Сири, или бетель, вызывает обильное выделение слюны кроваво-красного цвета. Слюна сплевывается в специальную плевательницу. В прежние времена раджи и вельможи всегда имели при себе специального слугу, который носил за ними эту плевательницу. Для церемонии жевания сири полагается иметь специальный сервиз, состоящий из маленького столика, на который ставятся плоская длинная шкатулка для листьев сири, коробочки для гамбира, табаку, извести, лопаточка, чтобы брать известь, и щипчики для ореха. Жевание сири является непременным условием многих церемоний — обручения, свадьбы, официального приема и т. п. Очень любопытно, что рассказчик «Сказания» отмечает отсутствие этого обычая в Лагур Катагина — царстве обезьян.

К стр. 72

«...я один ношу это имя». — Весь этот эпизод с Пуспой Рамой и спор о праве носить имя Рама, по-видимому, связаны с брахманистским представлением о нескольких воплощениях Вишну с именем Рама: Парасу Рама (Рама с топором), или в индонезийском эпосе — Пуспа Рама, — шестой аватар (Вишну воплотился, чтобы уничтожить касту кшатриев, пытавшихся захватить власть над брахманами); Рама Чандра (Рама Рамаены) — седьмой аватар; Бала Рама (Рама-дитя), младший брат и спутник Кришны, — восьмой аватар (Кришна — явно чужой бог, введенный в брахманистский пантеон из религии какого-то местного темнокожего племени); девятый аватар — Будда — должен был слить с вишнуизмом новую религию — буддизм. Рама побеждает Пуспу Раму, значит, в седьмом аватаре бог сильнее, чем в шестом. В восьмом аватаре Бала Рама оказывается младшим братом нового, чужого, черного бога Кришны, но оба брата совершенно неразлучны. Брахманизм, выдвигая на первое место нового бога, в то же самое время поглотил его, включил его в свою систему. Так в начале средневековья могучий германский бог грома сливается не просто с каким-нибудь рядовым святым, а с архангелом Михаилом, предводителем всех небесных сил: христианство поглощает, таким образом, древнюю германскую религию, включает ее главного бога в свою систему, а заодно забирает

все святилища Донара (бога грома), превращая их в церкви архангела Михаила.

К стр. 79

«...дождаться доброго предзнаменования». — Индонезиец ни одного серьезного дела не начинал без того, чтобы жрец не указал ему добрый час и добрые предзнаменования, обещающие удачу.

К стр. 80

Махарам Сира. — Это имя носит также один из министров Дасараты Махараджи, и весьма возможно, что министр и этот гонец — одно и то же лицо.

«...ваш государь сын». — Когда гонец Дасараты Махараджи называет своего государя сыном Пуросты махареси, он хочет выразить свое почтение отшельнику.

К стр. 81

«...обратился с этой просьбой к *Балии Дари*». — Дасарата хочет сказать, что он не забыл о своем обещании возвести на трон сыновей *Балии Дари*, но что она освободила его от этого обещания.

К стр. 82

Каин — длинный прямоугольный кусок ткани, служащий одеждой индонезийцев — как мужчин, так и женщин. Он употребляется и как перевязь для переноски тяжестей, а также как шарф для поддержки ребенка, которого женщины носят, посадив к себе на бедро.

К стр. 89

«...всемогущим Аллахом». — В этом эпосе, индуистском по своему происхождению и содержанию, Аллах упоминается очень редко; это один из немногих следов влияния ислама, вносимого рассказчиком-мусульманином.

Далилам — заросли цветущих растений, место развлечения небожителей.

К стр. 91

Варингин — громадное дерево с воздушными корнями, образующими целую рощу. Его сажают перед каждой деревней. *Варингин* считается священным деревом.

«...кормилице по имени *Баю Бата*». — Кормилица появляется в тексте, неизвестно откуда, ведь *Сита Деви*, *Сери Рама* и *Лаксамана* странствуют только втроем, без слуг. В дальнейшем эта же кормилица называется *Баю Бата*. В «Сказании» *Баю Бата* упоминается как одна из кормилиц *Ситы*. В индийской *Рамаяне Вальмики* у *Рама* есть слуга *Ваю* (ветер), подчиненный ему, как воплощению великого *Вишну*. В индийской *Рамаяне* рассказывается, как *Рама* увидел *Деви Анджани*, она ему понравилась, и он послал *Ваю* отнести две капли своего семени и опустить их в рот *Деви Анджани*. У *Вальмики* нет истории о чудесном превращении *Рама* и *Ситы* в обезьян, а в «Сказании о *Сери Рама*» нет рассказа о неверности *Рама* и его любви к *Деви Анджани*. Другими словами, имена *Баю (Ваю)*, *Деви Анджани*, *Ханумана* и *Рама* сохранились в «Сказании», но эпизод принял совершенно иное значение, и *Ваю* стал служанкой *Ситы* — *Баю Батой*.

«...не будем бродить по совсем незнакомому нам лесу». — Весь этот эпизод, рассказывающий о махареси Астане, о превращении Сери Рамы и Ситы Деви в обезьян и о происхождении Ханумана, взят из рукописи «Сказания о Сери Раме», опубликованной Шеллабером, текст которой значительно отличается от рукописи, изданной П. П. Роорда ван Эйсинга.

К стр. 93

Кампонг — поселение семьи или рода; в настоящее время кампонгом называются небольшое сельское поселение, квартал города и большая усадьба.

«Кикукан же вместе с женой *сел*» — см. прим. к стр. 21 («...сел поклониться жертве»).

К стр. 94

Паранг — большой нож. Индонезец с ним не расстается и выполняет им как грубую, так и самую тонкую работу.

К стр. 95

«...*Бетаре*». — В рукописи — Барата (по-видимому, ошибка, может быть, описка). В индийской Рамаяне брат Рамы от другой матери Кайкейи носит имя Бхарата, а в «Сказании» его имя — Бердана. Кроме того, никакой махареси не мог приносить жертву Бердане.

Мерангу — род маленького барабана.

Веды — индийские священные книги, отражающие древнейшую форму индийской религии. Боги этой, так называемой ведической, религии — в основном, обожествленные стихии.

Санг — так же как и *сери*, распространенная форма обращения к лицу божественного происхождения. При этом сери может быть применено даже к персонажу не божественному, но героическому, как, например, к герою национального малайского эпоса Сери Панджи, а титул *санг* — только к божественному или к обожествляемому, например *Sang Dwiwarna* («двухцветный») — почтительное и патриотическое название красно-белого национального флага Республики Индонезии.

Кроме того, слово *санг* употребляется как титул лиц, занимающих некоторые придворные должности.

К стр. 99

Матахари — бог солнца.

К стр. 102

«...читать *Коран*». — У индусов в древности и в Индонезии мальчики с семи лет начинали учиться читать и читали Веды и Пураны (индийские священные книги), у мусульман учатся читать Коран. Малайцы и индонезийцы принимали ислам в период с XIII по XIX в. Этим и объясняются отклонения в сторону мусульманских представлений, в небольшом количестве вкравшиеся в эпос о Сери Раме, содержание которого пришло в Индонезию в самом начале нашей эры (см. также Предисловие).

К стр. 103

Гороскоп — запись расположения светил в момент рождения человека, которую в Индии и Индонезии астрологи составляют для каждого новорожденного. Гороскоп составляется на

все время жизни человека и служит астрологу основой для предсказания и объяснения в дальнейшем всех событий в жизни человека, а также для определения способов избежать их, усилить, ослабить, видоизменить. Подробно о гороскопе см. А. М. и Л. А. Мерварт, *В глуши Цейлона*, М., 1929, стр. 19—21.

К стр. 104

«...выкупается с лимонным соком». — Индийцы и индонезийцы смазывают волосы и тело кокосовым маслом, чтобы меньше чувствовать солнечный зной. Водой смыть масло трудно, необходима какая-нибудь кислота, поэтому для смывания масла употребляют лимонный сок.

К стр. 106

Баляя — царь обезьян. По существу, он был сторонником Сери Рамы и врагом Раваны, как и все обезьяны. Однако Баляя был убит Сери Рамой, когда тот выполнял обещание, данное им Сугриве, брату Баляи.

К стр. 109

Амок (правильнее *амук*) — припадок неудержимой ярости, своего рода нервное заболевание, особенно часто встречающееся в тропиках. Само слово *амок* малайского происхождения. В таком припадке человек бежит, как безумный, и убивает всех подвернувшихся под руку людей любым оружием, которое сумеет захватить. Индонезийцы считают, что вылечить впавшего в амок нельзя, а можно и должно немедленно убить его.

Преступники в Индонезии нередко, не имея возможности спастись бегством и предпочитая смерть в бою тюремному заключению и казни за убийство, искусственно вызывали у себя амок. Этот вид нервного заболевания свойствен только мужчинам.

Патех Джембуана в «Сказании» — один из князей царства обезьян (вообще *патех* — административная должность и титул, меньший, чем *раджа*). В индийской *Рамаяне* это князь-медведь. И *Рама* помогают не только обезьяны, но и медведи. В «Сказании о Сери Раме» Джембуана упоминается вместе с Сугривой, Хануманом и другими обезьяньими князьями и нигде не говорится, что он медведь. Это тем более удивительно, что в Малайе водится особая порода малайских медведей, маленьких, черных, с белым нагрудником. Малайцы их очень боятся и говорят, что это единственное животное, которое само без вызова нападает на человека.

В «Сказании» *патех Джембуана* — дядя по отцу махараджи Баляи. Его ясно называют старой обезьяной, а между тем Баляя — сын бегавана Гутамы или же одного из небожителей. Сам Баляя стал обезьяной, будучи проклят своим отцом Гутамой.

К стр. 110

Бахара — мера веса, около 170 кг.

К стр. 112

Даянги — титул индонезийских придворных девушек и молодых женщин. Даянги у царевен и цариц прислуживают им, сопровождают, развлекают и вообще проводят с ними время. Однако они не являются служанками, так как набираются из

дочерей князей и вельмож; это скорее придворные подруги. Даянги при царе — это придворные девушки высокого рода, иногда превращаемые царем в своих *цундик*, т. е. младших жен и даже в наложниц. С этим не было связано никакого позора. Придворные девушки рангом ниже даянгов назывались *первара*. Это тоже не служанки — нечто вроде фрейлин.

К стр. 114

Махаджог — малайское произношение санскритского слова *махайог*, т. е. великие йоги. По индийским представлениям, йоги — это люди, силой своей веры, любви или познания достигшие такой святости, что их души еще при жизни слились с богом.

Гэнтари, или *гэнтери*, — индонезийский музыкальный инструмент, трубка из кокосового листа.

Раковины. — Имеются в виду морские раковины, употребляющиеся в качестве культовых музыкальных инструментов. Издают очень резкий высокий звук.

Колокольчик употребляется как культовый музыкальный инструмент. Служит, видимо, для привлечения внимания бога к молитве в храмах при чтении Вед и при принесении жертв. Необходимая принадлежность и домашних молитв брахманов.

К стр. 117

«...принесли поднос со сладями». — Без угощения сладями не обходится ни один официальный прием.

«...кушал с одного блюда». — Есть с одного блюда могут только равные. Махараджа Баалия ест с одного блюда вместе с бегаваном Нилой Чакравой для оказания ему почета.

Сири — см. примечание к стр. 64 (*сири*).

«...великого отшельника» — т. е. бегавана Гутамы.

К стр. 118

Датук — букв.: «дед», почтительное обращение к пожилому человеку, а также высокий титул.

К стр. 119

Пошел навстречу — для выражения почтения младшего к старшему. Оно особенно обязательно по отношению к наставнику, брахману, отшельнику.

Серебряная зала — см. прим. к стр. 27 (*балей*).

Гора Индера Паванам (или *Индера Ванам*) в Рамаяне Вальмики называется Дандака Аранья. В малайзировавшем виде это слово имело бы форму Дандакаванам. Цизенис (А. Ziesenis, *Die Rama-Sage bei den Malaien*) считает, что название Индера Паванам восходит к неправильно написанному арабским шрифтом имени Дандакаванам.

К стр. 120

«...потому что ты стоишь внизу». — Из уважения к своему наставнику Баалия отказывается подниматься первым, чтобы не оказаться выше бегавана.

К стр. 121

Дирхам (от греческого *драхма*) — название монеты, заимствованное арабами у Византии и занесенное ими всюду, куда

они проникали. Ни в Малайе, ни в Индонезии такая монета не употреблялась.

К стр. 123

Беруки — порода громадных обезьян; *лотонги* — очень крупные черные обезьяны.

К стр. 124

«...коробочка для бетеля». — Листья бетелевой лозы употребляются для жевания (см. прим. к стр. 81, *сири*).

К стр. 125

Мамбанги — род духов, призраков, как наши лешие, водяные, русалки. Мамбанги бывают всевозможных цветов: красные, черные, желтые и т. д. Они не боги и не занесены в религиозный мир малайцев из Индии, как, например, *бидадари* или *пери*. Мамбанги, очевидно, — порождение малайской религии — анимизма.

К стр. 126

Йоджана — 1) мера длины, различная в разных местностях, от 4 до 12 миль; 2) мера площади — пространство, которое можно охватить одним взглядом.

К стр. 130

Джины — исполкинские чудовища, враждебные и богам и людям. Понятие о *джи*нах принесено в малайский мир арабами.

К стр. 132

Кумба Керна — раксаса, брат махараджи Раваны. Он отличался необычайной прозорливостью и во время боя со страшной быстротой подал всех убитых врагов. В мирное время было трудно прокормить его, и для того, чтобы не нуждаться в пище, он испросил у богов дар спать непрерывно, пока его не разбудят для какого-нибудь дела.

К стр. 136

Кети Бехара — раксаса огромной силы. То, что махараджа Балия сражался с ним (и даже уничтожил его), должно свидетельствовать о мощи Балии. Упоминание рассказчиком *Кети Бехары* как лица, известного его слушателям, показывает, что существовало много преданий, связанных со «Сказанием о Серии Раме». Далеко не все они вошли в тот свод, с которого сделан наш перевод. Цизенис рассматривает имя *Кети Бехара* как возникшее из плохо написанного арабским шрифтом имени *Арджуны* — *Картавилля*, — могучего царя, упоминаемого в индийском эпосе *Махабхарата*. *Арджуна* — главный герой *Махабхараты*, один из пяти братьев *Пандава*.

К стр. 140

Я бы ее убил, но она женщина. — Убить женщину — позорно для героя. Выполнить же любой приказ начальника для его подчиненного — *Лаксамана* — не позор, а долг.

К стр. 144

«*Анарчианг сабура ваванам*» — непонятные слова, которые, очевидно, должны обозначать что-то на языке лука.

«*Гляди, братец, на мой почерк.*» — Выражение «*почерк*» употреблено здесь так же, как сейчас говорят, например, о «по-

черке» какого-нибудь знаменитого летчика, т. е. отличительной особенности, свойственной кому-нибудь в его специальной деятельности. В данном случае Рама предлагает Лаксамане посмотреть, как он будет справляться с ракасасами.

К стр. 149

...Лаксамана не женат. — Равана хочет сказать, что за оскорблением Суры Пандаки он хотел бы отомстить жене Лаксаманы.

Гагак Насир — ракасаса в образе ворона, отец Махалоки и Перджанги Суры — двух ракасас в собачьем облике.

К стр. 150

«...отнести туда кусок говядины». — По индусским представлениям, кусок говядины оскверняет жертву. Для индуса корова и бык — священные животные. Убить корову или быка — большее преступление, чем убить человека. Лишь самые низшие касты могли есть говядину (конечно, только павших животных). Только ракасаса мог придумать такое осквернение жертвоприношения. И не случайно мысль сбросить кусок говядины на жертву Рамы приходит в голову ракасасам-собакам, а выполнить ее берется ракасаса-ворон.

К стр. 151

Золотая и серебряная лани. — В индийской Рамаяне Махалоке и Перджанги Суре (также Перабу Джанги Сура) соответствует один демон по имени Мариччи, который превращается в золотого с серебряными пятнами оленя, т. е. пятнистого оленя. В Индонезии пятнистые олени не водятся, поэтому в «Сказании о Сери Раме» говорится о двух ракасасах, из которых один превращается в золотую лань, а другой — в серебряную.

К стр. 153

Дасампани — второй сын Ки Субрису. С луной улетел не он, а его старший брат Маха Биру (см. прим. к стр. 31, Маха Биру).

К стр. 154

«Обещал пророку Адаму...» — см. прим. к стр. 21 (Равана).

К стр. 155

Парсанг, или персанг, — мера длины, приблизительно равная 6—7 км (от персидского фарсах, фарсанг).

К стр. 156

«...запела на птичьем языке». — Сита Деви запела на птичьем языке, чтобы предупредить Джентаку — гаруду, но Джентаку был сыном отшельника Ки Субрису, человеком-богатырем в облике гаруды, и потому он не понял песни на птичьем языке.

К стр. 158

«...обратился ко всем женщинам и слугам, которые там были». — Слуги и придворные девушки, оказавшиеся в обители Рамы и Ситы, были созданы из пучков цветов и травы Преславным богом по жертвоприношению Сери Рамы при поселении его у подножия горы Букит Индера Паванам. Упоминание о них показывает, что в «Сказании» объединены несколько версий. Если в доме были слуги, то Сита Деви и после ухода Лаксаманы была не одна. Ей незачем было самой выходить к Раване, явившемуся под видом нищего берахмана. Очевидно, рассказ

о похищении Ситы восходит к одному варианту «Сказания», а рассказ о сотворении для нее подружек и слуг — к другому.

К стр. 161

«Она была громадная». — Хотя о Джентаю говорится, что он огромный, как гора (ведь он один из трех гаруд, т. е. мифических орлов), однако в скульптуре он часто изображается не только как орел, но и как попугай или павлин.

К стр. 162

Горы Каф (от названия Кавказ), согласно мусульманским представлениям, окружали мир. Упоминание гор Каф, по-видимому, также один из случаев проникновения мусульманского влияния в индонезийский эпос.

К стр. 167

«Хануман понял» — в силу своего волшебного дара.

К стр. 175

Дерево нанка — см. прим. к стр. 50 (нанка)

К стр. 177

«Сцепись со своим братом» — это выражение объясняется тем, что, хотя Сери Рама и разговаривает с Сугривой по-человечески, он все же видит перед собой обезьяну.

К стр. 179

Келамбак — сорт драгоценного душистого дерева.

Кестури — душистое растение с сильным и приятным запахом, род можжевельника (*Juniperus chinensis*); кладется в коштер при сожжении покойника.

К стр. 183

«.. потому что я старший». — В действительности Сугрива — младший брат, сын Деви Индры от мамбанга. Вероятно, в данном случае мы имеем дело с ошибкой или изменением, внесенным в рукопись переписчиком. В самом деле, старший брат, по взглядам малайцев, заменяет младшему брату отца, поэтому скорее старший брат должен прощать младшему, чем наоборот.

К стр. 188

«Возложил его себе на голову» — в знак повиновения.

К стр. 190

Веджая Мала — мифический волшебный цветок, при помощи которого можно оживлять умерших.

К стр. 192

«Вместе со своим дворцовым покоем» — поэтическое преувеличение взамен «вместе со своим ложем».

К стр. 196

Каранг Кетюл — вероятно, описка вместо Каранг Туюл — обезьяний князь, которого Сугрива привел в помощь Сери Рама.

Лакса — десять тысяч.

К стр. 199

«...разреши мне поест с одного листа с тобой». — В древней Индии и Индонезии кусок бананового листа заменял тарелку. Только равные или родственники могли есть с одной тарелки, поэтому Хануман, в сущности, попросил о публичном признании его сыном Сери Рама.

Балар Сулу — место в центре океана. По малайским преда-

ниями, там, на дне океана, имеется бездонная пещера, в которой живет огромный краб. Когда он выползает из пещеры, туда устремляются воды океана и на берегах земли наступает отлив, а когда краб опять возвращается в пещеру, он вытесняет часть вод и наступает прилив. Из бездны этой пещеры рвутся пучины вод и вечно пополняют океан.

К стр. 200

Дерево маджа — плодое дерево (*Aegle marmelos cogrea*).

Его листья и корни употребляются как лекарственное средство.

«Эту воду мы несем для ее купания». — Малайцы, как и индийцы, купаются в текущей воде — или в реке, или поливая себя водой (но не в ванне или в бадье). Знатного человека слуги обливают из больших горшков-кувшинов. В современных индонезийских домах, конечно, есть ванны комнаты, но все-таки большей частью индонезийцы купаются, не садясь в ванну, а обливаясь. Обливание продолжает применяться для церемониального и ритуального купания.

К стр. 203

«...оказался гораздо выше, чем махараджа Равана». — Тем самым Хануман показал полное презрение к Раване.

К стр. 204

Море Кальзум. — Слово *Кальзум* попало в «Сказание», очевидно, из арабского языка (арабское название Красного моря — Бахр аль-кульзум). Однако в «Сказании» отнюдь не подразумевается Красное море; наоборот, это, вероятно, какое-то море, близкое к Лангка Пури и лежащее на пути от Цейлона к обителю Рамы. Вероятнее всего, это Манаарский залив (у южного побережья Индии). Но почему именно этот залив ассоциируется с арабским названием Красного моря? Очевидно потому, что арабские купцы, приплывавшие в индийские земли, прежде всего старались скупать жемчуг, а Манаарский залив, как и Красное море, был крупнейшим местом добычи жемчуга на Востоке.

К стр. 205

Кетагаран — гора Адамов пик, самая высокая гора на Цейлоне. С ней связаны различные религиозные легенды. Мусульмане утверждают, что Адам, изгнанный из рая, впервые ступил на землю именно на этой горе, оставив на ее вершине огромные следы. Индусы же считают, что эта огромная и очень слабо напоминающая форму ноги впадина является следом ноги бога Вишну, который в одном из своих аватаров в виде карлика тремя шагами прошел всю землю.

К стр. 209

Пери — род фэй — попали в индонезийский фольклор из индийского, так же как и небесные девы — бидадари. В индийский же фольклор они пришли из персидского и, по существу, слились с бидадари.

К стр. 212

Ма'ульхят (по-арабски букв.: «вода жизни») — по индонезийским представлениям, вода, которая находится в центре земли; всякий, кто выпьет ее, становится неуязвим. Стрела Серия Рамы Гандевати, коснувшись этой воды, заставила ее забыть

фонтаном в подводном мире, а Хануман, бросив в океан гору, поднял этот фонтан над поверхностью моря. Название Ма'ульхаят, видимо, соответствует санскритскому слову *амрити* (чудодейственная жидкость, дарующая бессмертие).

К стр. 215

Петерам — кинжал Ситы Деви. Вообще *петерам* по-индонезийски значит маленький женский крис (см. прим. к стр. 218, *крис*).

К стр. 216

Хорасан — область на северо-востоке Ирана — в течение всего средневековья славилась на Востоке выделкой стали особой крепости и закалки, так что хорасанская сталь считалась самой лучшей. Индийская Рамайна проникла в Индонезию задолго до появления там сведений о Хорасане и хорасанской стали. Но данный вариант «Сказания» был записан в Малайе только в XVII в. До тех пор он передавался рассказчиками из уст в уста. Рассказчик на Востоке называется «сахиб-уль-хикаят», т. е. властелин рассказа. Это значит, что он может передавать его так, как ему кажется лучше, поэтому, хотя сказители всегда стараются как можно точнее придерживаться заученного ими текста, все же иногда они вставляют от себя тот или другой эпитет. В данном случае место заточения Ситы Деви — железную крепость — называют еще сделанной из хорасанской стали, так как у слушателя XVI—XVII веков знакомое выражение «хорасанская сталь» вызывало очень конкретное представление о неприступности новой крепости.

«...обликом и цветом». — Сери Рама был одним из воплощений бога Вишну, а этот бог изображался индусами обычно зеленого цвета. См. также прим. к стр. 25.

К стр. 218

Крис — малайский кинжал. Его лезвие имеет от одного до тринадцати волнообразных изгибов в одной плоскости с лезвием, дающих страшные рваные раны. Размеры криса различны — от маленького, в несколько сантиметров, который женщины носят на груди или в волосах, до тридцати-сорока сантиметров, который носят за поясом в плоских кожаных или деревянных ножнах. Ручка криса большей частью деревянная, обычно резная, часто украшенная слоновой костью, золотом, драгоценными или полудрагоценными камнями. Она имеет своеобразную форму соответственно месту изготовления криса. Хорошие крисы выделяются путем холоднойковки и отличаются белым узором на синей стали клинка благодаря примеси никеля. (В сталь дорогих крисов обычно примешивают некоторое количество материала какого-нибудь метеорита. Ведь метеориты падают с неба, и кусочек метеорита делает оружие как бы священным. Метеориты же, находимые обычно в Индонезии, состоят из железа с сильной примесью никеля.)

К стр. 219

«...радостно сел около Сери Рамы». — Бибисанам обрадовался тому, что Сери Рама посадил его рядом с собой, т. е. принял с почетом.

К стр. 221

«...отрезал нос и уши». — На самом деле, как говорилось ранее, Лаксамана отрезал Суре Пандаки нос и руки, а не уши.

К стр. 223

Буга Биса — букв.: «ядовитый слепой». Это страшный фантастический образ слепого чудовища, воплощение ненависти. Его боится сам Равана — его отец — и держит в подземном плену с закрытыми глазами, так как он сжигает все, на что падает его взгляд. В индийской Рамаяне у Раваны нет такого сына. По-видимому, этот образ — порождение фольклора Индонезии, страны бесчисленных действующих вулканов.

К стр. 225

Ибу Рани — букв.: «мать-царица». Собственное имя этой царицы и название ее царства в тексте не даются. В других вариантах «Сказания» вместо этой царицы появляется служанка.

К стр. 227

Царь-рыба Джандана, мать Ханумана Тугангаха, и ее сын — персонажи индонезийского, а не индийского фольклора.

К стр. 229

«...и семеро светлейших ваших сыновей погибли». — Здесь предвосхищение событий, так как у Раваны было всего семеро сыновей, а Индера Джата и Мула Патани были еще живы. Впрочем, Мула Патани — фигура индонезийского эпоса.

К стр. 230

«...Индера Джата разыскал красивую женщину и убил ее...» — Этот эпизод совершенно не соответствует благородному характеру Индеры Джаты — царя небожителей. Даже Равана предлагал не убивать живую красавицу, а создать путем волшебства призрак женщины, похожий на Ситу Деву. В других вариантах «Сказания» об этом убийстве не упоминается.

К стр. 231

«В седьмую глубину земли» — т. е. в самый центр земли. Брахманизм, так же как и более поздняя форма индийской религии — индуизм, делит подземный мир на семь царств, находящихся одно под другим; небесный мир состоит из семи небес, расположенных одно над другим.

К стр. 232

«...встретил толпу монахов». — В тексте «Сказания» в значении «монах» употребляется как слово *бикку*, так и слово *махареси*. *Бикку* — значит буддийский монах (это индонезийское произношение слова *бхикку*, заимствованного из языка пали, на котором была написана большая часть буддийского канона).

К стр. 233

«...возливали растопленный говяжий жир». — Чрезвычайно странная подробность жертвоприношения! И в брахманизме и в индуизме убийство быка или коровы — величайшее преступление. Обычно в жертвоприношении возливаются молоко или топленое масло. Правда, несмотря на свой благородный характер, Индера Джата — сын Раваны, следовательно, раксаса, демон, но ведь здесь, в тексте «Сказания», несмотря на то что жертву

приносит Индера Джата, расплавленный говяжий жир возливают все-таки четыре тысячи берахманов!

«Сестрица» — см. прим. к стр. 56.

«...обмахивали их желтыми платками». — Дворцовые слуги ходили с желтыми шелковыми платками, перекинутыми через плечо. Они обмахивали ими царскую чету, если под рукой не было опахала, накрывали ими от мух миски с едой, когда несли их из кухни к столу, и т. д.

К стр. 234

Маникубуми — наместник государя, второе лицо в государстве.

«...все три его головы». — Индера Джата — сын десятиголового Раваны — имел три головы, которые делались видимыми, только когда он сердился, обычно же на его шее была видна только одна голова.

К стр. 235

«...покалывая коней своей колесницы». — Запряженных коней индонезиец подговял не ударами бича, а уколами длинной тонкой палки с металлическим острием на конце, т. е. не нахлестывал, а как бы прищипывал.

К стр. 238

Четыре мира — т. е. земной, подземный, морской и небесный.

Си-Амук — название волшебного меча Раваны. Слово амук (или амок) значит «ярость»; приставка «си» превращает это слово в прилагательное «яростный» и персонифицирует его.

К стр. 240

Джама Ментери — брат отца Раваны, отказавшийся от наследования престола после смерти отца Раваны Читра Баху. Читра Баху и Джама Ментери — сыновья Бермы Раджи, т. е. берахмаы. Джама Ментери поэтому отличается более благородным характером, чем рожденные от раксасы. Равана и младший брат Раваны Кумба Керна. Джама Ментери играет большую роль в варианте «Сказания», опубликованном Шеллабером, чем в варианте Роорда, которому следует данный перевод.

Банда Нала. — В тексте «Сказания» Равана называет Банду Налу своим братом. Между тем бросается в глаза сходство имени Банды Налы с именем старшего дяди Раваны по отцу — Баданул, о котором говорится, что он был преемником Бермы Раджи на престоле, царствовал восемь лет и умер.

К стр. 241

Арак — пальмовое вино.

К стр. 245

«...накрошить лекарство». — Лекарство это представляет собой корень, а корни, орехи, стручки, зерна и тому подобные приправы и лекарства индонезийцы стругают, шинкуют и растирают на большом плоском продолговатом камне — необходимой принадлежности каждой индийской и индонезийской кухни. Этот камень применяется также во многих культовых обрядах.

К стр. 247

«Открыл глаза» — т. е. очнулся от молитвенного экстаза.

К стр. 248

«...выстрелил в маленькую головку Раваны».— В этой маленькой головке находилась душа Раваны, и ее смерть была смертью и Раваны.

«Я все получил».— Умирая, Равана пытается оклеветать Ситу.

«...а то ты меня опять убьешь».— Окончательно убить демона — Равану — невозможно, но Раване все же больно, когда его убивают, и он хочет избежать лишней боли.

К стр. 250

Первары — см. прим. к стр. 112 (даянг).

К стр. 252

Гора Серендиб — название гор на Цейлоне.

«Я своего добился».— Это свидание с Раваной дублирует сцену смерти Раваны и его попытку оклеветать Ситу Деви. Оно, очевидно, введено рассказчиком как напоминание перед новой клеветой Кикиви Деви, чтобы заставить Сери Раму вновь подозревать свою целомудренную супругу в неверности.

К стр. 259

Куса — трава вроде осоки, считающаяся священной.

К стр. 261

Анта — индонезийская форма санскритского названия города Айодхья.

Индера Паста — индонезийская форма санскритского названия города Индрапрастха, столицы и главной резиденции Пандавов — героев эпоса Махабхараты. Как появились герои Махабхараты в Рамаяну? Индийцы принесли в Индонезию оба своих великих эпоса. Оба они служили любимым источником сценариев театра теней — *ваянг кулит*. Отдельные второстепенные герои и военачальники, а также названия городов и стран, связанных с ними, могли именно через этот театр из пьес, основанных на одном эпосе, попадать в пьесы из другого эпоса.

Астина — индонезийская форма санскритского названия города Хастинапура — резиденции героев Махабхараты, братьев Каурава.

Даланг — так называется в индонезийском кукольном и теневом театре кукольник и водитель теневых фигур. Он же обычно является владельцем театра. Очень характерно, что рассказчик «Сказания» называет себя далангом. Дело в том, что едва ли не каждый эпизод этого эпоса лег в основу какого-нибудь сценария теневого театра. Обычно даланг имеет запись той или другой части рассказа о Сери Раме в качестве сюжета. Для представления он разрабатывает по этому сюжету подробный сценарий. Если он считает какой-нибудь сценарий особенно удачным, то он записывает его от слова до слова как пьесу для теневого театра. Эта пьеса является его собственностью. В настоящее время многие даланги печатают свои пьесы, являясь, таким образом, не только кукловодами, но и драматургами.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН И ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Агай Гандай — 50 *, 53, 139, 220
 Адам — 17, 154, 205, 239, 251, 262, 263, 274, 275
 Авудаха — 207—209
 Айодхья — 281
 Айодхья Пура Негара — 261, 281
 Аллах — 10, 89, 262, 270
 Анггада — 121, 122, 179, 236, 261
 Анггада Нила — 249
 Анггада Махабиоу — 179, 181, 196, 219, 249, 285
 Анггаса Дева — 92, 284
 Андана — 174
 Анджани — 244 (см. также родословную Гутамы)
 Анила — 121, 122
 Анта — 281
 Анта Иди — 122, 123, 134
 Анта Пура Индера — 240
 Анта Пура Негара — 261
 Анула Нила — 179
 Арджуна — 274
 Астана — 89, 271
 Астина — 261, 281
 Атанг Ранн — 225

 Баданул — 278
 Бакдурана — см. Перджангга
 Бакерма — 232, 286
 Бакрама Дева — 24
 Бала Рама — 269
 Баляя Дари — 19, 20, 22, 25, 26, 81—83, 85, 86, 88, 262, 270, 287 (см. также родословную Рамы).
 Баляя Кеса Дини — 178, 284

 Баляя — 12, 106—124, 125—136, 163—170, 172—180, 183, 184, 188, 189, 197, 199, 201, 218, 220, 272, 273, 284 (см. также родословную Гутамы)
 Банда Нала — 240—242, 280
 Бахар Сулу — 199, 275,
 Бахр аль-Кульзум — см. Кальзум
 Баю Бата — 91, 127, 270, 284
 Берантах Индера — 72, 78
 Берга Синга — 99—103, 138
 Бердана — 25, 27, 49, 50, 78, 80—84, 86—88, 97, 180—183, 251, 253, 264, 271, 287
 Берджентака — 207, 210, 211
 Берма Берани — 211, 212, 286
 Берма Дасарата Чакравати — 23
 Берма Дева — 23, 24
 Берма Куаса — 211, 286
 Берма Некорма — 109
 Берма Раджа — 50, 52, 153, 267, 280
 Берма Сакти — 195, 284
 Бетара — 95, 137, 271
 Бетара Берахма — 57, 109, 217, 218, 268
 Бетара Гуру — 57, 268
 Бетара Дева — 46
 Бетара Индера — 126, 207, 209
 Бибисанам — 36—38, 99, 100, 106, 107, 132, 135, 136, 203, 214, 218, 219, 223—225, 227, 228, 231, 232, 241, 244, 245, 249, 252—254, 259, 267, 278

* Жирным шрифтом выделены страницы, на которых сообщаются наиболее полные сведения о героях произведения, городах, местностях и т. д.

Бимачалам — 46, 267
Бирун — 232, 286
Бисну — 63
Бома — 267
Брахма — 10, 262, 267, 268
Будда — 269
Букит Индера Паванам (Букит Паванам) — 97, 119, 275
Букит Паванам — см. Букит Индера Паванам
Бута Биса — 13, 223, 224, 279
Бхарата — 264, 271

Вальмики — 7—10, 262, 267, 270, 271, 273
Варта (Гунунг Сина) — 196, 285
Ваю — 270
Веджая Мала — 190, 276
Вирата Сакти — 95, 96
Виса Каонаксан — 216, 286
Вишну — 5, 10, 262, 264—268, 269, 270, 274, 277, 278

Гагак Насир — 149, 150, 152, 263, 275, 286
Гагак Сура — 21, 22, 139, 220, 263
Гальюрана Гангса — 132, 136
Гангга Маха Сура — 34, 132, 217, 227, 286, 287
Гангга Сурани Деви — 261
Гангса Индера — 46—48
Гандевати — 47, 61, 77, 92, 97, 144, 146, 158, 160, 174, 175, 188, 191, 212, 217, 235, 242, 248, 277
Гендао Ванам — 162, 191—193, 195, 197, 198
Гендара Паванам — 184
Генлаои — 102—104, 285
Гунунг Сина — 196, 285
Гутама — 95, 124—127, 169, 272, 273

Далилам — 89
Дандака Аранья (Дандакаванам) — 273
Данга Керма — 196, 285
Данара — 207—210, 285

Дарвати Пурва — 39, 40, 54—56, 63, 66—68, 72, 159, 257—259

Даргам Буга — 254, 286
Даркалах Сина — 138, 139, 142—147, 150, 286 (см. также родословную Раваны)
Дарпада Джакса — 196, 285
Дару — 207—210, 285
Дасампани — 31, 153, 162, 275, 284

Дасарата — 17, 262 (см. также родословную Рамы)
Дасарата Махаралджа — 12, 17—25, 28—30, 32, 33, 40—42, 44—47, 49—52, 54, 56, 57, 59, 60, 63, 71—76, 78—83, 87, 93, 95, 109, 124, 146, 153, 173, 177, 178, 262, 270, 284, 287
Дасарата Раман — 17, 95
Дасарата Чакравати — 17, 44, 51, 52, 94, 124, 173, 178
Дати Дженггала — 170, 171, 286

Дати Кавача — 178
Дати Кутама — 178
Девата Мулия Райя — 10, 262
Деви Анджани — 12, 91, 124, 125, 127—129, 167, 169, 270 (см. также родословную Гутамы)
Деви Беома Кемала — 120, 121
Деви Индера — 124—127, 271
Деви Нила Варти — 212
Деви Сеон Джати — 214—216
Дерса Синга — 99, 101—105, 137, 221

Джабал Гиои — 196, 285
Джагани — 50—53, 62, 71, 139, 220

Джакми — 68, 70
Джаладара Мендунг — 28
Джалука — 211, 286
Джама Ментеои — 240, 241, 243, 250, 253, 280

Джанака — 267
Джандана — 227, 279
Джая Синга — 207—211, 286
Джембават Рактиан — 90, 286
Джембуара — 109, 110, 116—119, 121, 122, 179, 181.

- 183—185, 196—199, 217,
218, 224, 261, 272, 285
Дженгаю — 31, 153—158, 161,
162, 275, 276, 284
Донар — 270
Дурмула — 196, 285
Дурья Пура Негара — 254,
257, 259—261
- Ибу Рани — 225, 226, 279
Индари Сегара — 196, 237
Индера — 62, 99, 137, 196,
268, 285
Индера Вадн — 68, 69
Индера Джата — 34, 56, 57,
61—63, 106, 132, 133, 136,
219, 229, 230, 232—240,
261, 266, 279, 286, 287 (см.
также родословную Раваны)
Индера Кесума Деви (Индера
Кусума Деви) — 234, 261
Индера Кусума Деви — см.
Индера Кесума Деви
Индера Паванам — 96—98,
104, 119, 120, 143, 146,
273
Индера Паста — 261, 281
Индера Пуспа Ванам — 38
Индера Пуспа Лока — 107
Индера Самали — 196
Индера Суласи — 196
Индрпрастха — 281
Испаха Бога — 18, 19
- Кайкейи — 262, 264, 271
Кала Индера — 204, 286
Кала Сакти — 214, 286
Кала Сехари Бунтинг — 89—
91
Кальвум Бахр аль-Кульвум —
204, 205, 277
Кали — 39—42, 47, 49—69, 72,
159, 252, 254, 255, 257—
260, 267
Кангиран — 200, 284
Кану — 116, 120, 284
Карана — 196, 285
Каранг Беранг — 219, 284
Каранг Кемала — 195
Каранг Кетуял — 196, 285
Каранг Туял — 179, 181, 219,
249, 261, 275, 285
- Картавилая — 274
Катагина — 126
Кашьяпа Риши — 264
Каурава — 281
Каф — 162, 276
Келбуран Гангса — 261
Кемала Деви (Кемала Деви
Индера) — 56, 106, 233, 234,
237—239
Кемала Деви Индера — см. Ке-
мала Деви
Кемендах — 196, 285
Кердах — 196, 285
Кермаджа — 196, 285
Кермах Сура — 196, 285
Керта — 196, 285
Кетагаран (Адамов пик) —
205, 277
Кети Бехара — 136, 174, 175,
274, 286
Кикуви Деви — 25, 251, 252,
255, 256, 259, 264, 281
Кикукан — 93, 94, 270, 284
Ки Субрису — 30, 31, 153—
156, 264, 266, 275, 284
Кобит — 196, 285
Кришна — 269
Кумба Керна — 132—136, 220,
221, 274, 280
Куси — 259—261
- Лагур — 153
Лагур Катагина — 110, 113,
116, 117, 126, 127, 133, 134,
163, 164, 169, 173, 176,
179—181, 183, 196, 197,
201, 205, 206, 227, 269
Лаксамана — 25, 41, 43—48,
51—54, 58, 59, 63—69, 71,
72, 74—76, 78—80, 84—86,
88—93, 95—99, 137—147,
149—153, 158—162, 167—
175, 179—188, 191, 198,
199, 208, 215, 217, 218, 221,
225, 227, 230—237, 240,
244—246, 248, 251, 253, 254,
259—261, 264, 270, 275,
287.
Лангка — 263, 287
Лангка Пури — 22, 31, 32, 34,
35, 45, 63, 100, 101, 106,
109, 115, 119, 132, 134,

- 135, 147, 151, 153, 161, 183,
184, 193, 194, 196, 198—200,
203, 204, 206, 208, 210, 212,
213, 216—219, 223, 224,
227, 229—232, 234—236,
238, 240, 241, 244, 248—
254, 261, 268, 277, 287
- Лара Джонгранг — 13, 287
Лупаданг — 68, 70
Лурех — 68, 70
- Маду Силан — 211, 212, 286
Май Рани Сури — 93, 94, 284
Мали Кесна — 197
Мали Сина — 196
Мандодари — 262
Манду Гапура — 261
Манду Даки — 12, 28, 30, 32—
37, 39, 43, 101, 106, 108—
112, 118—120, 132, 148,
153, 239, 245—248, 252,
253, 265
Манду Дари — 12, 17, 19, 20,
22, 25, 26, 28—30, 32, 51,
78, 85, 86, 88, 159, 180,
182, 262, 265
Мандура Пура Негара — 20,
21, 28, 46, 49, 68, 74, 78,
80, 88, 89, 95, 97, 159, 182,
231, 253
Манурам Девы — 39, 40, 42,
49, 65, 66—68, 252
Мариччи — 275
Маркас — 175, 213
Матахари — 99, 271
Ма'ульхяат — 212, 277
Маха Биру — 36, 153, 249,
261, 266, 275, 284
Маха Бисну — 10, 30, 31, 38,
42, 46, 47, 77, 162, 171,
173, 178, 188, 190, 192—194,
209, 212, 213, 218, 265
Махабхарата — 56, 274, 281
Маха Дева Ментери — 247,
286
Махалока — 149, 151, 275, 286
Махарамма — 120, 196, 284
Махарамма Сура — 80, 84, 86—
88, 146, 181, 270, 284
Маха Рапарита — 253
Махрат — 68, 71
Мерак Эмас — 46, 267
- Мерду Вангса — 261
Мир Хасан — 8
Михаил (архангел) — 269, 270
Мула Патани — 243, 244, 279
Мухаммед — 262
- Нага Пертала Секанда Дева —
46, 47, 61, 77, 267, 284
Нала — 196, 285
Нарджума — 196, 285
Нарудаха — 207
Нила — 261
Нила Ангада — 179, 181, 183,
184, 196, 207—212, 217—
219, 249, 253, 261, 285
Нила Бута — 184, 192—195,
197, 198, 207, 209, 210, 218,
219, 249, 261, 284
Нила Керма — 120, 284
Нила Пурба — 43—48, 121,
280
Нила Чакрава — 114—120,
133, 136, 273, 284
Нула — 249, 261
Нула Нила (Анула Нила) —
179, 181, 196, 219, 261, 285
- Палевати — 47
Паменда Вали — 104
Панаса — 196, 285
Панатаран — 13, 287
Пандава — 274, 281
Пандаки — см. Сура Пандаки
Панджи — см. Сери Панджи
Пантала — 196, 285
Паранта Баю — 196
Парта Мала — 196, 285
Патала Махирани — 34, 132,
223, 225, 227, 228, 266
Перабу Джангги Сура — см.
Перджангги Сура
Перабу Кала — 178
Перанг Канди — 211
Перастама — 224, 286
Пераста Суда — 147, 150, 151
Пердана — 95, 124, 128—131,
167, 169
Перджангга (Бакдурана) —
197, 284
Перджангги Сура (Перабу
Джангги Сура) — 149, 151,
275, 286

- Пери Буга — 254, 286
 Перкаса — 196, 285
 Перкаса Мула — 189, 190, 192, 194, 284
 Перкат Бая — 211
 Петерам — 215, 278
 Преславный Бог (Великий Преславный Бог) — 19, 21, 22, 31, 37, 39, 43, 45, 47, 51, 54, 63, 69, 73, 85, 89, 98, 101, 104, 117, 119, 120, 122, 123, 126, 127, 132, 137, 139, 145, 147, 149, 150, 152, 158—161, 166, 168, 172, 175, 182, 183, 190, 193, 204, 207—210, 216, 223, 225, 226, 248, 256, 260, 262, 263
 Пупас Мандах — 196, 285
 Пура Негара — 261
 Пурба Ита — 96, 97, 286
 Пура Ганди — 95
 Пура Кесна Индера — 79, 284
 Пура Секали — 214, 286
 Пуроста — 20—23, 80—83, 86—88, 180, 262, 263, 284
 Пурус — 196, 285
 Пуспа Джая Керама — 17—21, 45—48, 284
 Пуспа Рама — 72—78, 139, 269
 Пуспа Салам — 104
 Равана — 5, 7, 8, 12, 13, 21, 22, 28—42, 44, 45, 47, 50, 52, 54—57, 59—63, 97—104, 106—110, 114—119, 125, 129, 132—136, 138, 140, 147—151, 153—157, 160, 161, 173—175, 178, 183, 194, 198, 200, 202—205, 208, 210, 214—225, 228—232, 234, 236—252, 255, 256, 262, 263, 266—268, 272, 274, 275, 277, 279—281, 286, 287
 Раджа Дираджа — 68, 70, 71
 Раджа Гунунг Сина — 285
 Рактили — см. Джембават
 Рама — см. Сери Рама
 Рама Чандра — 269
 Ранджак — см. си-Ранджак
 Сарата Махараджа — 170, 286
 Сахгентала — 207—209, 284
 Секанда Лела — 192, 194, 284
 Секанда Майя — 33, 34, 38, 39
 Семандари Сина — 139, 143, 146, 147, 286
 Семаар — 6
 Сембурана — 107, 109, 110, 126, 127, 131, 145, 184, 185, 187—194, 196, 197, 284
 Серендиб — 252, 281
 Сери Панджи (Панджи) — 9, 271
 Сери Рама (Рама) — 5—13, 17, 25, 26, 41—55, 57—99, 127, 137—141, 143—147, 149—154, 156—162, 167—176, 178—202, 205—210, 212—232, 234—236, 239—256, 258—262, 264, 266—272, 274—276, 278, 284, 287 (см. также родословную Раваны)
 Си-Амук — 238, 280
 Синга — 208
 си-Ранджак (Ранджак) — 31, 266
 Сита Девы — 5, 7, 8, 12, 13, 36, 40, 49, 54—57, 59, 60, 62—72, 74, 78, 84, 86, 89—99, 140, 141, 148, 151—154, 156—161, 168, 183, 198—202, 204—206, 214—216, 218, 219, 221, 224, 227, 229—232, 238, 239, 242, 249, 251—261, 267—271, 275, 278, 279, 281, 287
 Сугрива — 109—111, 116—118, 121, 122, 124—127, 129—133, 134, 163, 165—167, 169, 170, 172—179, 181, 183—191, 196—199, 207—210, 218, 231, 249, 272, 276, 284, 287 (см. также родословную Гутамы)
 Судамани — 225
 Сукасарана — 216, 217, 286
 Сура — 197, 284
 Сура Нала — 208, 209, 211, 286
 Сурамама — 60
 Суранггини — 50, 53, 139, 268
 Сура Пандаки (Пандаки) — 99, 101—105, 138—143, 146,

- 148, 149, 221, 262, 275, 279
(см. также родословную Ра-
ваны)
- Галака — 268
Танджук Майя Пурва — 107
Терилок — 68, 70
Терисула — 235
Тилави — 258—261
- Хавара — 192, 194, 824
Хануман — 12, 108—113,
116—122, 124, 127—131,
162, 167—169, 179, 185—
192, 194, 196, 198—206,
209, 210, 212, 213, 215,
217—219, 221—228, 230—
232, 234—236, 241, 242,
244—249, 252, 254, 259,
261, 270, 272, 276, 277, 287
Хануман Туганггах — 226—
228, 232, 249, 279
Хастинапура — 281
- Хираньякша — 266
Хорасан — 278
Хунам Чандера — 108
Хутан Сехари Бунтинг — 111
- Цезенис — 8
- Чандера Пуспа — 92
Чендера Вали — 137, 144
Чиндевати — 47
Читра Баху — 267 (см. также
родословную Раваны)
Читрадана — 25, 27, 49, 50,
78, 80—84, 86—88, 97,
180—183, 251, 253, 264
Читра Тамандана Пери — 234,
286
- Шатругхна — 264
Шива — 10, 268
Шурпанакха — 262
- Ярах Раджа — 68, 69

БИБЛИОГРАФИЯ

- Baumgartner A. (S. J.), *Das Rāmāyana und die Rāma-Literatur der Inder*,
Dozon A., *Étude sur le Roman Malay de Sri Rama*, — «Journal Asiatique», 4^{-ième} série, t. VII, 1846.
«*Hikajat Seri Rama*», Djakarta, Balai Pustaka, 1953.
Hooykaas en Hartmann, *Repertorium op de koloniale literatuur of systematische inhoudsopgaaf van hetgeen voorkomt over de Koloniën in mengelwerken en tijdschriften 1595—1900*, Amsterdam en 's Gravenhage, 1874—1901.
Jacobi H., *Das Rāmāyana. Geschichte und Inhalt, nebst Concordanz der gedruckten Recensionen*, Bonn, 1893.
Juynboll H. H., *Een episode uit het Oudindische Rāmāyana vergeleken met de Javaansche en Maleische bewerkingen*, — «Bijdragen tot de Taal-, Land- en Volkenkunde van Nederlandsch-Indië», № 50, 1899.
Juynboll H. H., *Indonesische en Achterindische Tooneelvoorstellingen, uit het Rāmāyana*, — «Bijdragen tot de Taal-, Land- en Volkenkunde van Nederlandsch-Indië», № 54, 1902.
Gerth Van Wijk D., *Jets over verschillende Maleische redacties van den Seri Rama*, — «Tijdschrift voor Indische Taal-, Land- en Volkenkunde», Deel 34, 1891.
Kats J., *Het Javaansche Tooneel I Wajang Poerwa*, Weltevreden, 1923.
Maxwell W. E., *Penglipur lara*, — «Journal of the Straits Branch of the Royal Asiatic Society», 1886.
Maxwell W. E., *Raja Ambong*, — «Journal of the Straits Branch of the Royal Asiatic Society», 1887.
Maxwell W. E., *Raja Donan*, — «Journal of the Straits Branch of the Royal Asiatic Society», 1887.
«*The Ramayana*». Transl. into English prose from the original Sanskrit of Valmiki. Ed... by Manmatha Nath Dutt, Calcutta, 1892—1893.
«*The Ramayana of Valmiki*», London, 1952.
Rassers W. H., *De Pandji Roman*, Dissertation, Antwerpen, 1922.
Ronkel Ph. S. Van, *A anteekeningen op een ouden Maleischen*

Ramajana-tekst, — «Bijdragen tot de Taal-, Land- en Volkenkunde van Nederlandsch-Indië», № 75, 1919.

Roorda van Eysinga P. P., *Geschiedenis van Sri Rāma, beroemd Indisch Heroisch Dichtstuk, oorspronkelijk in het Sanskrit, van Valmīc en naar eene Maleische vertaling daarvan, in het Maleisch, mit Arabisch karakter, mitsgaders met eene voorrede en plaat uitgegeven*, Amsterdam, 1843.

Shellabear W. G., *Hikayat Sri Rama*, — «Journal of the Straits Branch of the Royal Asiatic Society», 1917.

Stutterheim W. F., *Rāma-Legenden und Rāma-Reliefs in Indonesien*, München, 1925.

Zieseniuss A., *Die Rama-Sage bei den Malaien*, Hamburg, 1928.

Андреев Н. П., *Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне*, Л., 1929.

Мерварт А. М. и Л. А., *В глуши Цейлона*, М., 1929.

Мерварт Л. А., *Малайский театр*, — сб. «Восточный театр», Л., 1929.

Тулси Дас, *Рамаяна*. Перевод с хинди акад. Н. П. Баранникова, М., 1948.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Баля Дари требует, чтобы Дасарата Махараджа возвел на престол Бердану (горельеф с храма Лара Джонггранг)

Сери Рама, Сита Деви и Лаксамана покидают город Мандура Пура Негара (горельеф с храма Лара Джонггранг).

Равана в образе берахмана похищает Ситу Деви (горельеф с храма Лара Джонггранг)

Сери Рама и Лаксамана (горельеф с храма Лара Джонггранг)

Сери Рама убивает махараджу Балию во время его схватки с Сугривой (горельеф с храма Лара Джонггранг)

Хануман своим горящим хвостом поджигает Лангка Пури (горельеф с храма Лара Джонггранг)

Хануман докладывает Сери Рама о своем посещении Ситы Деви (горельеф с храма Лара Джонггранг)

Морские чудовища пытаются помешать обезьянам построить мост на Лангку (горельеф с храма Лара Джонггранг)

Хануман побеждает одного из предводителей раккас (горельеф с храма Панатаран)

ПРИЛОЖЕНИЯ

СТОРОННИКИ СЕРИ РАМЫ

- Пуспа Джая Керама, первый министр Дасараты Махараджи,
брат матери Сери Рамы
- Нила Пурба, бегаван, наставник Сери Рамы
- Нила Чакрава, бегаван, наставник Балии и Раваны
- Нила Керма, бегаван
- Махарамма, бегаван
- Кану, бегаван
- Пуроста, махареси
- Анггаса Дева, махареси
- Кангиран, махареси
- Ки Субрису, махареси
- гаруда Маха Биру
- гаруда Дасампани
- гаруда Джентаю
- Баю Бата
- Сахгентала, отшельник
- Сембурана, царь обезьян
- Секанда Лела, супруга Сембураны
- Нила Бута, сын Сембураны
- Хавара, раджа, астролог Сембураны
- Перкаса Мула, министр Сембураны
- Бакдурана, обезьяний князь
- санг Сура
- санг Перджангга
- Кикукан
- Май Рани Сури, супруга Кикукана
- Балия Кеса Дими, махараджа
- Нага Пертала Секанда Дева, божественный змей, превратившийся
в волшебные стрелы Сери Рамы
- Пурва Кесна Индера, махареси
- Махарамма Сура, министр и гонец Дасараты Махараджи
- Караг Беранг, военачальник
- Берма Сакти, махареси
- Балия
- Сугрива

ОБЕЗЬЯНЬИ КНЯЗЬЯ

Джабал Гирн
Каранг Туюл
раджа Гунунг Сина
Пурус
Дарпада Джакса, брат Пуруса
санг Дурмула
патех Джембуана
Анггада Махабиру
Нила Анггада
санг Дару
санг Дапара
Каранг Кетуюл (может быть, то же лицо, что Каранг Туюл)
Нула Нила
Индера
Карана

Обезьяньи князья с горы Мали Сина
санг Кемендах
санг Нала
третий брат (? — имя не названо)

Обезьяньи князья из рода Кермаджа
Кермаджа
санг Кердах
Кермах Сура
санг Варта

Четыре брата — обезьяньи князья
санг Перкаса
санг Керта
санг Панаса
санг Парта Мала

Пять братьев — обезьяньих князей
санг Данта Керма
санг Нарджума
Пантала
санг Пупас Мандах
Кобит

РАКСАСЫ

Министры и военачальники Раваны

Виса Карнаксан
Джембават, он же Рактили
Кала Сакти
Пурва Секали
Кети Бехара
Маха Дева Ментери
Перастама
Пурба Ита
Сукасарана
Сарата Махараджа
Дати Дженггала, сын Сараты Махараджи
Джая Синга
Сура Нала, сын Джаи Синги
Берма Куаса
Берма Берани } братья Джаи Синги
Джалука
Маду Силан
Девы Нила Варти, дочь Маду Силана
Гагак Насир
Махалока } сыновья Гагака Насира
Перджангги Сура

Военачальники Индеры Джаты

Бакерма
Бируи

Военачальники Гангги Маха Суры

Даргам Буга
Пери Буга

СОВЕТНИК ДАРКАЛАХА СИНЬ

Семандари Сина

НЕ РАКСАСЫ — ПОМОЩНИКИ РАВАНЫ

махареси Гендари
махареси Кала Индера
Читра Тамандана, пери, вестница Индеры Джаты

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Сказание о Сери Рама	
О том, как царевну Манду Дари нашли в стволе бамбука	17
Царевна Манду Даки	28
Сита Деви	36
Сери Рама обретает вещую силу	43
Борьба за Ситу Деви	49
Сери Рама получает Ситу Деви	62
Нападение во время возвращения домой	68
Уход из страны	79
Сери Рама и Лаксамана строят скит	89
Махараджа Равана идет войной на солнце и убивает Бергу Сингу	99
Махараджа Равана и махараджа Баля	106
Помощь бегавана Нилы Чакравы	114
Происхождение семей раджи Балии, Сугривы и Ханумана	124
Неудавшееся нападение	132
Месть за сына	137
Махараджа Даркалах Сина нападает на Сери Рама	143
Махараджа Равана похищает Ситу Деви	148
Сери Рама встречается с Джентаю	158
Борьба Балии с Сугривой	163
Встреча сына с отцом	167
Махараджа Баля умирает	172
Встреча четырех братьев	180
Подчинение махараджи Сембураны	187
Хануман отправляется в Лангка Пури	196
Покорение махараджи Джан Синги	207
Начало войны	214
Патала Махирани похищает Сери Рама	223
Борьба с Индерой Джатой	229
Лаксамана поражен стрелой Раваны	240
Махараджа Равана гибнет в бою	246
Сери Рама изгоняет царицу Ситу Деви	251
Заключение	258
Примечания	262
Указатель имен и географических названий	282
Библиография	288
Список иллюстраций	290
Приложения	291

СКАЗАНИЕ О СЕРИ РАМЕ

*

*Утверждено к печати
Редакционным советом востоковедной литературы
при Отделении исторических наук
Академии наук СССР*

*

Редактор издательства *И. Л. Елевич*
Художник *Л. С. Эрмлин*
Художественный редактор *И. Р. Бескин*
Технический редактор *Л. Ш. Береславская*
Корректоры *Р. П. Основат* и *Н. Б. Осягина*

*

Сдано в набор 14/IX 1961 г.
Подписано к печати 12/XII 1961 г.
Формат 84×108^{1/32} Печ. л. 9,25+0,375 п. л. вкл.
Усл. п. л. 15,78 Уч.-изд. л. 16,7
Тираж 10 000 экз. Зак. 1262
Цена 1 руб. 20 коп.

*

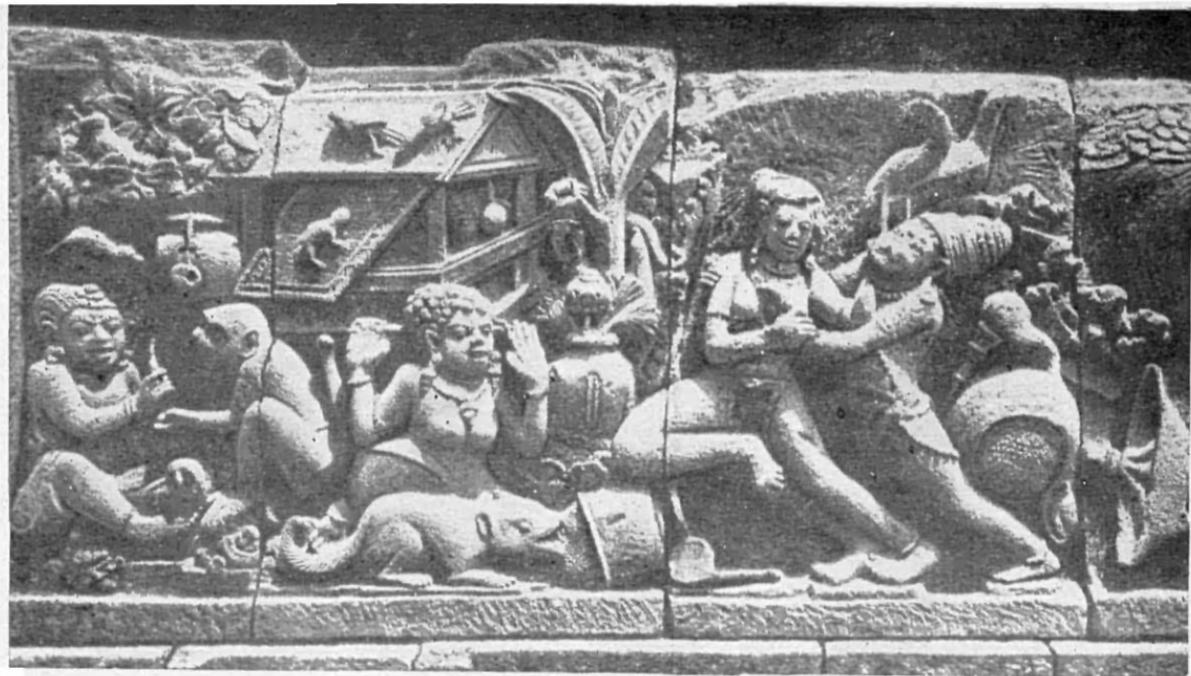
Издательство восточной литературы
Москва, Центр, Армянский пер., 2
Типография Издательства восточной литературы
Москва, И-45, Б. Кисельный пер., 4

Баля Дари требуе, чтобы Дасарата Махараджа возвел на престол Бердану (горельеф с храма Лара Джонгирани)

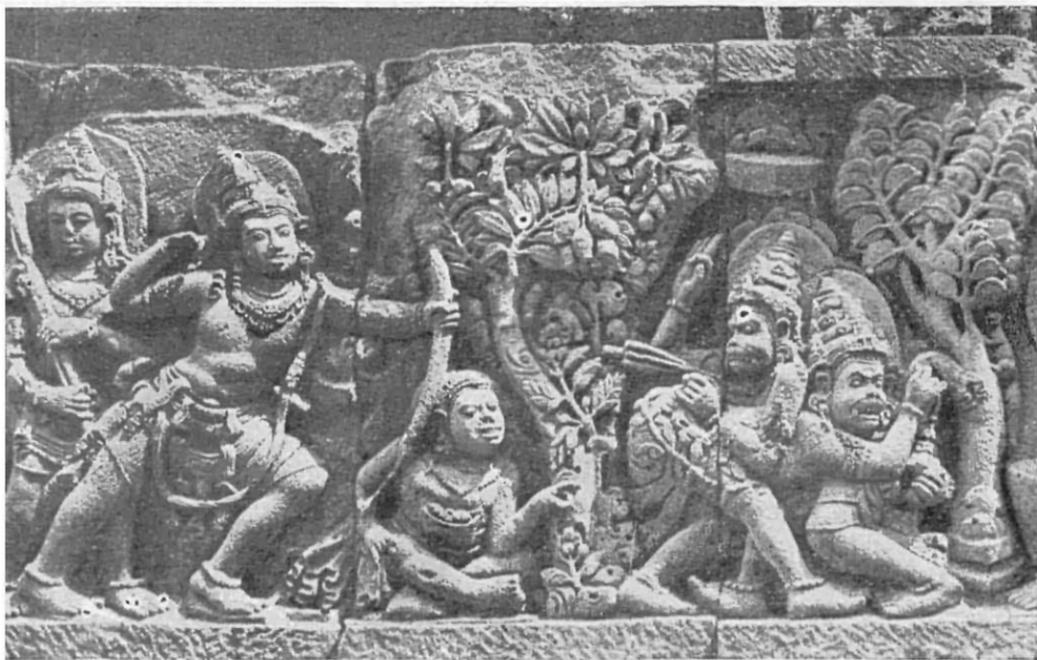
*Сери Рама, Сита Девы и Лакшмана покидают город Мандура
Пура Негара (горельеф с храма Лара Джонггранг)*

*Равана в образе берахмана похищает Ситу Деву
(горельеф с храма Лара Джониграні)*

Сери Рама и Лаксманана (горельеф с храма Лара Джонгграні)

*Сери Рама убивает махараджу Балию во время его сватки
с Сугривой (горельеф с храма Лара Джонгранг)*

*Хануман своим горящим хвостом поджигает
Ланка Пури (горельеф с храма Лара Джонгганг)*

*Хануман докладывает Сери Раме о своем посещении
Ситы Деви (горельеф с храма Лара Джонгганг)*

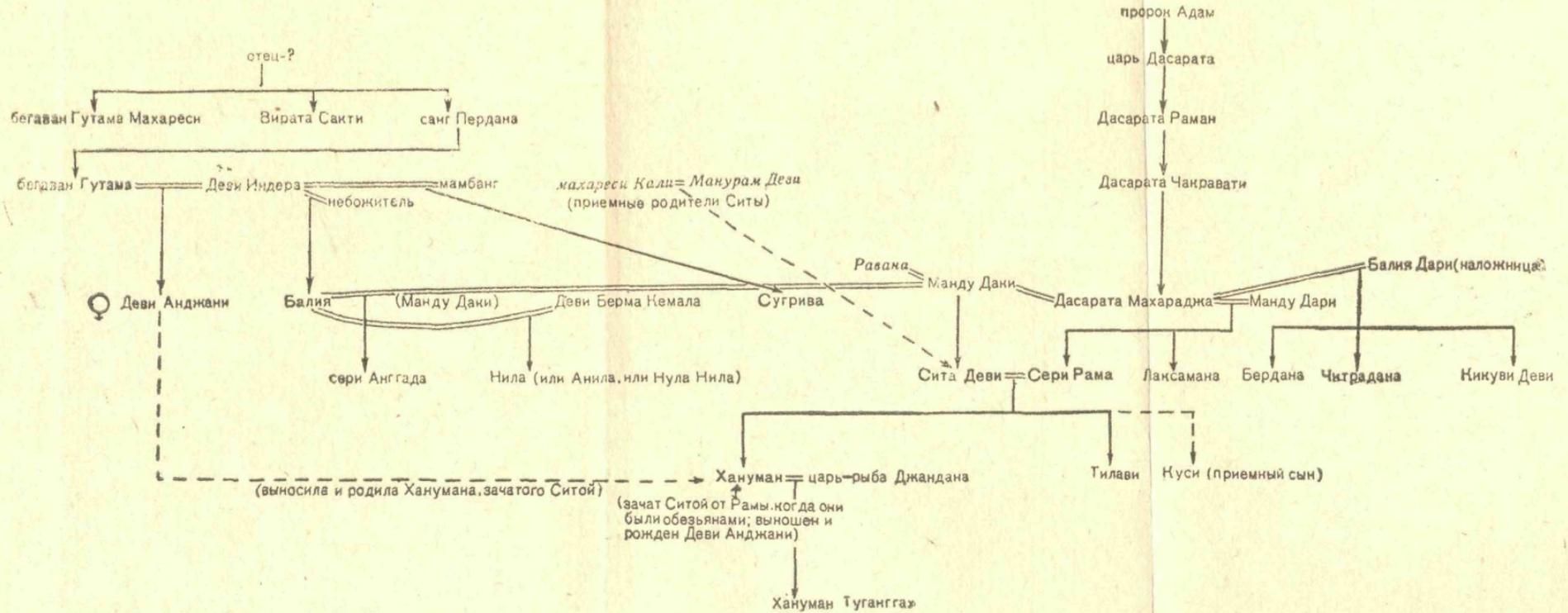

Морские чудовища пытаются помешать обезьянам построить мост на Ланку (горельеф с храма Лара Джонггранг)

*Хануман побеждает одного из предводителей ракшас
(горельеф с храма Панатаран)*

РОДОСЛОВНЫЕ СЕРИ РАМЫ, СИТЫ ДЕВИ, БАЛИИ
И СУГРИВЫ

РОДОСЛОВНАЯ РАВАНЫ

